

301 Н Нарочницкая

**РОССИЯ
И ВОЙНЫ ПРУССИИ
В 60 ГОДАХ XIX В.
ЗА ОБЪЕДИНЕНИЕ
ГЕРМАНИИ
"СВЕРХУ"**

ГОСПОЛИТИЗДАТ • 1960

Л. И. НАРОЧНИЦКАЯ

РОССИЯ
И ВОЙНЫ ПРУССИИ
в 60-х годах XIX в.
ЗА ОБЪЕДИНЕНИЕ
ГЕРМАНИИ
«СВЕРХУ»

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Москва . 1960

Книга освещает на основе многочисленных архивных и других источников малоизвестный вопрос об отношении царской России и западных держав к войнам Пруссии за объединение Германии в 60-х годах XIX в. Автор показывает, как реакционная политика западноевропейских правительств и царизма способствовала тому, что объединение Германии совершилось не революционным демократическим путем, «снизу», а привело к созданию милитаристской юнкерско-буржуазной Германии под главенством реакционной прусской монархии.

В книге анализируются отношения классов и политических течений в русском обществе к войнам Пруссии за объединение Германии, и в особенности позиция в этом вопросе русских революционных демократов. Книга вводит в научный оборот ряд новых фактов и обобщений и рассчитана на научных работников, студентов, учителей-историков и всех интересующихся внешней политикой России.

ПРЕДИСЛОВИЕ

В исторической науке еще мало изучены международные отношения в Европе во время войн Пруссии за объединение Германии «железом и кровью», хотя исследование этих вопросов представляет серьезный научный интерес и имеет важное политическое значение.

Объединение Германии в 1864—1871 гг. вытекало из потребностей капиталистического развития. Оно произошло под напором буржуазно-национального объединительного движения и имело прогрессивное значение, так как содействовало росту производительных сил страны и германского рабочего класса. Но усиление прусского милитаристского государства и форма объединения Германии под господством Пруссии были глубоко реакционными и привели к самым губительным последствиям. Прусский путь объединения Германии, «сверху», принес неисчислимые бедствия народам Европы и самому немецкому народу. Создание и дальнейшее усиление в центре Европы агрессивной юнкерско-буржуазной Германской империи во главе с Пруссией сыграли огромную роль в подготовке двух кровопролитнейших мировых войн, главная тяжесть которых пала в 1914—1918 гг. на народы России, а в 1941—1945 гг. — на советский народ. Только решающая роль Советского Союза в разгроме фашистской Германии привела к тому, что после второй мировой войны прусско-юнкерское государство как один из оплотов реакции и милитаризма было уничтожено.

В наше время, в обстановке, коренным образом отличной от той, которая сложилась в 60-х годах XIX в., германская проблема является одной из важнейших в международной политике. В то время как все социали-

стические государства и прогрессивные силы германского народа, главным оплотом которых является Германская Демократическая Республика, ведут борьбу за подготовку условий объединения Германии в миролюбивое и демократическое государство, выступают за сотрудничество между ГДР и ФРГ, американские и западноевропейские империалисты проводят на Западе политику возрождения германского империализма и милитаризма с целью использования его для новой войны.

Из сказанного видно, что изучение как настоящего, так и прошлого германской проблемы является одной из актуальных задач исторической науки. Серьезного внимания заслуживает история образования в 1864—1871 гг. юнкерско-буржуазной Германской империи под главенством Пруссии. Для понимания этого процесса необходимо изучение не только внутреннего развития и борьбы между сторонниками революционного объединения Германии, «снизу», и политикой Пруссии, но и выяснение позиции других европейских государств — Англии, Франции и России. Взаимные противоречия и страх перед революционным движением побуждали правительства этих государств в 1864—1866 гг. фактически способствовать усилению Пруссии и созданию милитаристской и агрессивной Германской империи, ставшей затем их опаснейшим противником. Политика Французской империи и других западных государств по отношению к России оказала большое влияние на сближение царского правительства с Пруссией. Стремление империи Наполеона III, Англии и Австрии увековечить невыгодные для России условия Парижского мира 1856 г. было главной причиной сближения царской России с Пруссией в 60-х годах XIX в.

Для выяснения характера внешней политики царского правительства особенно важно указание В. И. Ленина о том, что эта политика была неразрывно связана с внутренним положением России и что «выделять «внешнюю политику» из политики вообще или тем более противопоставлять внешнюю политику внутренней есть в корне не правильная, не марксистская, не научная мысль»¹. В трудах В. И. Ленина содержится глубокий анализ внутреннего развития России в период

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 23, стр. 31.

реформ 60-х годов. Как известно, эти реформы В. И. Ленин назвал шагом «по пути превращения России в буржуазную монархию», ознаменовавшим собою «начало новой, буржуазной России, выраставшей из крепостнической эпохи»¹. В. И. Ленин писал о революционной ситуации в России в 1859—1861 гг. и вынужденном характере реформ, проводившихся царским правительством под напором революционного движения.

Интересы помещичьего класса и особенно его правящей верхушки во главе с императорским двором, династией и высшей бюрократией оказывали решающее влияние на внешнюю политику России. Возрастающую, но подчиненную роль играли интересы купечества и промышленников. В России капитализм развивался в условиях сохранения самодержавия и господства помещиков. Это развитие происходило в 60-х годах «вглубь» и «вширь», что оказывало большое влияние на политику царского правительства, особенно в Средней Азии и на Ближнем Востоке. Стремление правящего класса к расширению и упрочению экономических и военно-политических позиций царской России при обязательном сохранении самодержавно-помещичьего строя лежало в основе внешнеполитических расчетов царского правительства. Помещики и капиталисты стремились к отмене условий Парижского мира 1856 г., к территориальной экспансии, особенно в Азии, к овладению новыми стратегическими рубежами, к упрочению и развитию торговых коммуникаций России с другими странами и т. д.

Основоположники марксизма-ленинизма не раз писали о царизме как «жандарме Европы», особенно имея в виду роль царизма в подавлении революционных движений в Европе в середине XIX в. Разумеется, при этом необходимо помнить, что наряду с царизмом в Европе выступали в качестве «жандармов» и другие реакционные силы — монархия Габсбургов, буржуазно-аристократическая правящая верхушка Англии, прусское юнкерство и династия Гогенцоллернов, бонапартистская диктатура во Франции и т. д. Необходимо также учитывать, что после крымского поражения роль царизма в международных отношениях Европы стала падать, а международное влияние западных держав, особенно Второй

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 17, стр. 95—96.

империи во Франции, а также роль Пруссии резко возросли.

После Крымской войны в годы подъема демократического движения в Италии и Германии и роста западноевропейского рабочего движения роль главных душителей передовых демократических сил общества переходила в Европе к империи Наполеона III, прусской и австрийской монархиям и к буржуазной Англии. Царизм, разумеется, оставался одним из столпов реакции в Европе, что особенно проявилось при подавлении польского восстания 1863 г., но преобладающее влияние царизма в международных делах Европы после Крымской войны отошло в прошлое. Реакционное царское правительство старалось сблизиться с Пруссией и потому, что оно видело в прусской монархии оплот против революции в Германии и польского освободительного движения. Все отмеченные причины вели к тому, что в конечном счете царское правительство наряду с некоторыми западными государствами оказывало содействие объединению Германии «сверху», под властью прусского юнкерства и Гогенцоллернов.

В русской публицистике по вопросу о буржуазно-национальных движениях в Европе и германских событиях 1864—1866 гг. отразилось отношение различных классов и политических течений русского общества к войнам Пруссии и к проблеме объединения Германии. При этом русские либералы и крепостники, несмотря на все свои разногласия, составляли единый в своей основе помещичье-буржуазный лагерь. Против него выступали русские революционные демократы, точка зрения которых на буржуазно-национальные движения и войны во многом приближалась ко взглядам основоположников марксизма. Как указывал В. И. Ленин, деятельность русских революционных демократов и все развитие русского революционного движения ярко свидетельствуют о том, что великорусская нация «...способна дать человечеству великие образцы борьбы за свободу и за социализм»¹. Это положение целиком подтверждается и той позицией, которую русские революционеры-демократы заняли по вопросу об объединении Германии. Прусское правительство со своей стороны было крайне заинтересовано в сближении с царской Россией для того, чтобы об-

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 21, стр. 85.

легчить себе проведение войн для объединения Германии «железом и кровью».

Прусское юнкерское правительство Бисмарка стремилось осуществить объединение Германии «сверху», под властью прусской монархии Гогенцоллернов, тогда как интересам рабочего класса и всего немецкого народа отвечало объединение Германии революционным путем, «снизу». Маркс и Энгельс вели борьбу за объединение Германии «снизу» и выступали против сохранения устоев реакционного пруссачества и главенства Пруссии в Германии. Отмечая реакционность Австрийской империи и Пруссии, они еще в 1848 г. писали, что «разложение прусского государства, развал австрийского, действительное объединение Германии как республики — только такой могла быть наша революционная программа на ближайшее время»¹. Союз коммунистов выдвинул требование создания «единой неделимой» немецкой республики². Требование единой, неделимой и демократической всенемецкой республики К. Маркс и Ф. Энгельс отстаивали и в «Новой Рейнской газете».

Во время буржуазно-национальных движений и войн 60-х годов К. Маркс и Ф. Энгельс продолжали следовать тактике борьбы за революционное объединение Германии, «снизу». Разоблачение реакционных сторон прусского пути объединения Германии содержится также в позднейшей работе Ф. Энгельса «Роль насилия в истории» и других произведениях основоположников марксизма. За объединение Германии «снизу», в форме республики, в 60-х годах стояли основатели германской социал-демократической рабочей партии А. Бебель и В. Либкнехт, боровшиеся «...с малейшими уступками пруссачеству, бисмарковщине, национализму»³, в то время как Ф. Лассаль стремился склонить германских рабочих к поддержке прусского пути объединения Германии.

В. И. Ленин писал, что 1848—1871 годы в Германии «...были эпохой революционной и контрреволюционной борьбы двух путей объединения (решения *национальной* проблемы буржуазного развития Германии), пути *через*

¹ К. Маркс, Избранные произведения, т. II, 1941, стр. 26.

² См. «Требования Коммунистической партии в Германии», К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 5, изд. 2, стр. 1.

³ В. И. Ленин, Соч., т. 19, стр. 265.

великогерманскую республику и пути *через* прусскую монархию»¹. В. И. Ленин указывал, что, когда не удалось объединение революционное, Бисмарк сделал это контрреволюционно, по-юнкерски, и тогда «...Антибисмаркизм, как *единственный* принцип, стал нелепостью, ибо завершение необходимого объединения стало фактом»². Однако это обстоятельство ни в малой степени не может служить оправданием для позиции Лассалья и его последователей, стоявших за поддержку политики Бисмарка. Маркс писал, что Лассаль «намерен был продать рабочую партию Бисмарку»³, и позднейшие разоблачения подтвердили эту оценку, показав, что Лассаль предлагал Бисмарку поддержать объединение Германии под гегемонией Пруссии за предоставление всеобщего избирательного права. Энгельс прямо указывал, что «объективно это было подлостью и предательством в пользу пруссаков всего рабочего движения»⁴.

В. И. Ленин писал о том, что в начале 60-х годов в Германии возникла революционная ситуация, но слабость германского рабочего класса, а также трусость и предательство немецких либералов послужили главной внутренней причиной победы прусского пути объединения Германии.

Основоположники марксизма-ленинизма дали также анализ буржуазно-национальных движений и войн 60-х годов, характеристику захватнической юнкерско-буржуазной сущности прусской политики при правительстве Бисмарка, а также захватнической и реакционной политики буржуазно-аристократической Англии, бонапартистской империи Наполеона III, царской России, позиция которых облегчила в 60-х годах объединение Германии «сверху», под властью Пруссии. Выяснение международной обстановки, и в частности позиции царской России, облегчившей победу прусского пути объединения Германии, особенно важно в силу того, что объединение Германии «сверху», в юнкерско-буржуазную империю во главе с Пруссией, принесло неисчислимые бедствия немецкому народу и другим народам Европы.

¹ В. И. Ленин, Письмо И. И. Скворцову-Степанову, 16 декабря 1909 г., Соч., т. 16, стр. 104.

² В. И. Ленин, Соч., т. 21, стр. 100.

³ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XXIII, стр. 233.

⁴ Там же, стр. 232.

ПОЛИТИКА ЦАРСКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА В ШЛЕЗВИГ-ГОЛШТИНСКОМ ВОПРОСЕ в 1863—1865 гг.

1. Внутреннее и международное положение России накануне и во время войны Пруссии и Австрии с Данией

В середине XIX в. царское правительство совместно с западными буржуазными государствами — Англией и Францией — сопротивлялось объединению Германии не только «снизу», т. е. революционным путем, наиболее опасным для европейской реакции, но и «сверху», под главенством Пруссии.

Эта политика была частью общего курса на сохранение Германского союза 1815 г. и политической раздробленности Германии. Она проводилась царским правительством и западными державами во время революций 1848—1849 гг., когда роль царизма как главного оплота реакции достигла своего апогея, и в 50-х годах. Как известно, царское правительство в 1850 г. вынудило Пруссию отказаться от продолжения войны с Данией из-за Шлезвига и Голштинии. Англия и Франция предъявили тогда аналогичные требования. Царское правительство, а также Англия и Франция были заинтересованы в сохранении выгодного для них соотношения сил между Швецией, Данией и Пруссией на Балтийском море. В 1848—1850 гг. эти державы поддерживали Данию и помешали Пруссии отделить от нее Шлезвиг и Голштинию, занимавших важное стратегическое положение у берегов Балтийского и Северного морей. Пруссия вынуждена была в 1850—1852 гг. подписать договоры¹,

¹ Договор 1852 г. о сохранении территориальной целостности Дании был подписан шестью державами — Англией, Россией, Францией, Австрией, Пруссией и Швецией. Он отражал заинтересованность этих держав в поддержании статус-кво на Балтийском и Северном морях и на севере Германии.

гарантировавшие целостность владений Дании и сохранение прежнего политического положения на берегах Балтийского моря. Девизом этой политики была охрана устоев реакции и «трактатов 1815 г.» Россия, Англия и Франция стояли тогда за сохранение гегемонии Австрии в Германии. Они вместе с Австрией настояли на восстановлении Германского союза в том виде, как он был создан в 1815 г., и на ликвидации Прусской унии, или Союза немецких государей во главе с Пруссией, заключенного в 1849 г.

Но в 60-х годах царская Россия, а также Англия и Франция перестали следовать этому политическому курсу. Оставаясь противником революционного объединения Германии, «снизу», они стали содействовать усилению Пруссии, надеясь использовать возросшую мощь прусской монархии друг против друга и против революционного движения. Отказ царского правительства и западных держав от прежней политики не был случайным. Политика царского правительства вытекала из классовой сущности царизма и была обусловлена внутренним и международным положением России. На положении страны сказывались отсталость и кризис самодержавно-крепостнической системы, требовавшие реформ «сверху» для сохранения власти помещиков, а во внешней политике основным фактом было обострение отношений России с крымской коалицией из-за восточного и польского вопросов и начавшееся падение международного влияния царизма. Общая линия царской России, Англии и Франции в германских делах против великодержавных притязаний Пруссии в этих условиях стала невозможной. После Крымской войны ни царская Россия, ни Англия и Франция в 60-х годах уже не могли совместно выступать в роли охранителей Германского союза на основе «трактатов 1815 г.»

Крымское поражение вскрыло экономическую отсталость, гнилость самодержавно-помещичьего строя и банкротство всей крепостнической системы хозяйства. Оно нанесло серьезный удар царизму, пошатнув его положение внутри страны и ослабив его международное влияние.

Крымское поражение дало толчок новому подъему революционного движения и складыванию революционной ситуации в России в 1859—1861 гг. Хотя эта рево-

люционная ситуация в России и не переросла в революцию, но царское правительство вынуждено было вступить на путь реформ, рассчитывая таким образом предотвратить новый подъем революционного движения и до известной степени облегчить развитие капитализма в рамках самодержавно-помещичьего строя.

Основные причины крымского поражения и последовавшего за ним ослабления международного влияния царской России коренились в экономической отсталости самодержавно-помещичьего строя и банкротстве крепостнической системы хозяйства. Россия оставалась отсталой, аграрной страной. Сохранение помещичьего землевладения и докапиталистических форм эксплуатации задерживало ее капиталистическое развитие.

Экономическое отставание России от более развитых в капиталистическом отношении государств и слабость ее промышленности ясно видны из статистических данных о русской экономике того времени. Особенно характерны цифры о металлургии. Выплавка чугуна в России достигала в 1860 г. всего 13—18 млн. пуд.¹ В 1860 г. в Великобритании она составляла 237,5 млн. пуд., во Франции — около 56 млн., в Германии — около 33 млн., в США — 50,9 млн. пуд.² Еще в XVIII и в начале XIX в. Россия была страной, вывозившей железо, а в 60-х годах огромная доля потребляемого в России железа ввозилась из-за границы. Сталелитейное производство в России в 60-х годах лишь зарождалось.

Сеть железных дорог в России едва начинала создаваться и выросла с 1 тыс. верст в 1857 г. всего до 3,5 тыс. верст в 1865 г.

Подавляющий перевес сельского хозяйства и производства средств потребления в экономике страны определил состав русской внешней торговли. За пятилетие 1861—1865 гг. средний годовой ввоз в Россию оценивался в 206,7 млн. кред. руб. Вывоз за то же время составлял в среднем 225,8 млн. кред. руб. в год, причем 181,6 млн. руб. из этой суммы приходилось на продукты сельского хозяйства³.

¹ См. В. И. Ленин, Соч., т. 3, стр. 424.

² См. С. О. Гулишамбаров, Всемирная торговля и роль в ней России, СПб., 1898, стр. 45.

³ 56,3 млн. руб. — на зерно, 10,8 млн. руб. — на сало, 17,8 млн. руб. — на лен и т. д. (См. П. Лященко, История народного хозяйства СССР, т. II, Госполитиздат, 1956, стр. 136—137.)

Для экономических связей России с другими странами и для ее международного положения в целом огромное значение имели выходы к морям и режим черноморских проливов. В связи с этим следует отметить, какую роль в русском вывозе и ввозе играли черноморские и балтийские порты России и торговля через западную сухопутную границу. Южные и юго-восточные области империи были основными хлебопроизводящими районами. Вывоз на внешние рынки шел из этих областей главным образом через южные проливы. В 1856—1860 гг. через Черное и Азовское моря шло в среднем в год 77,1% всего вывоза пшеницы, или 29,4 млн. пуд., а в 1861—1865 гг.—80,4%, или 40,3 млн. пуд. в год. В 1866—1870 гг. этот вывоз составил 65,5 млн. пуд. в год, или 85% всего экспорта пшеницы. Доля вывоза пшеницы через балтийские порты снизилась с 1856 по 1865 г. с 10,3 до 5,6%. Через балтийские порты и западную сухопутную границу шло 20—30% вывоза ржи, но в целом для русского хлебного вывоза значение основного торгового пути имели южные проливы¹. Однако ввоз в Россию железа, химических товаров, инструментов и сырья шел главным образом через западную границу и балтийские порты. В связи с этим надо отметить немалое экономическое значение для России свободы судоходства и через северные проливы — Зунд, Скагеррак и Каттегат.

Состав русской внешней торговли говорит о зависимости царской России в отношении ввоза промышленных товаров, особенно машин, инструментов и высококачественных тканей, от экономически более развитых стран Западной Европы. Эти же страны были рынком сбыта для русского хлеба. Германия, Англия и Франция занимали наиболее видное место во внешней торговле России.

Экономическая отсталость России и ее соседство с Германией оказывали большое влияние на русско-германские торговые отношения. Пруссия наряду с Англией была главным поставщиком железа в Россию. Более половины иностранных машин, чугуна и железа ввозилось в Россию из Пруссии или через немецких капиталистов, захвативших в свои руки значительную часть

¹ «Сборник статистических сведений по истории и статистике внешней торговли России», под ред. В. И. Покровского, т. I, СПб., 1902, стр. 18, 19, 22.

иностранный ввоз в Россию, шедшего транзитом через Германию. Особенно интенсивно германские купцы и промышленники проникали в польские губернии России, где они до 1850 г. пользовались большими таможенными льготами.

Постепенная отмена этих льгот, наконец упразднение особого таможенного положения польских губерний и введение в 1850 г. единой таможенной границы для всей империи вызвали серьезное недовольство германской буржуазии и постоянные дипломатические пререкания между Пруссией и Россией.

Во время Крымской войны, когда морская торговля России резко сократилась, прусские капиталисты особенно наживались на прямой и транзитной торговле с Россией. Немецкие фирмы захватили в свои руки значительную часть ввоза в Россию чая и многих других товаров и даже занимались перепродажей за границу русского хлеба.

В 50-х и начале 60-х годов таможенные тарифы на ввоз в Россию были снижены. В 1857 г. были понижены пошлины на ввоз сырья, так как обрабатывающая промышленность западных губерний потребляла много иностранного сырья. В 1857 и 1859 гг. было произведено снижение пошлин на ввоз чугуна и железа из-за границы и разрешен привоз этих товаров морским путем ввиду дороговизны доставки железа с Урала. Для машиностроительных заводов и железных дорог в 1861 г. был разрешен беспошлинный ввоз железа и чугуна¹.

Снижение пошлин на иностранные фабричные товары было выгодно русским помещикам, покупавшим эти изделия. Но немецкие капиталисты были недовольны даже теми невысокими пошлинами, которые взимались при ввозе иностранных товаров в Россию. Они мечтали о восстановлении своих прежних таможенных привилегий в польских губерниях России. Противоречия по торговым вопросам осложняли и политические отношения между Россией и Пруссией, но это обстоятельство не оказывало решающего влияния на позицию царского правительства по отношению к Пруссии.

В политическом отношении царское правительство исходило из обстановки, сложившейся в результате крым-

¹ См. В. Витчевский, Торговля, таможенная и промышленная политика России, СПб., 1909, стр. 110, 119.

ского поражения. Оно считало своими главными задачами укрепление своего положения внутри страны, подготовку условий для отмены наиболее тяжелых и позорных для России статей Парижского мира 1856 г. и проведение политики экспансии в Средней Азии и на Кавказе. Для понимания русско-прусских отношений в годы войн Пруссии за объединение Германии «железом и кровью» необходимо учесть не только экономическую и военную отсталость царской России по сравнению с экономически более развитыми странами Западной Европы, но и заинтересованность царского правительства в использовании Пруссии как противовеса державам крымской коалиции, желавшим увековечить условия Парижского мира. Кроме того, царское правительство боялось революционного движения. Оно видело в прусской монархии один из оплотов реакции в Европе и союзника против революционных стремлений в Германии и Польше.

Самой сильной военной державой на западе Европы в начале 60-х годов была Франция, отношениям с которой царское правительство придавало огромное значение. После Крымской войны, по существу уже со времени Парижского конгресса, вплоть до 1862 г. имел место период частичного и неустойчивого сближения между Россией и Францией. В основе его лежало обострение англо-французских и франко-австрийских противоречий. Общее стремление противодействовать росту британского преобладания на Востоке и ослабить Австрию создавало в 1856—1862 гг. почву для осуществления в известных рамках франко-русского сотрудничества против Англии и Австрии. Одновременно царская Россия и Франция не раз достигали согласованных действий с Пруссией в итальянских и других делах.

Однако почвы для более тесного и устойчивого сближения России и Франции не было в силу того, что правительство Наполеона III твердо стояло за сохранение в силе условий Парижского мира и в этом вопросе проводило общую с Англией и Австрией политику. В 1863 г. период сотрудничества правительств Наполеона III и царской России сменился резким обострением отношений между ними в связи с попыткой Наполеона III использовать вмешательство в польский вопрос в качестве

предлога для того, чтобы разжечь войну в Европе и захватить левый берег Рейна.

Рост недовольства рабочего класса и мелкой буржуазии бонапартистским режимом расшатывал устои Второй империи, опиравшейся на верхушку крупной буржуазии, католическую реакцию, бюрократию и военщину. В законодательном корпусе выступала либеральная оппозиция, критиковавшая колониальные авантюры и внутреннюю политику правительства. Желая укрепить свою власть, правительство Наполеона III в 60-х годах продолжало следовать своей тактике отвлечения внимания народных масс от их бедственного положения путем войн и территориальных захватов. Тем же способом правительство стремилось удовлетворить аппетиты французской буржуазии, поднять свой престиж и заставить умолкнуть либеральную оппозицию.

Наиболее националистически и агрессивно настроенные круги французской буржуазии считали своей заветной целью расширение границ Франции и усиление французской гегемонии на материке Европы. Именно в угоду этим стремлениям правительство Наполеона III выступало под знаменем борьбы против «венских договоров» 1815 г., установивших восточную границу Франции и ограничивших ее влияние в Европе. Борьбу за упразднение этих договоров правительство Наполеона III вело под предлогом поддержки «принципа национальностей». Другими словами, оно прикрывало свои агрессивные цели фразами о поддержке буржуазно-национальных движений.

Овладев в 1860 г. Савойей и Ниццей, правительство Наполеона III поставило своей очередной задачей в Европе захват левого берега Рейна. Удобным предлогом для развязывания с этой целью войны в Европе Наполеон III считал вмешательство в польский вопрос. Он пытался втянуть в свои планы Англию и Австрию, которые участвовали в дипломатическом выступлении против царской России во время польского восстания 1863 г. Боязнь, которую внушали посягательства французского правительства на левый берег Рейна, была важнейшей причиной того, что английский кабинет в 1863 г. в критический момент отказался следовать за Францией. Эти же посягательства были одной из причин более тесного сближения Пруссии с царской Россией

в 1863 г.¹ Правительство Наполеона III враждебно относилось к польскому революционно-демократическому движению и было врагом польского народа, но, желая ослабить Пруссию и Россию, оно, подобно другим реакционным правительствам, не прочь было содействовать созданию зависимого от Франции реакционного польского шляхетского государства. Принц Жером Бонапарт в письме к Наполеону III выдвигал проект передела Европы, передачи Финляндии Швеции, восстановления Польши, создания на Балканах федерации ряда государств, превращения Константинополя в вольный город, присоединения ряда немецких земель к Австрии, Венеции к Италии. Франция должна была получить при этом левый берег Рейна². Аналогичный план императрица Евгения 22 февраля 1863 г. неофициально изложила австрийскому послу в Париже³. Эти туманные планы выдвигались в качестве приманки для Австрии, Италии, Пруссии и других держав, чтобы вовлечь их в фарватер политики правительства Наполеона III.

В 1863 г. Наполеон III не получил поддержки Пруссии, опасавшейся распространения польского восстания на Познань и вторжения французских войск на левый берег Рейна. Правительство Бисмарка не присоединилось к дипломатическому выступлению Франции, Англии и Австрии против царской России, а Бисмарк даже готовился к вооруженной интервенции в польские земли, входившие в состав Российской империи, в случае если царские войска не справятся с подавлением восстания.

Как только в Польше вспыхнуло восстание, прусское правительство послало в Петербург генерала Альфенслебена, подписавшего с Горчаковым конвенцию от 8 февраля (27 января) 1863 г. о том, что русским и

¹ На вопрос английского посланника, окажет ли Пруссия помощь России в случае войны, Бисмарк 24 апреля 1863 г. ответил, что это будет зависеть от обстоятельств и может стать «необходимым для нашего сохранения», так как «наши рейнские провинции будут действительной целью войны со стороны Франции» (*W. Mosse, The European Powers and the German Question 1848—1871, Cambridge, 1958, p. 122*).

² См. *В. Г. Ревуненков*, Польское восстание 1863 г. и европейская дипломатия, Ленинград, 1957, стр. 153—154, 235.

³ *H. Onken* (Hrsg.), *Die Rheinpolitik Kaiser Napoleons III von 1863, bis 1870 und der Ursprung des Krieges von 1870/71. Bd. I, Berlin und Leipzig, 1926, № 1, S. 4—5*.

прусским войскам разрешается по настоянию местных властей оказывать «взаимное содействие и в случае необходимости переходить границу для преследования восставших, которые перешли бы из одной страны в другую», но 24 февраля между обоими правительствами было условлено, что переход их войск через границу не будет иметь места. Позиция Пруссии в 1863 г. оказала немалое влияние на дальнейшее развитие русско-пруссских отношений. В 1864 и 1866 гг. прусское правительство Бисмарка стремилось сблизиться с царской Россией не только против польского движения, но и в целях обеспечения поддержки России в предстоящей борьбе Пруссии с Австрией за гегемонию в Германии.

Царское правительство использовало поддержку Пруссии против Англии, Франции и Австрии, но в случае столкновения с этими державами не могло рассчитывать на военный союз с прусской монархией. В 1863 г., опасаясь войны между Россией и западными державами, Александр II предложил прусскому королю заключить военный союз между обеими странами. Однако предложение это было отклонено Вильгельмом I по совету Бисмарка. Прусское правительство боялось слишком обострить отношения с империей Наполеона III и считало, что союз с Россией не нужен Пруссии. В своем ответе царю король ссылаясь, между прочим, на «оппозицию, с которой общественное мнение Пруссии относится к союзу с Россией», и добавлял, что эти настроения могли бы смениться, если бы можно было надеяться, что политическая близость между обеими странами приведет «к улучшению торговых отношений между ними»¹. Это была явная попытка оказать на царское правительство давление в целях снижения пошлин на ввоз в Россию иностранных товаров из Пруссии. Торговый съезд Германского таможенного союза составил в 1864 г. специальный доклад о желательности снизить эти пошлины².

Известное значение в русско-прусских отношениях имел вопрос о положении в прибалтийских провинциях

¹ Письмо Вильгельма I царю Александру II от 17 (5) июня 1863 г. (Опубликовано в кн. *Б. Нольде*, Внешняя политика, Петроград, 1915, стр. 189. Там же на стр. 183 см. текст конвенции Альфенслебена.)

² См. *В. Витчевский*, цит. соч., стр. 119—122.

России и сепаратистские прусофильские тенденции прибалтийского или, как тогда писали, остзейского, дворянства. Царское правительство не придавало особого значения обнаружившимся во время Крымской войны¹ захватническим планам некоторых кругов в Пруссии в отношении прибалтийских губерний России, но все же намеревалось после 1863 г. ослабить привилегии немецкого дворянства и засилье лютеранского духовенства в прибалтийских губерниях.

После польского восстания внутреннее положение в стране продолжало тревожить царское правительство, боявшееся новых волнений в Польше и вспышек революционного движения во внутренних областях России. Половинчатые и незавершенные реформы, и в особенности тяжелые для крестьян условия «освобождения» от крепостной зависимости, не удовлетворяли народные массы. Спад революционной волны после 1863 г. вовсе не означал полного успокоения. Переходя к новым методам эксплуатации многочисленной массы крестьянства, помещики и царское правительство чувствовали под собой вулканическую почву и находились в постоянной тревоге за положение в стране. Самый способ проведения крестьянской реформы «сверху», с сохранением помещичьего землевладения, продолжал вызывать сопротивление крестьян.

Положение осложнялось массовыми бедствиями. Повсеместная засуха летом 1864 и 1865 гг. в условиях отсталого сельского хозяйства царской России привела к тому, что во многих губерниях был неурожай и голод. Летом 1864 г. пожары причинили большие опустошения.

Эти обстоятельства заставляли царское правительство придавать огромное значение внутреннему положению. Ограниченный характер реформ и невыгодность их условий для народной массы создавали, таким образом, внутренние затруднения, мешавшие осуществлению

¹ Речь идет о так называемой партии журнала «Еженедельник» («*Preussisches Wochenblatt zur Besprechung politischer Tagesfragen*»). выходившего в Берлине в 1851—1861 гг. Эта «партия» ориентировалась на кронпринца и во время Крымской войны строила бредовые планы захвата Пруссией и Швецией прибалтийских губерний России вместе с Петербургом, отделение от России Польши, разъединение Великороссии и Украины. (См. *О. Бисмарк, Мысли и воспоминания*, М., 1940, т. I, стр. 79, 290.)

царизмом активной политики в Западной Европе. «Все усилия нашей политики в данный момент,— писал Горчаков в конце 1863 г.,— направлены на то, чтобы Россия могла избежать внешних действий». Выдвигая на первый план задачи внутренних преобразований «сверху», Горчаков подчеркивал, что «дела Европы для нас теперь во всех отношениях представляют второстепенное значение... Мы желаем жить только нашей внутренней жизнью»¹.

Тревожность положения усугублялась последствиями польского восстания. Хотя к концу 1863 г. восстание это было подавлено, но царское правительство понимало, что для упрочения его власти в Польше потребуется длительное время. В 1865 г. Горчаков писал царю, что «польский кризис... принес с собой трудности, требующие немедленного разрешения, и фундаментальную работу в будущем». У царского правительства не было уверенности в том, что в случае европейской войны Польша останется спокойной. «Чтобы успешно выполнить нашу задачу в Польше,— докладывал царю А. М. Горчаков,— мы должны прежде всего стараться поддерживать всеобщий мир»². Постоянный страх перед возобновлением революционного подъема внутри России и в Польше побуждал царское правительство сосредоточить силы и внимание на проведении реформ и стараться избежать войны в Европе. В докладе царю об отношениях России с иностранными государствами в 1864—1865 гг. А. М. Горчаков отмечал, что осторожность эта «соответствует основной точке зрения императорского кабинета», а именно, что «при современном положении нашего государства и Европы вообще главное внимание России должно быть упорно направлено на осуществление дела нашего внутреннего развития и вся внешняя политика должна быть подчинена этой основной задаче». По словам Горчакова, «наша внешняя политика не имела другой цели, кроме наших внутренних дел, и отстраняла все, что могло бы их расстроить», причем этот принцип стал «абсолютно необходимым»

¹ Письмо Горчакова Будбергу от 10 декабря (28 ноября) 1863 г., Центральный государственный архив древних актов (ЦГАДА), р. XXX, д. 9/23, стр. 29—32.

² Доклад Горчакова Александру II от 3 сентября 1865 г., «Красный архив», т. 93, стр. 107.

вследствие «событий в Польше», так как «всеобщий европейский пожар должен был закончиться в Польше»¹.

Состояние финансов и армии царского правительства еще более склоняло его к политике воздержания от военного вмешательства в западноевропейские события. Необходимо учитывать, что государственный бюджет сводился в эти годы с огромным дефицитом. В 1862 г. дефицит этот равнялся 34,85 млн. руб., а в 1863 г. дошел до 40,18 млн. руб. 1864 год, по словам Д. А. Милютина, был «одним из самых тяжелых для России»². Сумма дефицита в 1864 г. поднялась до 90,34 млн. руб. при доходах в 321,9 млн. руб. и расходах в 411,9 млн. руб. Крупный дефицит имел место и в 1865 г. — свыше 54 млн. руб. при доходах в 350,093 млн. руб. и расходах в 404,563 млн. руб.³

Организация и вооружение армии находились в состоянии крайней отсталости, что явилось результатом длительного сохранения в России крепостнической системы, тогда как в Западной Европе система комплектования армий далеко шагнула вперед, а в Пруссии в 1862 г. была введена всеобщая воинская повинность. Под руководством нового военного министра — Д. А. Милютина к 1862 г. была разработана программа военных преобразований, предусматривавшая реформу центрального военного управления и создание военных округов.

Плачевный опыт Крымской войны и рост армий западных государств ясно показали, что соотношение вооруженных сил в Европе изменилось не в пользу России. На 1 января 1862 г. в регулярных войсках числилось 798 124 чел., а в запасе вместо положенных 612 тыс. имелось всего 210 тыс. при полном недостатке материального обеспечения. В то же время Франция, Австрия и Пруссия могли выставить в военное время 800 тыс., 625 тыс. и 695 тыс. чел., т. е. 2 млн. 100 тыс. вместо

¹ Доклад Горчакова Александру II от 3 сентября 1865 г., «Красный архив», т. 93, стр. 107—108.

² Д. А. Милютин, Воспоминания, 1864 г., Рукописный отдел (ниже — Р. о.) Гос. публ. б-ки им. В. И. Ленина, ф. Милютина, д. 78845, стр. 345—346.

³ Всепод. записка министра финансов Рейтерна царю (сентябрь 1866 г.). В кн. А. Н. Куломзина, В. Г. Рейтерна и барона Нолькена «М. Х. Рейтерн (биографический очерк)», СПб., 1910, стр. 16, 127.

880 тыс., которыми они все вместе располагали в мирное время¹.

Основной задачей военной реформы в России было увеличение обученных резервов и отказ от прежней военной системы, приспособленной к условиям крепостнического строя и отличавшейся большой длительностью срока военной службы, что делало невозможной подготовку многочисленного обученного запаса. Милютин стремился увеличить ежегодный контингент рекрутов с сокращением срока военной службы и уже в 1862 г. поставил вопрос о привлечении привилегированных сословий к отбыванию воинской повинности. Необходимо было изменить и систему образования офицеров, которые в царствование Николая I обучались, по словам Милютина, «совершенно как попугаи, умеющие лишь повторять строевые команды».

Экономическая отсталость страны и режим самодержавно-крепостнической реакции обусловили слабость русской военной промышленности и отставание военной техники. Большую часть вооружения царское правительство заказывало за границей. С 1857 г. производилось перевооружение русской армии шестилинейной заряжающейся с дула винтовкой и медными нарезными пушками, также заряжающимися с дула. Но к 1864 г. выяснилось, что нарезное заряжающееся с дула оружие уже устарело и необходимо перейти к оружию, заряжающемуся с казенной части. Однако недостаток средств задерживал перевооружение армии. Особенно велика была потребность в замене медных пушек стальными, которые заказывались на заводах Круппа, что было особенно обременительно для государства. Изготовление необходимого числа орудий приходилось рассрочить на многие годы. Военные расходы и численность находившихся под ружьем войск были резко увеличены в 1863 г. в связи с ожиданием войны в Европе. Расходы по военному ведомству составили в 1863 г. 154 млн. руб., а на 1864 г. были исчислены Д. А. Милютиным в 158 млн. руб.², что состав-

¹ См. П. А. Зайончковский, Биографический очерк о Д. А. Милютине. В кн. Д. А. Милютин, Дневник 1873—1875, т. I, М., 1947, стр. 24—26.

² См. Д. А. Милютин, Всепод. доклад по воен. мин. за 1863 г., Р. о. Гос. публ. б-ки им. В. И. Ленина, ф. Милютина, д. 10509, стр. 183, 184.

ляло более трети всей расходной части бюджета. Численность регулярных войск к 1864 г. была доведена до 1 млн. 137 тыс. чел. (811 батальонов, 294 эскадрона и 1332 орудия), а с иррегулярными войсками — до 1 млн. 250 тыс. чел. Положение армии было далеко не блестящим. 1863 год показал, по словам того же Милютина, «полную нашу неподготовленность к быстрому в случае надобности переходу на военное положение, по недостатку запасов продовольственных и вещевых»¹. В 1864 и в последующие годы царское правительство крайне опасалось войны с западноевропейскими державами и было занято проведением военных преобразований. За 1864 г. был сделан весьма заметный шаг в этом направлении. По Положению 6 августа 1864 г. Россия была разделена на 15 военных округов, создание которых должно было упорядочить военное управление на местах.

Сокращение военных затрат имело первостепенное значение при слабых финансовых ресурсах царской России. В 1863 и 1864 гг. военные расходы составили соответственно 155,6 млн. и 155,1 млн. руб., или 36 и 35% всех государственных расходов². За 1864 г. было произведено сокращение армии на 232 тыс. чел., и численность ее составляла 905 тыс. регулярных войск. На 1865 г. по военному ведомству расходы были назначены в 128 млн. руб., т. е. на 25,5 млн. менее, чем в предыдущем году, а на 1866 г. военная смета доведена была до 119 млн., причем министерство финансов и департамент экономии Государственного совета неустанно требовали ее дальнейшего сокращения. Чтобы достичь экономии в расходах, царское правительство готово было пойти на еще большее сокращение численности войск, но этому мешало то обстоятельство, что в течение шести лет после Крымской войны не было рекрутских наборов. Слишком большое сокращение армии повело бы к увольнению почти всего старого, хорошо обученного состава и оставлению в войсках одних лишь молодых солдат³.

¹ Д. А. Милютин, Воспоминания, 1865 г. и 1864 г., Р. о. Гос. публ. б-ки им. В. И. Ленина, ф. Милютина, д. 7846, стр. 241—242, 248, а также д. 7845, стр. 306—308, 328—330.

² См. П. А. Зайончковский, Военные реформы 1860—1870 гг. в России, М., 1952, стр. 66.

³ См. Д. А. Милютин, Воспоминания, 1865 г., Р. о. Гос. публ. б-ки им. В. И. Ленина, ф. Милютина, д. 7846, стр. 260, 306—308.

Таким образом, внутреннее положение страны, состояние армии, финансов и самый характер реформ 60-х годов побуждали царское правительство сохранять нейтралитет в европейских войнах во время осуществления Бисмарком политики объединения Германии под властью Пруссии. Та же позиция нейтралитета обуславливалась как положением России в Европе, так и проведением царским правительством завоевательной политики в Средней Азии и заселением Северного Кавказа.

В области международных отношений противоречия между Россией и бывшими участниками крымской коалиции, а также вмешательство этих держав в польский вопрос в течение всего периода 60-х годов оставались важнейшим фактором, побуждавшим царское правительство к сближению с Пруссией.

После провала попытки разжечь войну в 1863 г. правительство Наполеона III продолжало строить широкие завоевательные планы, прикрывая их выступлениями против договоров 1815 г.¹ Политика Второй империи подрывала позиции царской России на Ближнем Востоке и в Польше, она сталкивалась с интересами господствующих классов Англии и Пруссии в вопросе о левом берегу Рейна и с интересами Австрийской империи в Италии. В 1863—1870 гг. царское правительство видело своего главного противника на материке Европы именно во Второй империи и боялось ее сближения с Австрией или Пруссией, тогда как на море и в Средней Азии главным антагонистом царской России оставалась Англия. Царское правительство стремилось использовать англо-французские противоречия. Соперничество англо-французской буржуазии на Востоке и тревога, которую вызывали в Лондоне французские притязания на рейнские земли и на гегемонию в Европе, были на руку русской дипломатии. Антагонизм Франции с Австрией в Италии и на Ближнем Востоке, где Наполеон III приобретал решающее влияние на дунайские княжества, заставлял австрийское правительство воздерживаться от слишком резкого давления на Россию.

Трещины в лагере крымской коалиции давали цар-

¹ От «системы 1815 г.» к 60-м годам сохранились устройство Германского союза, восточные и северо-восточные границы Франции, границы России и Пруссии, австрийский гнет над Венецией и т. д.

скому правительству надежду на возможность подготовить отмену условий Парижского мира 1856 г. С 1863 г. главные усилия царской дипломатии в Европе были направлены на предотвращение нового сближения Англии с Францией, изоляцию империи Наполеона III и упрочение связей России с Пруссией. По словам Горчакова, взаимоотношения России с иностранными государствами «определились во время польского кризиса». Существенной частью принятого царским правительством курса было стремление поддерживать нерушимость Германского союза и содействовать устранению конфликтов между Австрией и Пруссией, в случае которых возможно было сближение одной из них с Францией. Отношения с соседними государствами — Австрией и Пруссией имели для царского правительства «двойное значение: во-первых, по причине общности интересов в результате разделов¹, а кроме того, потому, что Германия — это дорога Польши. Мы должны были желать, чтобы согласие между двумя великими немецкими дворами не было нарушено, потому что мы не могли бы принять сторону одной без того, чтобы не бросить другую в объятия наших противников. Мы должны были желать, чтобы Германский союз не был поколеблен, потому что междоусобная война открыла бы двери иностранной интервенции, которая могла бы захватить и Польшу».

В противовес политике правительства Наполеона III, стремившегося к новому расширению границ Франции, установлению своего господства в Западной Европе и увековечению Парижского мира, царское правительство пришло к мысли о «согласии четырех», или о совместной политике России, Англии, Австрии и Пруссии с целью улажения европейских дел и поддержания существующего положения вещей. Мысль о «согласии четырех» возникла у царского правительства в конце 1863 г. в связи с новыми проектами Наполеона III подготовить перекройку карты Европы. «Согласие четырех» должно было ослабить сотрудничество между бывшими участниками крымской коалиции и вмешательства в польский вопрос.

¹ Т. е. разделов Польши. (Прим. авт.) См. доклад Горчакова царю Александру II от 3 сентября 1865 г., «Красный архив», т. 93, стр. 107.

После провала своей попытки развязать под предлогом вмешательства в польский вопрос войну за левый берег Рейна Наполеон III в ноябре 1863 г. выдвинул проект созыва европейского конгресса для перекройки европейских границ, а в тронной речи объявил договоры 1815 г. «более не существующими». Речь эта вызвала переполох в европейских столицах, и в Париж посыпались тревожные запросы о намерениях Наполеона III. Французское правительство вынуждено было разъяснить, что речь императора не является дипломатическим документом и что Франция, отвергая «трактаты 1815 г.» «в принципе», *de facto* признает их. Прусский посланник в Париже Гольц доносил Бисмарку, что за проектом конгресса скрывается желание «получить границу по Рейну»¹. Цели Франции были очевидны, и предложение Наполеона III не встретило сочувствия. Наиболее резко и прямолинейно отклонил его британский кабинет. Пальмерстон еще в 1862 г. опасался притязаний Франции на Рейне². Австрия открыто объявила, что не примет участия в конгрессе, если он будет обсуждать вопрос о Венеции или о Галиции.

Правительство Наполеона III хотело расстроить намечавшееся сотрудничество четырех держав — России, Пруссии, Австрии и Англии. Наполеон III искал сближения с Пруссией и сулил ей свою поддержку в германских делах за согласие на участие в конгрессе. Французский министр иностранных дел Друэн де Люис сказал Гольцу: конгресс может «помочь вам выйти из затруднений, против которых вы ведете борьбу в Германии», и «укрепить наши отношения»³. Но в конце 1863 г. эти маневры не имели успеха. Бисмарк поставил условие, чтобы на конгрессе не обсуждались ни польский⁴, ни итальянский, ни восточный вопросы.

Обмен мнений с Англией, Австрией и Пруссией показал царскому правительству, что эти три державы или

¹ Гольц Бисмарку, 6 ноября 1863 г. *Auswärtige Politik Preussens* (APP), Bd. IV, № 62, S. 117 и 8 ноября 1863 г. (там же, № 68, S. 124, 126).

² Письмо Пальмерстона королеве от 10 марта 1862 г. (*Letters of Queen Victoria*, 2d series, vol. I, p. 24—26.)

³ Гольц Бисмарку, 8 ноября 1863 г., APP, Bd. IV, № 68, S. 124—126.

⁴ Французский посол в Берлине Талейран Друэн де Люису, 17 декабря 1863 г., APP, Bd. IV, № 230, S. 323.

по крайней мере две первые из них столь же не желают осуществления замыслов Наполеона III, как и Россия. Проект Наполеона III был отвергнут четырьмя другими великими державами. Горчаков счел этот момент подходящим, чтобы выдвинуть свой план «четверного соглашения», так как ответы четырех великих держав Наполеону III уже установили, по его мнению, «солидарность между ними»¹. В беседе с прусским посланником Редерном он сказал: «...мы крайне желаем достичь полного взаимопонимания с Пруссией и Англией в вопросе о конгрессе», и «Австрия должна быть четвертой в нашем союзе», а Наполеон III «должен знать, что мы четверо крепко держимся вместе»².

Идея «четверного согласия» означала, что царское правительство не желало допускать сближения Французской империи с Англией или Пруссией. Эта политика, в частности, требовала от царского правительства сохранения благожелательного для Пруссии нейтралитета во время войны Австрии и Пруссии с Данией из-за Шлезвига и Голштинии.

В том же направлении влияло на царское правительство положение на Ближнем Востоке, где становилось все более очевидным, что надежды, возлагавшиеся Горчаковым на обострение англо-французских противоречий, не оправдались.

В англо-французских противоречиях Горчаков усматривал в то время одно из условий, удерживавших Наполеона III от новых военных авантур и помогавших сохранению мира и статус-кво в Европе и на Ближнем Востоке, в чем царское правительство так нуждалось во время реформ 60-х годов. Русская дипломатия и ранее старалась использовать англо-французские противоречия в своих интересах, но своеобразие положения в 1863—1865 гг. состояло в том, что царское правительство вынуждено было искать контакта и согласия не с Францией против Англии и Австрии, а с Англией и Австрией против Наполеона III. Одной из важнейших причин перехода к этой политике было огромное усиление французского влияния на Балканах, в частности в дунайских

¹ Копия письма Горчакова Бруннову от 13 (1) ноября 1863 г., ЦГАДА, р. XXX, д. 9/22, стр. 317—319.

² Редерн Бисмарку из СПб., 20 ноября 1863 г., APP, Bd. IV, № 120, S. 185.

княжествах, после французских побед 1859 г. над австрийцами в Италии.

В первой половине 60-х годов заметно усилилось проникновение в дунайские княжества французского влияния. Правительство Наполеона III стремилось превратить княжества в свой военный и политический плацдарм на Балканах и подчинить их князя — Кузу своей политике. Это обстоятельство вызвало сильное беспокойство царского правительства. Князь Куза повел политику, резко враждебную России. Западные державы поддерживали эту политику. Наполеон III был ее вдохновителем, а Англия руководствовалась, по словам Горчакова, «скрытым сочувствием враждебной позиции, занятой князем Кузой по отношению к России». В княжествах проводилась секуляризация имущества православных монастырей, что также вызывало недовольство правительственных кругов в Петербурге, тем более что часть полученных таким путем средств правительство Кузы тратило на вооружения. Горчаков писал, что западные державы мечтали «поставить молдовалашскую армию рядом с армиями французской, английской и турецкой в борьбе против нас...»¹ В 1863 г. усиление французского влияния в дунайских княжествах вызвало сильное беспокойство русского правительства.

Превращение дунайских княжеств и правительства князя Кузы в опору политики Наполеона III на Балканах вызывало также недовольство Англии и Австрии и, по мнению Горчакова, создавало почву для их сотрудничества с Россией против Наполеона III. Сотрудничество это облегчалось тем, что, занятое реформами и борьбой с революционными движениями, лишенное флота на Черном море, не подготовленное в военном отношении и не располагавшее достаточными денежными средствами, царское правительство не могло выдвигать в 1864—1865 гг. требований о пересмотре Парижского договора и декларировало политику сохранения статус-кво на Ближнем Востоке.

В 60-х годах произошло явное ослабление влияния царской России в дунайских княжествах. Царское правительство в значительной мере само подорвало это

¹ Всепод. доклад Горчакова царю от 1 (13) июля 1864 г., ЦГАДА, р. XXX, д. 2/25, стр. 303, 304.

влияние тем, что в начале 60-х годов искало опору у самых реакционных кругов румынского боярства, выступавших против более тесного объединения обоих княжеств. Тем самым царское правительство дало возможность Наполеону III и в этом случае спекулировать на «принципе национальностей» и разыгрывать роль покровителя «национальных чаяний» румынских помещиков и буржуазии, хотя в действительности империя Наполеона III стремилась лишь использовать княжества в целях своей экспансии на Ближнем Востоке.

24 декабря 1863 г. в княжествах был принят закон о секуляризации монастырских земель. Многочисленные и богатые монастыри в княжествах зависели от Александрийского и Антиохийского патриархов и рассматривались царским правительством как рассадники агентуры православной церкви и оплот русского влияния в Молдавии и Валахии. Секуляризация монастырских земель подрывала в княжествах позиции православной церкви и царского правительства. Наполеон III поддерживал эту меру, но царское правительство, Турция и Австрия выступили с энергичными протестами, отчасти поддержанными и Англией.

По Парижскому договору 1856 г. княжества находились под «совокупным покровительством» великих держав, что облегчало им вмешательство во внутренние дела Молдавии и Валахии. Парижская конференция послов великих держав в 1858 г. постановила, что между светской властью и церковью в княжествах должно быть достигнуто добровольное соглашение об условиях выкупа монастырских земель, но Куза, опираясь на поддержку Наполеона III, не собирался выполнять это постановление. Весной 1864 г. отношения России с объединенными княжествами резко обострились. В княжествах велись военные приготовления.

В ответ на эти меры царское правительство увеличило свои войска в Бессарабии и Херсонской губернии. Горчаков говорил английскому послу в Петербурге Нэпиру о необходимости вмешательства против Кузы, чтобы заставить его подчиниться решениям 1858 г.¹

¹ См. донесения французского посла в СПб. Массиньяка Друэн де Люису от 26 марта 1864 г. О том же писал французский посол из Лондона 10 марта 1864 г. (*Les origines diplomatiques de la guerre de 1870—1871*, t. 2, № 33, 337, 376, p. 124, 130, 177.)

Для противодействия экспансии Второй империи царское правительство пыталось проводить на Ближнем Востоке ту же политику «согласия» с Англией, Австрией и Пруссией, что и в Западной Европе.

Но согласие с Англией существовало более в воображении князя Горчакова, чем на самом деле. Причину этого русский посол в Лондоне Бруннов видел в том, что «английский кабинет нашего влияния в княжествах боится больше, чем французского. Из двух зол оно выбирает меньшее. Это пристрастное решение выходит за пределы княжеств и проявляется в большинстве вопросов, волнующих Восток. Английские министры не исключают возможности союза с Францией, «который обяжет императора Наполеона относиться с некоторой осторожностью к английским интересам». Возможность нового сближения Англии и Франции порождалась уступчивостью английского правительства по отношению к Наполеону III на Востоке. В этих условиях царское правительство не хотело раздражать Францию и оставляло «двери открытыми» для возобновления с ней прежнего сотрудничества. Тревогу вызывали противоречия между Австрией и Пруссией, побуждавшие последнюю искать поддержки Наполеона III. «Неустойчивость современного положения Европы,— писал вице-канцлер,— терпимость, которую Англия высказывает по отношению к Франции, соперничество Пруссии и Австрии, ищущих установить с ней добрые отношения, заставляют нас сохранить предосторожность»¹. Горчаков боялся возможного сближения Франции с Англией или Пруссией. Царское правительство хотело предотвратить эту возможность и заботилось о том, чтобы не обострять отношений с Англией и особенно с Пруссией. Горчаков добивался сотрудничества с ними в делах Западной Европы и в дунайских княжествах.

Не в меньшей мере князь Горчаков опасался поворота Англии к новому сближению с Францией вследствие обострения англо-русских противоречий в Средней Азии. Усилению заинтересованности русской буржуазии и помещиков в завоевании Средней Азии способствовал половинчатый характер реформ 60-х годов, проводимых при сохранении самодержавия и господства помещиков

¹ Доклад Горчакова императору, 3 сентября 1865 г., «Красный архив», т. 93, стр. 110—111.

и создавших лишь весьма ограниченные возможности роста внутреннего рынка. В этих условиях развитие капитализма вширь, т. е. распространение сферы господства капитализма на новые территории, давало возможность замедлить обострение внутренних противоречий.

После пережитого страха перед подъемом революционного движения 1859—1861 гг. правящие круги царской России были особенно заинтересованы в том, чтобы задержать дальнейшее обострение классовой борьбы не только умеренными реформами «сверху», но и новыми колониальными завоеваниями. Русская буржуазия требовала захвата Средней Азии с целью превращения ее в поставщика хлопка и в рынок сбыта русских текстильных изделий. Активизация английских агентов на территории сопредельного с Россией Кокандского ханства также толкала царское правительство на решительные действия. Росло беспокойство и в Англии. Сознывая, какую ненависть вызывает английское господство у многомиллионного населения Индии, британская буржуазия и колониальные власти опасались соседства с Россией в Азии. Они стремились подчинить своему влиянию Афганистан и среднеазиатские ханства. Англия осуществляла агрессию в Азии в несравненно более широких масштабах и была главным врагом агрессивной политики царской России в Азии именно «потому, что Россия грозила подорвать господство Англии над рядом чужих народов»¹.

Взятие отрядом полковника Черняева крепости Сузак в июле 1863 г. положило начало активному наступлению царской России на Кокандское ханство. 4 мая 1864 г. было взято укрепление Аулие-Ата, в сентябре 1864 г.— Чимкент, а летом 1865 г.— Ташкент.

Таким образом, война Австрии и Пруссии с Данией готовилась и проводилась в то самое время, когда царское правительство перешло к решительным завоевательным действиям в Средней Азии, и в этом заключалась одна из причин, побуждавших его сохранять благоприятный для Пруссии нейтралитет и всячески содействовать тому, чтобы война с Данией не превратилась в общеевропейское столкновение, способное отвлечь Россию от завоевания Средней Азии.

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 23, стр. 116.

Внутреннее и международное положение царской России толкало правящий класс помещиков и царское правительство к нейтралитету в западноевропейских конфликтах и к сближению с Пруссией, что вело к отказу от прежнего традиционного курса, не допускавшего отторжения Шлезвига и Голштинии от Дании и установления прусской гегемонии в Германии.

2. Царское правительство и подготовка войны Австрии и Пруссии с Данией

Заинтересованность правящего класса помещиков и царского правительства в сохранении статус-кво в Западной Европе хорошо объясняет то беспокойство, с которым Горчаков и царь в 1863 г. отнеслись к новому осложнению шлезвиг-голштинского вопроса и войне Австрии и Пруссии с Данией. Эти события создавали, по мнению царского правительства, опасность общеевропейской войны, ослабляли Данию и могли изменить соотношение сил в Европе и особенно на Балтийском море к явной невыгоде России.

Но царское правительство опасалось вступать в какой бы то ни было конфликт с Пруссией. Политика Наполеона III, англо-русские противоречия и внутренние затруднения царского правительства побуждали его к сдержанности. Связанная на Ближнем Востоке тягостными условиями Парижского мира и занятая завоеванием Средней Азии и Кавказа, царская Россия опасалась создания враждебной коалиции и надеялась найти в Пруссии противовес западным державам.

Необходимо также учитывать огромное влияние на позицию царского правительства той внутренней борьбы между сторонниками объединения «снизу» и «сверху», которая развернулась в Германии. Царское правительство и русские помещики видели в Пруссии сильнейший оплот реакции в Германии и в Польше. Это было на руку правительству Бисмарка, желавшему объединения Германии «железом и кровью» под властью прусских юнкеров и династии Гогенцоллернов. Реакционная сущность политики царизма сближала его с Пруссией.

Известно, что Бисмарк был представителем прусских помещиков, но в отличие от старопруссских юнкеров,

стоявших за прусский партикуляризм, выражал взгляды той части юнкерства, которая уже в известной мере обуржуазилась и решила объединить Германию «сверху», чтобы сохранить свою власть и не допустить в стране ни революции, ни установления либерально-буржуазного парламентского строя. Не стесняясь в применении любых средств, лишь бы это вело к достижению задуманной цели, Бисмарк еще до 1863 г. провозгласил себя сторонником разрешения политических вопросов «огнем и железом» и стоял за объединение Германии «железом и кровью».

В своих воспоминаниях, речах и переписке Бисмарк много раз открыто признавал, что военными победами он хотел осуществить объединительные стремления германской буржуазии, одновременно подчинив всю Германию прусскому господству. «Только переменой нашей внешней политики,— писал он в 1861 г.,— можно, как я думаю, освободить положение короны внутри страны от напора, которому она *фактически* не будет в состоянии сопротивляться длительное время»¹. Для борьбы с революционным движением Бисмарк считал уже непригодными принципы легитимизма и династической солидарности и стремился использовать идею национального единства в целях борьбы с нараставшей революцией.

Ленин указывал, что в то время «на очереди стоял вопрос объединения Германии. Оно могло совершиться, при тогдашнем соотношении классов, двояко: либо путем революции, руководимой пролетариатом и создающей всенемецкую республику, либо путем династических войн Пруссии, укрепляющих гегемонию прусских помещиков в объединенной Германии»². В 60-х годах прошлого века в Германии была налицо революционная ситуация. Годы эти «принесли Германии либеральную «весну», после долгих тяжелых лет контрреволюции, и новое пробуждение массового рабочего движения»³. Среди рабочих, объединенных в созданные «прогрессистами» образовательные фереины, росло тяготение к политической борьбе. Несмотря на оппортунизм Лас-

¹ Цит. по кн. В. Г. Ревуненков, Приход Бисмарка к власти, Ленинград, 1941, стр. 57.

² В. И. Ленин, Соч., т. 19, стр. 265.

³ Там же, стр. 264.

сая, поднятая им среди рабочих агитация за всеобщее избирательное право имела успех.

Общественный подъем охватил буржуазию и буржуазную интеллигенцию, которая требовала национального единства и либеральных реформ. Буржуазный «Национальный союз» во главе с Беннингсеном в ноябре 1863 г. поддерживал кандидатуру герцога Августенбургского, а в ландтаге «прогрессисты» начали «конституционный конфликт», требуя либеральных реформ, прежде чем будут вотированы кредиты на увеличение армии. Прусские «прогрессисты» боялись народных масс и хотели воздействовать на правительство одними только речами в ландтаге. Правительство опасалось народного движения, а не «прогрессистов». В декабре 1861 г. прусские генералы даже разработали план концентрации войск вокруг столицы и собирались применить новые нарезные орудия в случае революционного восстания. В 1862 г. король призвал на пост министра-президента О. Бисмарка именно потому, что последний готов был править, не считаясь с оппозицией в ландтаге, и осуществить объединение Германии «сверху» для предотвращения дальнейшего роста еще слабого, но способного превратиться в грозную силу оппозиционного движения. Чтобы упрочить таким образом власть юнкеров и династии Гогенцоллернов, правительство Бисмарка собиралось «воочию показать немецкой буржуазии действительное соотношение сил, силой разрушить ее либеральный самообман, но выполнить ее национальные требования, которые совпадали с прусскими желаниями»¹.

Для осуществления своих планов Бисмарку необходимы были два условия: нейтралитет Франции, России и Англии и усиление военной мощи Пруссии. Вступив на пост министра-президента, Бисмарк вместе с военным министром Рооном и начальником генерального штаба Мольтке продолжал осуществлять увеличение и реорганизацию армии, тратя на это дело деньги, не дожидаясь утверждения расходов ландтагом и не считаясь с оппозицией «прогрессистов». После введения в 1862 г. всеобщей воинской повинности прусская армия

¹ Ф. Энгельс, Роль насилия в истории, К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XVI, ч. I, стр. 473.

была перевооружена так называемыми игольчатыми ружьями. Оставалось только «испытать на деле свою армию», и «повод для выступления подала прежде всего Шлезвиг-Голштиния»¹.

Отделение Шлезвига и Голштинии с кильской гаванью от Дании и включение их в состав Германского союза были составной частью объединительных стремлений германской буржуазии и немецкой партии в самих герцогствах. Голштиния и Шлезвиг занимали важное стратегическое положение на Северном и Балтийском морях, и захват их мог значительно усилить Пруссию. Вопрос о герцогствах затрагивал политическое равновесие в Европе. Он порождал национальные споры и споры о договорах европейских держав относительно целостности Дании. Немецкие буржуазные националисты претендовали не только на немецкую часть Шлезвига, но и на его северные области, населенные датчанами. Лондонский договор шести держав, признавший в 1852 г. Шлезвиг и Голштинию неотъемлемой частью владений датской короны, хотя и с условием сохранения в герцогствах отдельной конституции², всегда был предметом ожесточенных нападков со стороны всех сторонников объединения Германии и резко осуждался Энгельсом³.

Не меньшую враждебность вызвал этот договор со стороны датских либералов — буржуазных националистов, представленных так называемой «эйдеровской партией» во главе с председателем либерального кабинета Галлем. «Эйдеровцы» не надеялись на прочность Лондонского договора и на удержание в составе датских владений Голштинии, но добивались соединения с Данией всего Шлезвига, включая и его немецкую часть до р. Эйдер, отделявшей Шлезвиг от Голштинии. Под напором датской либеральной буржуазии и либерального дворянства король Фридерик VII незадолго до смерти издал 13 ноября 1863 г. новую конституцию, которая распространялась не только на датское королевство, но и на Шлезвиг. Несмотря на то что Шлезвиг не вхо-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XVI, ч. I, стр. 473—474.

² Т. е. на основе личной унии, а не полного объединения.

³ Письмо Ф. Энгельса К. Марксу от 24 ноября 1863 г., Соч., т. XXIII, стр. 166.

дил в Германский союз, конституция эта вызвала бурный протест германского союзного сейма.

Под давлением датских либералов 18 ноября 1863 г. новая конституция была утверждена только что вступившим на престол Христианом IX Глюксбургским и принята датским ригсдагом. Это подлило масла в огонь. Германский сейм не ограничился словесным протестом, а поспешил в начале января 1864 г. занять саксонскими и ганноверскими войсками Голштинию в знак протеста против ноябрьской конституции, хотя последняя на Голштинию не распространялась¹.

В герцогствах поднялось немецкое либеральное помещичье-буржуазное национальное движение за отделение от Дании. Руководили движением богатая либеральная буржуазия и аристократия из немцев, желавшие создать из Шлезвига и Голштинии самостоятельное государство во главе с Фридрихом Августенбургским, которое вошло бы в Германский союз.

По всей Германии в конце 1863 г. происходили собрания в пользу независимости Шлезвига и Голштинии от Дании. За поддержку поднявшегося в герцогствах движения выступили и либеральная буржуазия и рабочие. В Лейпциге рабочее собрание приняло резолюцию о том, что оно «считает обязанностью немецких рабочих выступить на защиту чести и свободы отечества во всех случаях, когда им грозит опасность». Подобные резолюции приняты были и в других городах. Либералы, особенно из малых немецких государств, стремились использовать общенациональный патриотический подъем в своих интересах. В конце 1863 г. во Франкфурте-на-Майне произошел съезд депутатов различных немецких ландтагов, на который явилось 500 депутатов. Съезд

¹ Датский вопрос еще более осложнился династическими спорами, вызванными тем, что умерший король Фридерик VII не оставил прямого наследника. В Дании и герцогствах существовали различные порядки престолонаследия. В герцогствах престол мог передаваться только по мужской линии, а в Дании — по мужской и по женской. По Лондонскому протоколу 1852 г. датский престол переходил по женской линии к принцу Христиану Глюксбургскому. Герцогства (население которых преимущественно состояло из немцев, за исключением северной части Шлезвига, населенной датчанами) отказались признать права Христиана Глюксбургского и признавали их за герцогом Августенбургским, несмотря на то что отец его еще в 1850 г. отрекся от прав на престол за денежное вознаграждение.

этот высказался против аннексии герцогств каким-либо отдельным немецким государством, причем решение это было явно направлено против подозреваемых намерений прусского правительства¹.

В противовес этим настроениям, способным перерасти в революционное движение, прусское правительство во главе с Бисмарком решило взять дело в свои руки, чтобы не допустить развития этого движения и приступить к осуществлению давно задуманных планов объединения Германии вокруг Пруссии. В своих «Мыслях и воспоминаниях» Бисмарк признавал, что с самого начала возникновения шлезвиг-голштинского вопроса он имел в виду аннексию: «Из всех возможных вариантов урегулирования датского вопроса, которые сулили герцогствам некоторое облегчение по сравнению с наличными условиями, я считал наилучшим присоединение герцогств к Пруссии, что и высказал однажды в совете тотчас после кончины Фридриха VII».

Слова Бисмарка относительно «облегчения» положения герцогств в случае присоединения их к Пруссии были насквозь лживы. На деле датское управление, как и планы сторонников герцога Августенбургского относительно устройства герцогств, было гораздо либеральнее, чем порядки юнкерской Пруссии.

Но Бисмарк не собирался откровенно высказывать свои намерения. Имея в виду аннексию, он не упускал из виду и другие возможности и тщательно скрывал конечную цель своих замыслов. Чтобы уснокоить правительства Австрии, Англии, России и Франции, Бисмарк решил начать интервенцию в Шлезвиге под предлогом защиты Лондонского договора 1852 г., нарушенного распространением новой датской конституции на Шлезвиг. Бисмарк прекрасно понимал, что ему на первых порах не обойтись без Австрии. Участие Австрии он считал средством не только скрыть свои конечные цели, но и устранить возможность коалиции против Пруссии. «Пока Австрия была с нами,— писал Бисмарк,— отпадала вероятность коалиции других держав против нас»². Австрийское правительство, несмотря на свою враждебность прусской политике, не могло предоставить действо-

¹ См. А. Бебель, Из моей жизни, ГИЗ, 1925, стр. 109—110.

² О. Бисмарк, Мысли и воспоминания, т. II, Москва, 1940, стр. 8—9.

вать Пруссии одной, боясь, чтобы она не возвысилась и не усилилась еще более. Венский двор радостно ухватился за предложение Бисмарка о совместном вмешательстве, надеясь в случае надобности сдержать притязания Бисмарка, а в случае полного успеха извлечь для себя немалые выгоды. «Как ни ненавидел Бисмарк Австрию и как ни хотела бы Австрия, со своей стороны, сорвать свой гнев на Пруссии, все же после смерти датского короля Фридриха VII им не оставалось ничего другого, как совместно выступить против Дании...»¹ Перед войной Австрия и Пруссия договорились о совместной оккупации Шлезвига.

Реакционные цели политики Пруссии и Австрии Бисмарк не раз подчеркивал и в своих воспоминаниях и в официальной переписке. «Если согласие и деятельная энергия государей Пруссии и Австрии,— писал он,— дадут удовлетворение обоснованным национальным потребностям, которые ощущает и уважаемая часть нации², то революция будет лишена предлога, из которого она черпает свою силу. Этим убеждением с самого начала руководствовалось прусское правительство в своих действиях в датском вопросе»³. То же мнение высказывал и прусский посланник в Париже Гольц, писавший, что «королевское правительство взяло шлезвиг-голландский вопрос в свои руки, чтобы он не послужил к усилению революции»⁴.

Роль Пруссии и Австрии как охранителей устоев реакции в Германии, и в частности в Шлезвиге и Голштинии, от либеральных стремлений, которые Горчаков именовал даже «демократическими поползновениями второстепенных немецких держав»⁵, была одной из причин, побуждавших реакционное царское правительство не противиться планам Бисмарка.

Но совершенно ошибочно мнение, изложенное в работах ряда французских авторов (А. Дебидур,

¹ Ф. Энгельс, Роль насилия в истории, К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XVI, ч. I, стр. 473—474.

² В данном случае Бисмарк имел в виду прежде всего юнкеров и крупную буржуазию. (Прим. авт.)

³ Бисмарк прусскому послу в Вене Вертеру, 14 июня 1864 г., APP, Bd. V, № 147, S. 220.

⁴ Гольц Бисмарку, 1 декабря 1863 г., APP, Bd. IV, № 167, S. 244.

⁵ Доклад Горчакова царю от 3 сентября 1865 г., «Красный архив», т. 93, стр. 107.

Шарль-Ру), будто бы царское правительство с самого начала желало успеха Пруссии в ее конфликте с Данией и действовало в угоду Бисмарку. Напротив, царская дипломатия более всего желала не допустить возникновения и дальнейшего развития этого конфликта, отлично сознавая, что при сложившихся обстоятельствах Россия не сможет помешать невыгодным во многих отношениях переменам в соотношении сил в Европе. Царское правительство отдавало себе отчет в том, что отторжение герцогств от Дании и присоединение их к Пруссии существенно изменили бы положение на Балтийском море не в пользу России, а политика Бисмарка, несмотря на все его заявления о верности Лондонскому договору, внушала Горчакову подозрения и недоверие. Сведения из Берлина укрепляли эти подозрения. Убри доносил, что если Дания не уступит, то Пруссия формально откажется от Лондонского договора¹.

Но недоверие это было парализовано еще большей тревогой, которую вызывало у царского правительства то обстоятельство, что спор между Данией и Германией из-за Шлезвига и Голштинии ставил под угрозу надежды Горчакова на европейский мир и сотрудничество четырех держав.

Датское правительство готовилось к войне и надеялось на помощь Англии и других держав, в частности Швеции. Еще летом 1863 г. между Швецией и Данией велись переговоры о союзе, и в августе даже был подготовлен текст союзного договора, согласно которому в случае нападения германских государств на Шлезвиг Швеция должна была предоставить Дании помощь в 20 тыс. чел. В Швеции и Дании велась пропаганда скандинавизма, политическим содержанием которого была идея союза Швеции, Норвегии и Дании под гегемонией Швеции. Датские скандинависты были противниками немецкого национального движения. Скандинависты в Швеции мечтали о создании сильной скандинавской державы, владеющей обоими берегами Зунда и составляющей противовес России, Англии и Германии. В случае отделения от Дании Голштинии и всего Шлезвига скан-

¹ Убри Горчакову, 14 (2) декабря 1863 г., АРР, Bd. IV, № 221, S. 311.

динависты рассчитывали на присоединение основной части Дании к Швеции. Неудивительно, что эти проекты вызывали тревогу и противодействие как в России, так и в Англии. Планы скандинавистов не имели под собой серьезной почвы. Они подрывались противоречиями между Швецией и Норвегией, Швецией и Данией. Наиболее влиятельные круги буржуазии Норвегии и Дании желали не объединения со Швецией, а укрепления своих самостоятельных национальных государств. Нежелание западных государств поддержать Данию побудило шведского короля отказаться от заключения союза с ней, но датское правительство не теряло надежд на поддержку со стороны Англии, Швеции и России¹.

Получив известие о том, что новая конституция служит предлогом для конфликта между Данией и Германией, царское правительство попыталось прежде всего воздействовать на Данию, советуя Христиану IX не утверждать конституцию 13 ноября, как противоречащую Лондонскому договору 1852 г.² Прусскому посланнику Горчаков на все лады внушал необходимость «единения четырех держав» для изоляции Наполеона III, но результат внушений совершенно не соответствовал его надеждам. Из рассуждений Горчакова о «четверном согласии» Вильгельм I и Бисмарк сделали лишь тот вывод, что Россия не в состоянии будет воспротивиться прусской политике и что Пруссия в дальнейшем сможет объявить Лондонский договор несуществующим³.

¹ В марте 1864 г. стортинг отпустил кредиты на вооружение десанта в 6 тыс. чел. и военных кораблей на случай, если в конфликт вмешаются другие державы и Швеция сможет к ним присоединиться. Но стортинг не одобрил идею объединения Швеции с Данией и Норвегией. (См. *Л. Роотс*, К вопросу о позиции Швеции в 1863—1864 гг. Скандинавский сборник, т. I, Таллин, 1956, стр. 165—166, 170—172.)

² Редерн Бисмарку, 20 ноября 1863 г., APP, Bd. IV, № 119, S. 183—184.

³ К донесению Редерна король приложил записку, опубликование которой разоблачает все лицемерие прусской дипломатии, уверявшей, что Пруссия якобы заботится лишь о поддержке договора 1852 г. «Поскольку Горчаков,— писал король,— проповедовал единство четырех, можно предполагать, что Россия не отнесется враждебно к будущему отказу (Австрии и Пруссии от Лондонского договора.— *Л. Н.*); Франция также кажется весьма равнодушной к Дании. Остается только Англия, которую надо привлечь. В этом на-

Вскоре царское правительство сделало новую попытку предотвратить конфликт: оно предложило датскому правительству изменить ноябрьскую конституцию так, чтобы она не противоречила Лондонскому договору, и настаивало на том, чтобы совет этот был дан в письменной форме уполномоченными всех пяти великих держав. Если бы Дания отказалась, то, по мнению Горчакова, следовало бы пригрозить ей, что в случае войны она «не может ожидать никакой помощи»¹. Царский представитель в Копенгагене Эверс действовал в этом направлении, а русский посол в Париже Будберг откровенно объяснил прусскому посланнику Гольцу, что для России сохранение Лондонского договора является «жизненным вопросом, так как Дания без герцогств не может существовать и неизбежно объединится со Швецией и Норвегией. Балтийское море станет вследствие этого Скандинавским озером, и Россия окажется там в таком же положении, в которое она была поставлена на Черном море Парижским договором. Россия,— сказал Будберг,— не допустит, чтобы Киль стал немецкой гаванью, а Балтийское море — «немецким озером»»².

Бисмарк, видимо, был обеспокоен этими заявлениями царских дипломатов и постарался не допустить немедленного прекращения конфликта, чтобы не лишиться предлога для развязывания войны. С целью затянуть ответ, он попросил «уточнить» русское предложение и заявил, что Пруссия и Австрия стоят за немедленное введение войск Германского союза в Голштинию. В то же время Бисмарк не упустил случая сыграть на страхе царского правительства перед революционными и либеральными движениями. Стараясь повлиять на царское правительство, Бисмарк задел весьма чувствительную струну: он подчеркнул, что если Голштиния не будет занята войсками Германского союза, то конфликт будет использован для усиления «революционного» движения в герцогствах и в Германии. «Экзекуция,— сказал Бисмарк русскому посланнику,— будет выгодна для без-

правлении должны мы действовать. В. (Вильгельм)». (APP, Bd. IV, № 119, S. 184.)

¹ Редерн Бисмарку, 24 (12) декабря 1863 г., APP, Bd. IV, № 138, S. 209—210.

² Гольц Бисмарку, 27 ноября 1863 г., APP, Bd. IV, № 146, S. 217—218.

опасности Дании, поставив Голштинию под защиту от революционных банд, которые там уже образуются». В случае сопротивления Дании, добавил он, «это, вероятно,— война»¹.

Подстрекая Франкфуртский сейм к занятию Голштинии союзными войсками, Бисмарк хотел лишь отвести глаза от своих собственных намерений начать войну с Данией из-за Шлезвига, надеясь в дальнейшем в случае успеха расправиться по своему усмотрению и с Голштинией. Хорошо зная царящие в Копенгагене настроения, Бисмарк не верил в скорую уступчивость Дании. Нежелание царского правительства допустить дальнейшее обострение конфликта не смущало его, так как из Парижа и Лондона он получал если и не вполне ясные, то все же обнадеживающие известия.

Прусский посол в Лондоне Бернсторф сказал министру иностранных дел Кларендону: «Мы не должны бояться войны с кем бы то ни было. Общественное мнение во Франции не позволит императору начать ее, Англия не вяжется сама, что же касается России, то она ничего не может сделать»². Гольц доносил, что Франция отклонила предложение Горчакова о давлении пяти держав на Данию с целью добиться от нее изменения конституции и «предложение это разбилось о недостаток готовности французского кабинета»³.

Позиция Наполеона III внушала Бисмарку наибольшую уверенность в успехе. Французский император в 1860-х годах заигрывал с Пруссией, видя в ней возможного союзника против Австрии. То обстоятельство, что Франция одновременно держала курс и на укрепление своего влияния в южногерманских государствах, в этот момент не смущало Бисмарка.

Французское правительство желало извлечь выгоду из шлезвиг-голштинского вопроса, но было занято своей экспедицией в Мексике, а в феврале 1864 г. вспыхнуло

¹ Убри Горчакову, 30 (18) ноября 1863 г., APP, Bd. IV, № 161, S. 234—235.

² Ла Тур д'Овернь Друэн де Люису, 28 апреля 1864 г., *Les origines...*, t. 2, № 470, p. 319.

³ Гольц Бисмарку, 1 и 7 декабря 1863 г., APP, Bd. IV, № 167, 187, S. 245, 272—273. См. также донесение датского посланника в Париже Мольтке-Хвифельдта от 5 декабря 1863 г., APP, Bd. IV, № 182, S. 267.

восстание в Алжире. Поэтому Наполеон III занял выжидательную позицию и хотел столкнуть с Пруссией Англию и Россию, чтобы ослабить Пруссию, а затем потребовать от нее уступок на Рейне. 6 января 1864 г. Друэн де Люис сказал Гольцу, что было бы лучше всего, если бы Швеция присоединила Данию, а Пруссия — Шлезвиг и Голштинию¹.

Бисмарк мог шантажировать царское правительство, запугивая его возможностью франко-прусского сближения. Он сообщил Убри, что проезжавший через Берлин генерал Флери намекал на возможность союза между обеими странами и обещал, что Франция гарантировала бы Пруссии обладание Познанью². Разумеется, цель этих заявлений Флери заключалась в том, чтобы поссорить Россию с Пруссией. Франция занимала выжидательную позицию и поощряла Пруссию, а британское правительство делало то же самое, опасаясь Франции, хотя еще летом 1863 г. английские политические деятели подстрекали Данию к сопротивлению.

Позиция правящих кругов Англии была противоречивой. Английская буржуазия в принципе желала сохранения статус-кво на Северном и Балтийском морях и особенно опасалась полного расчленения датской монархии. Но по мере обострения шлезвиг-голштинского вопроса в Англии усиливалась боязнь вмешательства Франции с целью захватов на Рейне и желание сблизиться с Пруссией.

В июле 1863 г. Пальмерстон заявил в парламенте, что державе, которая посмеет занять герцогства, придется иметь дело «не только с одной Данией». Заявление это было восторженно подхвачено датской печатью и оказало большое влияние на решимость датского правительства вести войну. На деле Пальмерстон хотел лишь ободрить Данию, припугнуть Австрию и Пруссию возможностью вмешательства других держав и успокоить общественное возбуждение в самой Англии, но в его планы не входила вооруженная поддержка Дании, хотя английский флот мог оказать ей существенную помощь.

С ноября 1863 г. тон английской печати изменился в пользу Пруссии. В декабре Пальмерстон писал Рос-

¹ Гольц Бисмарку, 7 января 1864 г., APP, Bd. IV, № 302, S. 409.

² Убри Горчакову, 1 января 1864 г. (20 декабря 1863 г.), APP, Bd. IV, № 277, S. 377.

село, что он не думает о вооруженном вмешательстве, и Россель заявил прусскому посланнику, что Англия никогда не гарантировала, что будет поддерживать сохранение в силе Лондонского протокола силой оружия. Глава английского кабинета избегал всякого намека на возможность выступления Англии против Германии и ограничивался только подчеркиванием возможного, по его мнению, вмешательства со стороны Франции. Бернсторф же доносил, что английское правительство скорее боится не расчленения Дании, а войны Франции с Германией и захватов Франции на Рейне и в Бельгии¹.

Итак, известия, приходившие из других столиц, давали Бисмарку уверенность в том, что он может взять решение конфликта с Данией в свои руки, не рискуя вызвать немедленный отпор со стороны западных держав или России.

Бисмарк взял твердый курс на развязывание войны. В декабре Убри сообщал Горчакову, что в Пруссии «война против Дании решена и является только вопросом времени»².

Целью предполагаемого занятия Шлезвига прусскими и австрийскими войсками Бисмарк выдвигал «защиту» Лондонского договора, хотя в действительности прусское правительство уже предприняло его отмену.

Еще в начале декабря Бисмарк циркуляром объявил прусским посланникам за границей, что возврат Дании к Лондонскому договору будет недостаточен и что она должна будет решиться изменить всю «систему» своих отношений с герцогствами³.

Намерение Пруссии и Австрии оккупировать Шлезвиг в январе 1864 г. усилило недовольство прусской политикой в Англии. Торийская печать получила удобный предлог для критики либерального правительства и яростно вопила о недопустимости расчленения Дании. Снова изменился и тон выступлений лидеров либеральной партии. Прусский посланник Бернсторф допускал в эти дни, что в случае занятия немецкими войсками Шлезвига

¹ Бернсторф Бисмарку, 2 декабря 1863 г., APP, Bd. IV, № 172, S. 253—254.

² Убри Горчакову, 23 (11) декабря 1863 г., APP, Bd. IV, № 249, S. 347.

³ O. Bismark, Die Gesammelten Werke, Berlin, 1929, Bd. IV, № 177, S. 223.

возможно выступление Англии¹. Пальмерстон заявил, что Англия «стала бы посмешищем всей Европы, если бы допустила расчленение Дании вопреки Лондонскому договору»².

В январе 1864 г. английское правительство предложило направить идентичные ноты протеста не немецких держав в Берлин, Вену и во Франкфурт-на-Майне. Проект этот явно был рассчитан на то, чтобы втянуть Россию в конфликт с Австрией и Пруссией, и получил поддержку Наполеона III. Французский кабинет настаивал, чтобы протест против оккупации герцогств был прежде всего направлен в Берлин и Вену и лишь дополнительно, в смягченной форме, — Франкфуртскому сейму³. Наполеон III явно склонялся к поддержке Германского союзного сейма, а не Австрии и Пруссии, и Бисмарк мог опасаться, что за нейтралитет французского императора придется дорого заплатить. Особенно встревожило Бисмарка присоединение Наполеона III к демаршу Англии.

Горчаков серьезно опасался разрыва между Англией и Пруссией и англо-французского сговора за счет Пруссии. Опасения эти в данном случае не делали чести проницательности Горчакова, но оказали известное влияние на его политику. Серьезнее было другое опасение, которое Горчаков также испытывал: если бы в случае общеевропейской войны между Австрией и Пруссией возникли расхождения, то Пруссия могла бы вступить в союз с Францией. Предотвращение подобной комбинации Горчаков считал более важным делом, чем отделение от Дании Шлезвига и Голштинии. На предложение лондонского кабинета он ответил отказом.

На первый план Горчаков ставил идею поддержания «четверного согласия» — России, Пруссии, Англии и Австрии. Предложение Англии о посредничестве не немецких дворов могло бы разрушить это «согласие» и содействовать англо-французскому или франко-прусскому сближению. «Мы заботимся, — писал Горчаков, — о сохранении между четырьмя великими державами согласия.

¹ Бернсторф Бисмарку, 6 января 1864 г., APP, Bd. IV, № 294, S. 402.

² Бернсторф королю Вильгельму I, 4 января 1864 г., APP, Bd. IV, № 283, S. 385; см. также № 333, S. 443.

³ Письмо Горчакова Убри от 19 (7) января 1864 г., «Красный архив», т. 93, стр. 61.

С этой именно целью мы отклонили английское предложение о посредничестве ненемецких дворов, которое раскололо бы Европу на два лагеря»¹.

Царское правительство не теряло надежды, что конфликт еще может быть ликвидирован, если удастся заставить Данию отменить ноябрьскую конституцию и оставить в силе договор 1852 г. Но все попытки убедить в этом датское правительство имели мало успеха.

Александр II доверял своему дяде Вильгельму I и верил в искренность деклараций Пруссии о том, что Шлезвиг будет занят лишь только для того, чтобы восстановить в силе Лондонский договор. В этом случае Бисмарку, несомненно, удалось использовать личное доверие² Александра II к прусскому королю и то обстоятельство, что царь усматривал в занятии Шлезвига австро-прусскими войсками барьер против революции.

Бисмарк даже претендовал на материальную помощь России на случай осложнений с Францией. Он сказал Убри, что петербургское и лондонское правительства не только «должны быть благодарны прусскому кабинету за его теперешнюю позицию, но должны заверить его... в своей материальной помощи», в случае если проводимая Пруссией политическая линия приведет ее к «европейским осложнениям»³.

Пытаясь навязать России союз с Пруссией, Бисмарк пустил в ход все свои методы: обман, лицемерие и запугивание возможностью франко-прусского сближения. Для прусского правительства, сказал он, было бы гораздо проще отречься от Лондонского договора: «Германия была бы тогда солидарной⁴, а Францию мы имели бы на своей стороне». Заявив, что занятая прусским кабинетом позиция может вызвать осложнения с Фран-

¹ Письмо Горчакова Убри от 19 (7) января 1864 г., «Красный архив», т. 93, стр. 61—62.

² См. О. Бисмарк, Мысли и воспоминания, т. II, М., 1940, стр. 52.

³ Убри Горчакову, 20 (8) января 1864 г., «Красный архив», т. 93, стр. 63—64.

⁴ Т. е. Пруссия и Австрия действовали бы заодно с Франкфуртским сеймом, который не признавал Лондонского договора. Наполеон III обнаруживал склонность поддержать Германский союз, а не Пруссию и Австрию и всячески старался расстроить австро-прусское сближение. Убри Горчакову 15 (3) января 1864 г., «Красный архив», т. 93, стр. 60.

цией, Бисмарк спросил, как поведет себя Россия, если император Наполеон вдруг решит высадить десант на берега Балтийского моря. Зондируя намерения царского правительства, Бисмарк одновременно поставил те же вопросы в Лондоне, но не получил ясного ответа ни от Англии, ни от России. От себя лично Убри не без иронии напомнил об отказе Пруссии от союза с Россией в 1863 г. и высказал мнение, что позиция России будет зависеть от «последующих событий». «Быть может,— заметил он,— условия форс-мажора заставят нас не допускать французские войска на берега Вислы».

Бисмарк хотел навязать царскому правительству союз, способный полностью отдать Россию на милость Пруссии, и отрезать всякий путь к возобновлению франко-русского сотрудничества. Но подобного рода обязательства не входили в планы русской дипломатии и вызвали только чувство досады. Царь не забыл и того, что Бисмарк и Вильгельм I в 1863 г. отказались заключить союз с Россией, и раздраженно написал на одном из донесений Убри: «Как всегда, они о нас вспоминают только тогда, когда они чувствуют себя в опасности»¹.

Добиваясь от России союзных обязательств, Бисмарк хотел использовать страх царского правительства перед Наполеоном III, который, не высказываясь определенно, выжидал дальнейших событий и, подобно Англии и России, оставлял за собой свободу действий.

В русских дипломатических кругах были сильны опасения, что Наполеон III воспользуется предстоящей войной Пруссии и Австрии с Данией для вторжения в Германию, захватов на Рейне и полного ослабления как Австрии, так и Пруссии, а затем и для дальнейшей перекройки карты Европы. С этой точки зрения война Франции с Пруссией казалась царским дипломатам столь же опасной, как и франко-пруссский союз.

Убри писал Горчакову, что «разгром Пруссии и Австрии снова поставит нас лицом к лицу с Францией. Позиция же имп[ератора] Наполеона в польском вопросе не позволяет нам питать ни малейшего сомнения относительно последствий такого соседства. И германский и венский кабинеты прекрасно это понимают и, как видно,

¹ Депеши Убри Горчакову от 20(8) и 23(11) января 1864 г. «Красный архив», т. 93, стр. 64—65.

на такого рода соображениях базируют свои надежды и свои расчеты... Соппротивление Германии было бы совершенно бессильно остановить поток, хлынувший от берегов Сены в том случае, если бы он когда-нибудь направился в нашу сторону»¹.

Но царское правительство, и в частности Горчаков, не считало угрозу со стороны Франции столь явной, чтобы пойти на союз с Пруссией².

Из всего сказанного выше совершенно очевидно, насколько неправильно утверждать³, что русское правительство заранее обо всем тайно сговорилось с Бисмарком и с самого начала поддерживало его политику развязывания войны и отторжения герцогств от Дании. Боясь европейской войны, Горчаков стремился сдержать Бисмарка и не дать развиваться конфликту, способному привести к упразднению Лондонского договора.

Русская дипломатия усиленно старалась провести свою политическую линию. Неподготовленное к вовлечению в конфликт на севере Европы и не потерявшее еще надежды на дипломатическое разрешение датско-германского конфликта, русское правительство видело в этот период свою главную задачу в том, чтобы, во-первых, помешать Бисмарку развязать войну с Данией, а во-вторых, не допустить разрыва между Англией и Пруссией, так как возбуждение в Англии в пользу Дании не прекращалось.

Царское правительство было недовольно воинственным настроением копенгагенского правительства и старалось склонить его к отказу от конституции 18 ноября. В течение всего января петербургский кабинет добивался от Дании «спасительного решения»⁴ об отмене конституции 18 ноября и о согласии на оккупацию Шлезвиг-Гольштейна немецкими державами, в чем царское правительство видело гарантию от революции.

Британское правительство тоже советовало Дании отменить ноябрьскую конституцию. Но предложение

¹ Письмо Убри Горчакову от 23 (11) января 1864 г., «Красный архив», т. 93, стр. 65—66.

² Горчаков Убри, 28 (16) января 1864 г., «Красный архив», т. 93, стр. 70—71.

³ См. А. Дебидур, Дипломатическая история Европы, т. II, Госполитиздат, 1948, стр. 255—256.

⁴ Делепеша Убри Горчакову от 15 (3) января 1864 г., «Красный архив», т. 93, стр. 59—61, 112.

петербургского кабинета о том, чтобы склонить Данию к согласию на мирную оккупацию Шлезвига при условии гарантий неприкосновенности датской монархии, было отвергнуто английским правительством, которое заявило, что оно не уверено в намерениях Пруссии¹. Чтобы связать Бисмарку руки, Горчаков пытался вынудить его дать английскому кабинету письменные заверения о своем желании «оставаться верными Лондонскому договору и принципу неприкосновенности датской монархии», но Бисмарк уклонился от этого под предлогом сопротивления со стороны короля.

Ссылаясь на противодействие короля, Бисмарк лгал. Ему хотелось развязать войну и обеспечить себе возможность отречься от своих обещаний, следуя традициям хищнической и вероломной прусской дипломатии. «Если Луи Наполеона,— писал Энгельс,—его прошлое приучило не стесняться в выборе средств, то Бисмарка история прусской политики, особенно политики так называемого великого курфюрста и Фридриха II, научила действовать еще с меньшей щепетильностью»². В своих «Мыслях и воспоминаниях» Бисмарк хвастливо рассказывает, сколько пришлось потратить ему труда, чтобы заставить трусливого и бесхарактерного Вильгельма I решиться на войну с Данией с конечной целью захвата герцогств.

Бисмарк постоянно твердил королю, «что все его ближайшие предки... добивались того или иного приращения владений государства... Я советовал ему идти по их стопам», но король все повторял, что он не имеет «никаких прав» на Голштинию³.

Следует сказать, что, предлагая в начале января идею мирной оккупации Шлезвига в качестве залога, русское правительство, видимо, в какой-то мере надеялось, что удастся ограничить притязания Пруссии отменой конституции 18 ноября. Но нежелание Бисмарка дать официальные заверения относительно целей, преследуемых Пруссией в шлезвиг-голштинском вопросе, ясно показало Горчакову, что стремления Пруссии идут

¹ Горчаков Убри, 19 (7) января 1864 г., «Красный архив», т. 93, стр. 62.

² Ф. Энгельс, Роль насилия в истории, К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XVI, ч. I, стр. 471.

³ См. О. Бисмарк, Мысли и воспоминания, т. II, стр. 8, 10.

весьма далеко, и после этого Горчаков уже не возвращался к мысли о допущении мирной оккупации Шлезвиг-австро-пруссскими войсками. 28 января он писал Убри: «Нельзя по совести рекомендовать копенгагенскому кабинету подчиниться мирной оккупации Шлезвиг, т. е. со связанными руками отдаться на волю великих немецких дворов, если нет возможности дать ему солидных и реальных гарантий в том, что это проявление покорности охранит неприкосновенность датской монархии»¹.

В последнюю минуту датское правительство попыталось лишить Бисмарка предлога для нападения и 25 января 1864 г. сообщило всем державам, подписавшим Лондонский договор, что оно согласно созвать ригсдаг, для того чтобы рассмотреть вопрос об отмене или изменении конституции 18 ноября², и просило их ходатайствовать перед Пруссией об отсрочке оккупации Шлезвиг.

В тот же день английский посол Бьюкенен обратился к Бисмарку с письменным предложением отсрочить оккупацию Шлезвиг на шесть недель. Царское правительство присоединилось к предложению британского кабинета. Парижский кабинет поддержал это предложение, но, к величайшей радости Бисмарка, дал понять, что дальше слов дело не пойдет³. Бисмарку стало ясно, что Франция, по крайней мере вначале, не вмешается в войну и что она заинтересована в укреплении отношений с Пруссией как потенциальным противником Австрии и как оплотом против революции в Германии.

Бисмарк решил действовать. Боясь потерять предлог для войны, он заявил Убри, что Пруссия «в настоящее время» не может отказаться от оккупации Шлезвиг, что король видит в этом «вопрос военной чести» и что он «скорее отречется от престола», чем пойдет на уступки. Нельзя «терять из виду», пригрозил Бисмарк, что «имеются только две возможности — отречение его величества... утомленного всеми этими осложнениями,

¹ Письмо Горчакова Убри от 28 (16) января 1864 г., «Красный архив», т. 93, стр. 72.

² Депеша Убри Горчакову от 25 (13) января 1864 г., «Красный архив», т. 93, стр. 67.

³ Гольц Бисмарку, 26 января 1864 г., APP, Bd. IV, № 365, S. 481—482.

так же как и положением дел внутри страны, или же возврат к Германии и Союзу¹ с либеральным министерством...», и тогда он, Бисмарк, должен будет уйти в отставку; у власти станут либералы, «но их первым действием, не будем себя обманывать, был бы союз с Францией».

Возможность сближения Пруссии с Францией удержала царское правительство от более решительного давления на Бисмарка. Кроме того, движение в герцогствах за отделение их от Дании казалось царскому правительству революционным. Занятие Шлезвига австро-прусскими войсками оно рассматривало как «барьер» против «революционной агитации» в герцогствах. «Главная цель венского и берлинского кабинетов,— писал Горчаков,— состоит в том, чтобы создать плотину против революционного потока, который подымается и не замедлит достичь не только Эйдера, но и других берегов»².

Горчаков ограничился сожалением по поводу отказа Бисмарка предоставить Дании отсрочку для созыва ригсдага и отмены конституции 18 ноября и лишь высказал пожелание, чтобы Пруссия и Австрия оккупировали только небольшую часть Шлезвига, не занимая даневиркских укреплений, «раз речь идет об одном лишь залоге». В заключение вице-канцлер просил Бисмарка «придать» заявлениям относительно целей занятия Шлезвига «официальный характер», «что существенно будет содействовать сохранению всеобщего мира»³.

Ссылаясь на противодействие короля, Бисмарк отклонил и это предложение о частичной оккупации Шлезвига и 31 января сказал Убри: «Дайте нам обменяться с Данией несколькими пушечными выстрелами. Ситуация от этого только станет более ясной. Король в особенности стоит за то, чтобы военные действия его армии могли осуществиться»⁴. Надежда Бисмарка на нейтралитет царского правительства оправдалась. 3 февраля Горча-

¹ Т. е. к Германскому союзу. Депеша Убри Горчакову от 28 (16) января 1864 г., «Красный архив», т. 93, стр. 69.

² Копия письма Горчакова Убри от 19 (7) января 1864 г., ЦГАДА, р. XXX, д. 9/23, стр. 179.

³ Письмо Горчакова Убри от 28 (16) января 1864 г., «Красный архив», т. 93, стр. 72, 74.

⁴ Депеша Убри Горчакову от 31 (19) января 1864 г., «Красный архив», т. 93, стр. 74.

ков сказал прусскому послу, что «Россия никогда не пойдет против Пруссии»¹, но возможно выступление Англии, Франции и Швеции. Однако Бисмарк был убежден, что лондонский и парижский кабинеты тоже не помешают Пруссии.

3. Царская дипломатия и шлезвиг-голштинский вопрос во время войны 1864 г.

28 января 1864 г. правительства Пруссии и Австрии предъявили Дании заведомо неприемлемый ультиматум: в 48 часов отменить конституцию от 18 ноября, хотя было очевидно, что невозможно исполнить это в такой короткий срок, не прибегая к государственному перевороту. Через два дня был получен ответ, что для созыва ригсдага и для отмены конституции необходимо по меньшей мере несколько недель.

Тогда 1 февраля 1864 г. объединенная австро-пруская армия под командованием генерала Врангеля вторглась тремя колоннами на территорию Шлезвига. 4 февраля Бисмарк отправил в Лондон декларацию, в которой давал понять, что Лондонским трактатом он уже не удовлетворится. Плохо вооруженная и малочисленная датская армия была намного слабее союзников. Об успешном сопротивлении австро-прусскому нашествию не могло быть и речи. Уже в ночь с 5 на 6 февраля датчане, опасаясь угрожавшего обхода с фланга, вынуждены были без боя покинуть даневиркские укрепления, отступив к крепости Дюппель. 6 февраля был занят город Шлезвиг, а 7 февраля — Фленсбург. Датская армия отступала на север страны.

Тотчас по вступлении австро-прусских войск в Шлезвиг датское правительство начало взывать о помощи в нотах, направленных в Лондон, Петербург и Париж.

Царское правительство продолжало следовать ранее принятому им курсу на нейтралитет, лишь с той разницей, что после начала военных действий оно видело свою главную задачу уже не в предотвращении войны, а в ее локализации, чтобы не дать вспыхнуть «общему

¹ Орывок из донесения Редерна от 3 февраля 1864 г. (См. *L. D. Steefel, The Schleswig-Holstein Question. Cambridge, Harvard University Press, 1932, p. 349—350.*)

пожару». Шлезвиг-голштинский вопрос в 1863—1864 гг. царское правительство рассматривало как второстепенный по сравнению со своей задачей достичь «четверного согласия» — России, Пруссии, Австрии и Англии для поддержания существующего в Западной Европе положения и разъединения участников крымской коалиции. Наполеона III царское правительство старалось изобразить в глазах Пруссии в качестве носителя революционного духа. Оно запугивало Бисмарка мнимой возможностью разрыва Англии с Пруссией и англо-французского сговора.

Из этих соображений вытекали все дальнейшие шаги русской дипломатии, сводившиеся к стремлению: 1) по возможности сдерживать Бисмарка словесными уговорами, чтобы ограничить притязания Пруссии и добиться от Пруссии заверений о верности Лондонскому договору; 2) склонить к скорейшим уступкам Данию, чтоб ее разгром не принял слишком катастрофических размеров и не вызвал бы вмешательства английского флота; 3) избежать обострения отношений с Пруссией и поддерживать ее союз с Австрией, как серьезную помеху на пути франко-прусского сближения. Если в своих опасениях относительно возможности вмешательства Англии и сговора между ней и Францией Горчаков проявлял недальновидность и недооценку англо-французских противоречий, то опасность франко-прусского союза в случае конфликта России с Пруссией представляла вполне реальную угрозу.

Слабость этого курса, принятого царской дипломатией, совершенно очевидна. Трудно было словесными увещеваниями сдержать прусское правительство, возглавляемое таким открытым сторонником насилия при решении политических вопросов, как Бисмарк. Склонить к уступкам датское правительство было также невозможно в силу общественного возбуждения, охватившего Данию, и слепой уверенности датских министров в том, что Дания получит вооруженную поддержку Англии, Швеции, может быть и других держав. Хотя у власти в Копенгагене находилась не «зйдеровская партия», а умеренно либеральное правительство Монрада, оно не могло принять такое решение из опасения быть немедленно свергнутым. Известие о сдаче даневиркских укреплений и взятии немецкими войсками го-

рода Шлезвига вызвало большое возмущение в Копенгагене, едва не перешедшее в восстание. Толпы народа собирались около королевского дворца с требованием объяснить им причину отступления датской армии из Даневирка. Обе палаты датского ригсдага вотируют адрес королю, прося его о самой энергичной защите страны.

Возбуждение в Дании еще более подогревалось подстрекательством со стороны политических деятелей Англии. Часть либералов была настроена в пользу Дании и требовала более решительных действий со стороны правительства. Торийские газеты еще резче подчеркивали, что «морские интересы» Англии очень пострадают вследствие отторжения от Дании герцогств, и обрушили град упреков на правительство. Успехи австро-прусской армии в Шлезвиге вызвали тревогу в английском парламенте. 4 февраля на открытии сессии парламента лидер партии тори лорд Дерби заявил в палате лордов, что он, «как англичанин, унижен» бессилием внешней политики британского правительства, в частности, и в датском вопросе¹. Но и Дерби не был сторонником вооруженного вмешательства, а ратовал лишь за более энергичную дипломатическую поддержку Дании. Этой поддержки желали также принц Уэльский Эдуард, женатый на датской принцессе, и некоторые либералы.

Но наиболее влиятельные круги, и в том числе Пальмерстон, желали усиления Пруссии. Эту позицию занимала и королева Виктория. Пальмерстон допускал вооруженное вмешательство лишь в случае нападения Пруссии и Австрии на датские острова, но королева не хотела и слышать об этом. В январе — феврале 1864 г. английское правительство вызвало свой флот из Лиссабона и потребовало от Австрии заверений, что ее корабли не нападут на Копенгаген². Лондонский кабинет не собирался предпринимать вооруженное вмешательство и брать на себя связанные с этим риск и расходы. Бруннов полагал, что британское правительство не желало и вооруженного выступления Франции, опасаясь, что Наполеон III использует его для захватов на левом

¹ См. «Русский инвалид» № 23, 29 января (10 февраля) 1864 г. См. также Hansard's Parliamentary Debates, Third Series, vol. 173, p. 29.

² W. Mosse, цит. соч., стр. 183, 205.

берегу Рейна. Обострение отношений Англии и США, национально-освободительное движение в Ирландии также связывали руки Англии.

Царский посол доносил, что, невзирая на «общественное мнение», правительство Пальмерстона боялось послать флот на защиту Дании, считая, что этим воспользуется Наполеон III в интересах своих захватнических планов, и видело в усилении Пруссии полезный противовес могуществу Франции. «Английский флот,— писал Бруннов,— не может быть приведен в движение, не дав повода Франции двинуть свои армии. Пальмерстон не решается пройти Зунд, не желая, чтобы Наполеон перешел Рейн. Поэтому оба государства остаются неподвижными»¹.

О нежелании Англии вмешиваться в войну на стороне Дании свидетельствует и тот факт, что лондонский кабинет готов был удовлетвориться двусмысленной прусской декларацией по поводу занятия Шлезвига. Признавая неправомерность нападения Пруссии и Австрии на Данию, Пальмерстон отмечал, что и Дания нарушила Лондонский договор, и откровенно высказал мнение, что Пруссия заслуживает одобрения как держава, ведущая борьбу с революционным движением. Помешав малым государствам произвести переворот в герцогствах, сказал Пальмерстон, Австрия и Пруссия «действовали дружественно» в отношении Дании. Задачу Англии Пальмерстон видел в том, чтобы «примирить» Данию с Германией. Россель же подчеркнул, что английское правительство не обещало Дании «материальной помощи», хотя он и не может поручиться за будущее².

Желая узнать намерения царского правительства и Наполеона III и «спасти лицо» английского кабинета перед Данией, Россель еще 28 января обратился ко всем державам, подписавшим Лондонский договор, с запросом, готовы ли они «к материальному сотрудничеству», если бы герцогства были отторгнуты от Дании³. Ответ

¹ «Красный архив», т. 93, стр. 113 (примечание 37).

² См. «Русский инвалид» № 23, 30 января (11 февраля) 1864 г. См. также Hausard's Parliamentary Debates, Third Series, vol. 173, p. 57, 105, 108.

³ Письмо Горчакова Убри от 28 (16) января 1864 г., «Красный архив», т. 93, стр. 71.

на этот запрос показал, что правительство Наполеона III отнюдь не склонно к вооруженному вмешательству, но охотно предоставило бы эту роль Англии.

Из Парижа Друэн де Люис сообщил британскому правительству, что, по мнению Наполеона III, «предпринять войну для Англии было бы сравнительно легче, так как ее действия ограничились бы маневрами на море, блокадой и захватом судов». Шлезвиг и Англия лежат на значительном расстоянии друг от друга, но «Германия сопредельна Франции, и война между этими двумя странами была бы самой губительной и безрассудной, какую только могла бы вести Империя»¹.

В Петербурге к запросу Англии о совместном вмешательстве отнеслись с крайней подозрительностью. Царское правительство понимало, что для Англии было бы выгодно втянуть Россию в крупные осложнения на Западе и обострить ее отношения с Пруссией, так как это связало бы России руки на Ближнем Востоке и отвлекло бы ее от Средней Азии. Царское правительство ни в коем случае не желало быть втянутым в войну с Пруссией и опасалось вовлечения в нее других держав. Боязнь большой европейской войны и возможной в этом случае неблагоприятной для России перегруппировки сил заставляло царское правительство не желать вооруженного вмешательства Англии².

В то же время Горчаков не хотел давать Англии возможность выставить Россию виновницей оставления Дании на произвол Австрии и Пруссии и 28 января ответил Нэпиру контрвопросами: «1) какого рода и в каких размерах будет вооруженное содействие», которое английское правительство готово оказать Дании? и 2) намерено ли оно оказать его совместно с державами, гарантировавшими целостность Дании, «или только с некоторыми из них или же действовать отдельно?»

Предположение Горчакова относительно истинных целей Англии полностью оправдалось: лорд Россель сообщил, что «было бы преждевременно отвечать на эти

¹ Делеша Росселя Коули от 30 января 1864 г., «Русский инвалид» № 52, 18 (6) марта 1864 г. (из английской «Синей книги»).

² Письмо Горчакова Бруннову от 24 (12) февраля 1864 г., «Красный архив», т. 93, стр. 80.

вопросы, прежде чем не сделается известным, признает ли Россия необходимость поддерживать неприкосновенность датской монархии посредством вещественного содействия», так как позиция Англии будет «отчасти» зависеть от «решения русского правительства». На все это Горчаков лишь повторил, что и он «не может дать на этот вопрос никакого ответа, доколе не сделаются известными намерения прочих правительств, подписавших Лондонский трактат», но заметил вскользь, что внутреннее положение России вряд ли позволит ей «играть деятельную роль при решении этого вопроса»¹. Этот взаимный обмен вопросами ясно показал, что британский кабинет не желал взять на себя никаких обязательств, но в то же время хотел побудить русское правительство высказаться в таких выражениях, которые бы связали его дальнейшие шаги.

Новая попытка английского кабинета обострить отношения России с Пруссией, не давая со своей стороны никаких обещаний относительно вооруженного вмешательства в пользу Дании, была сделана по поводу ноты датского правительства от 13(1) февраля с просьбой к царю о помощи.

На этой ноте Александр II написал: «Мы уже делали и будем делать все возможное для защиты прав Дании морально. Что же касается материальной интервенции, то об этом не может быть и речи»².

Английский посол, ознакомившись с датской нотой и проектом ответа, заметил, «что на просьбу датского правительства о вещественной помощи не дано никакого ответа», но Горчаков возразил, что в датской ноте вещественной помощи вовсе и не требуется. «Слова «вещественный» в этой ноте не встречается», — сказал он. Нэпир возразил, что, судя по содержанию датской ноты, датское правительство в просьбе о помощи «подразумевает вооруженное вмешательство», на что Горчаков ответил, что он не может входить в рассмотрение, «какие могут быть тайные побуждения или желания у дат-

¹ Деша Нэпира Росселю от 17 (5) февраля 1864 г., «Голос» № 95, 17 (5) апреля 1864 г.; а также письмо Горчакова Убри от 28 (6) января 1864 г., «Красный архив», т. 93, стр. 71—72.

² Царская помета на ноте датского посланника в Петербурге Плессена Горчакову, 13 (1) февраля 1864 г., «Красный архив», т. 93, стр. 76—77.

ского правительства, и возбуждать вопрос, который не был ему прямо предложен»¹.

В конце февраля Россель предложил предпринять враждебную Пруссии морскую демонстрацию в виде посылки к берегам Дании флотов тех держав, которые подписали Лондонский договор. На этот раз английское правительство заранее пояснило, что «акция трех дворов не пойдет далее роли посредников». Горчаков написал Бруннову «не позволять увлечь себя дальше» и узнать число и тоннаж судов, которые войдут в английскую эскадру, а также ответ французского правительства на подобное предложение лорда Росселя².

Ведя переговоры о военно-морской демонстрации против Пруссии, Горчаков хотел избежать сближения Англии с Францией и упрочить влияние России на датское правительство, чтобы склонить его к некоторым уступкам, невзирая на воинственное настроение датской либеральной буржуазии.

Боясь общеевропейской войны, царское правительство было заинтересовано в скорейшем созыве дипломатической конференции по датскому вопросу, чтобы «вновь вернуть на обсуждение дипломатии вопрос, выведенный из ее сферы военными действиями».

Желание царского правительства в этом отношении вполне совпадало с настроениями британского кабинета, вовсе не хотевшего своими руками воевать с Пруссией. 19 февраля Россель обратился ко всем державам, подписавшим договор 1852 г., с предложением о созыве конференции для разрешения датско-германского конфликта. Воюющим сторонам предлагалось заключить перемирие. Царское правительство немедленно выразило свое согласие. Французский кабинет выразил неудовольствие тем, что вопрос о конференции был подготовлен без его участия, но принял предложение о ее созыве в надежде на то, что конференция не состоится.

Труднее было добиться согласия на конференцию от воюющих держав. Формально Австрия и Пруссия соглашались на перемирие, но ставили совершенно неприемлемые для Дании условия, требуя, чтобы датские

¹ Делегация Напира Росселю от 16(4) февраля, «Голос» № 95, 17 (5) апреля 1864 г.

² Письмо Горчакова Бруннову от 24 (12) февраля 1864 г., «Красный архив», т. 93, стр. 79—80.

войска добровольно очистили всю территорию Шлезвиг-Гольштейна. Царское правительство давало Дании совет прекратить военные действия, продолжать переговоры об условиях перемирия и согласиться на созыв конференции.

Одновременно Горчаков старался выяснить, как далеко идут притязания Пруссии, и запросил Бисмарка о том, считают ли Австрия и Пруссия себя по-прежнему связанными условиями Лондонского договора 1852 г. Он добивался скорейшего согласия Бисмарка на конференцию и убеждал его в необходимости заключения перемирия. Русский поверенный в делах в Берлине Моренгейм грозил Бисмарку тем, что «недостаточно бережное отношение к Англии бросит ее с неизбежностью закона тяготения в объятия Франции»¹.

Употребляя уже известный метод запугивания возможностью англо-французского союза, царское правительство старалось вынудить Бисмарка подтвердить его прежние заявления о верности Лондонскому договору и принципу неприкосновенности датской монархии. Но Бисмарк еще 10 февраля писал в Петербург Редерну, что возврата к договору 1852 г. недостаточно для обеспечения прав герцогств и немецкой национальности в них. Двумя днями позже, 13 февраля, в беседе с Моренгеймом он заявил, что «история осудила компромиссы 1852 г.», а «союзные армии не для того пролили свою драгоценную кровь», чтобы вновь возвратиться к этим «ненадежным» трактатам. Соглашения, заключенные непосредственно между германскими дворами и Данией, также более не существуют. «Война положила им конец». Обязательной для Пруссии и Австрии Бисмарк признавал только декларацию от 4 февраля, по которой прусское правительство признало неприкосновенность Дании, но лишь в том смысле, заметил он, «как о ней там упоминается, т. е. условно»². Декларация от 4 февраля умышленно была написана так путано и содержала столько оговорок, что любые действия Пруссии не противоречили бы ее содержанию.

¹ Деша русского поверенного в делах в Берлине Моренгейма Горчакову от 13 (1) февраля 1864 г., «Красный архив», т. 93, стр. 77—78.

² Деша Бисмарка Редерну от 10 февраля 1864 г. (См. *O. Bismark, Die Gesammelten Werke*, Bd. 4, № 254, S. 307—308.)

Бисмарку необходимо было сначала достичь новых военных успехов, чтобы выступить на конференции в роли победителя и диктовать свои условия. Военные действия становились ожесточеннее. Австро-прусская армия не ограничилась операциями в районе Шлезвига и 17 февраля вторглась в пределы Ютландии, которая была населена исключительно датчанами.

19 апреля прусские войска штурмом овладели Дюпелем. Пал последний оплот Шлезвига, а кроме того, в руках австро-прусской армии находилось больше половины Ютландии. После этого Пруссия готова была принять участие в конференции.

Прусские победы крайне встревожили петербургский кабинет. Они могли свести к нулю надежды царского правительства на мирное решение вопроса о герцогствах, дипломатическим путем. Горчаков боялся, что прусские требования будут расти соразмерно прусским успехам. После взятия Дюппеля Горчаков стал усиленно призывать Бисмарка к умеренности. «Он доказал свою силу, пусть теперь он успокоит кабинет своею умеренностью»¹, — писал Горчаков Убри.

Но безнаказанное продвижение австро-прусских войск в Ютландии окончательно убедили Бисмарка в том, что ни одна из великих держав не вяжется в войну, и с полной беззастенчивостью он начал, наконец, открывать свои карты. Спустя три дня после падения Дюппеля Бисмарк заявил Убри, что «если мы все еще хотим поддерживать принцип неприкосновенности датской монархии, так это именно потому, что мы так хотим, но мы к этому не обязаны».

Русский посланник обратил внимание Бисмарка на непоследовательность прусской политики, ибо заявления, ранее сделанные берлинским кабинетом, признавали принцип неприкосновенности Дании. Но все это несколько не смутило Бисмарка. Он отвечал, что заявления эти были обусловлены «только случаем занятия Шлезвига без открытой борьбы», но что оба немецкие правительства «делали оговорки» на случай войны, если она вспыхнет². Таким образом, Бисмарк перед самым

¹ Письмо Горчакова Убри от 19 (7) апреля 1864 г., «Красный архив», т. 93, стр. 116.

² Делеша Убри Горчакову от 21 (9) апреля 1864 г., «Красный архив», т. 93, стр. 87.

началом конференции отрекся от всех обязательств, взятых им на словах перед началом войны.

Позиция, которую должна была занять царская Россия на конференции, ясно изложена в инструктивном письме Горчакова к Бруннову, который был назначен русским представителем. Вначале, по мнению Горчакова, следовало рассмотреть условия перемирия и лишь после прекращения военных действий перейти к обсуждению других вопросов.

В случае невозможности полностью вернуться к Лондонскому договору наиболее приемлемым вариантом будущего соглашения Горчаков считал сохранение личной унии обоих герцогств с Данией. Так как принцип личной унии герцогств с Данией может быть сопряжен с весьма существенными нюансами в смысле большего или меньшего единства между ними, то задача представителя России, указывал Горчаков,— содействовать принятию тех мер, которые бы способствовали упрочению связи между герцогствами и датской монархией. Если бы вопреки пожеланиям и усилиям царского правительства Лондонский трактат 1852 г. был объявлен совершенно упраздненным, Бруннову было предписано категорически заявить, что прежний отказ царской России от прав на Шлезвиг и Голштинию будет считаться также недействительным и что император Александр II вступит в этом случае в обладание прежними правами¹.

Заседания конференции открылись 25 апреля. Первые две недели были потеряны в спорах об условиях перемирия. 29 мая оно было наконец заключено на следующих основаниях: 1) срок перемирия как на суше, так и на море устанавливался в четыре недели, начиная с 12 мая; 2) армии противников оставались на занимаемых ими в последний момент позициях; 3) Дания обязана была снять блокаду с немецких портов; 4) Австрия и Пруссия обязывались не взимать в Шлезвиге и Ютландии контрибуцию с Дании, не должны были препятствовать нормальному ходу торговли с Ютландией, а также сообщению с ней и ее управлению; 5) противники не должны были возводить никаких военных укреплений на занимаемых территориях.

¹ Письмо Горчакова Бруннову от 28 (16) марта 1864 г., «Красный архив», т. 93, стр. 82—85.

Затем конференция перешла к обсуждению основного вопроса: об условиях мира. Но уже первое заседание по этому вопросу обнаружило полное несогласие между воюющими сторонами.

Объявленная ранее Бисмарком программа прусских требований его более не удовлетворяла: Бисмарк резко повысил тон. «Пруссия злоупотребляет своей победой», писал Бруннов, и увеличивает требование «со дня на день»¹. 12 мая представители Австрии и Пруссии, ссылаясь на право войны, заявили о своем отказе от Лондонского договора 1852 г. На следующем заседании, 17 мая, Бернсторф от имени Австрии и Пруссии потребовал полной политической независимости герцогств от Дании. Прусское правительство было согласно при этом включить будущее «независимое Шлезвиг-Гольштинское государство» в Германский союз². Кроме того, оно предъявило требование на огромную контрибуцию в 17 млн. флоринов. По словам Бруннова, «одного вопроса о военном вознаграждении» было «уже достаточно для краха всех переговоров».

«Австрия во всем этом играет жалкую роль,— писал Бруннов.— Она считает себя вынужденной следовать за Пруссией, дабы не потерять своей популярности в Германии».

Были и другие причины, которые побуждали Австрию действовать в этом вопросе «рука об руку с Пруссией». В Вене рассчитывали поживиться за счет контрибуции с Дании и тем самым поправить свое финансовое положение, чтобы лучше подготовиться к борьбе с Пруссией за гегемонию в Германии. Бигелебен «по секрету» признался Бруннову, что «для императора Франца-Иосифа вопрос о деньгах важнее всех остальных». Во время прощальной аудиенции император обратил особое внимание на этот пункт. «Нам нужны деньги. Достаньте нам денег»³,— сказал он.

Австро-пруссские требования были категорически отвергнуты Данией. С резким протестом против австро-

¹ Письмо Бруннова Горчакову от 4 мая (22 апреля) 1864 г., «Красный архив», т. 93, стр. 92—93, 116, примеч. 84.

² Бернсторф Бисмарку, 12 и 17 мая 1864 г., APP, Bd. V, № 51, 70, S. 96—97, 124.

³ Письмо Бруннова Горчакову от 4 мая (22 апреля) 1864 г., «Красный архив», т. 93, стр. 93.

пруссских требований выступил Бруннов. Его поддержали Англия и Швеция, но французский представитель не высказался в защиту Лондонского договора и внес предложение решить судьбу герцогств путем проведения плебисцита. Французское предложение было отвергнуто другими державами, опасавшимися применения этого принципа, но Бисмарк согласился предоставить населению герцогств решить свою судьбу плебисцитом, надеясь этим припугнуть Данию¹. Вся территория Шлезвига находилась в руках австро-пруссских войск. Оттуда были выдворены все должностные и влиятельные лица, известные своей приверженностью к Дании. Немецкая часть населения желала присоединения к Германии, и при таких условиях шансов на успех было много.

Протесты России и Англии против аннулирования Лондонского договора не произвели никакого впечатления на Бисмарка, так как эти державы не собирались поддержать свои заявления вооруженной силой. Но деятельность прусской дипломатии не ограничивалась переговорами на Лондонской конференции. Бисмарк и король Вильгельм I стремились получить согласие царя на отторжение герцогств и окончательно убедиться в том, что Россия не воспротивится этому силой оружия. Длительные беседы с русским посланником в Берлине не удовлетворили Бисмарка. Он воспользовался пребыванием в Берлине прусского поверенного в делах в Петербурге барона Пирха и дал ему специальное поручение: неофициально изложить царю и Горчакову точку зрения прусского правительства на решение шлезвиг-голштинского вопроса.

В беседе с Горчаковым Пирх заявил, что его страна «не удовлетворится бесплодными лаврами» и король «скорее решится отречься от престола, чем не добиться удовлетворительного результата»². Таким образом, Бисмарк через Пирха вновь использовал свой излюбленный прием — запугивание царского правительства революционным возбуждением в Германии, своей отставкой, отречением короля от престола и возможным в этом

¹ Бьюкенен Росселю из Берлина, 1 мая 1864 г., APP, Bd. V, № 26, S. 72.

² Письмо Горчакова Убри от 30 (18) апреля 1864 г., «Красный архив», т. 93, стр. 91.

случае приходом к власти в Берлине либерального кабинета, сближением Пруссии с Францией и Англией.

В беседах с Пирхом царь и Горчаков тщательно пытались удержать Пруссию от намерения отторгнуть герцогства от Дании. Принимая Пирха, царь снова запугивал Пруссию возможностью англо-французского союза и говорил об опасности всенародного голосования в герцогствах, так как этот принцип может обратиться в других случаях против Пруссии, «и кто знает, где сможет Луи Наполеон применить его». В заключение царь заявил, что его «сердце» и «помыслы» «с Пруссией и ее делом и это всегда так будет»¹.

Горчаков обещал Бисмарку полную поддержку со стороны России, но только в том случае, если «немецкие державы» признают целостность Дании. Если же, заявил он, Пруссия по-прежнему будет настаивать на отторжении герцогств от Дании, «то Россия должна будет согласовать свою точку зрения в отношении Кия с Англией»². Кроме того, Горчаков заметил, что расчленение Дании может привести к созданию Скандинавского союза. «Никогда Россия,— воскликнул он,— не допустит, чтобы Бельт стал вторым Босфором». Мало того, Горчаков решил припугнуть Пирха, заявив ему, что Наполеон III уже предложил Англии союз за согласие на аннексию на берегах Рейна³. Горчаков явно сочинял, и его запугивания не произвели никакого впечатления ни на Пирха, ни на Бисмарка, так как последний был прекрасно осведомлен о позиции Англии и Франции.

Происходившие в Петербурге переговоры между Горчаковым и Пирхом не принесли Бисмарку ясного ответа на вопрос о том, как отнесется Россия к аннексии герцогств Пруссией. Но Бисмарк старался использовать благоприятную обстановку до конца, и попытки царского правительства сдержать Пруссию оказались безрезультатными.

Конференция зашла в тупик. Дания согласилась на отделение от королевства Голштинии и Лауэнбурга, но не на отделение Шлезвига. Приближалось 12 июня — конец перемирия, после чего должна была возобновиться

¹ Пирх королю Вильгельму I, 21 апреля 1864 г., APP, Bd. IV, № 608, S. 757—759.

² Пирх Бисмарку, 26 мая 1864 г., APP, Bd. V, № 97, S. 159.

³ Пирх Бисмарку, 11 мая 1864 г., APP, Bd. V, № 49, S. 94—95.

война, и страх перед последствиями провала конференции побуждал царя и Горчакова медленно сдавать свои позиции.

Поэтому Бруннов с готовностью поддержал на конференции английское предложение о разделе Шлезвига по национальному признаку¹ и убеждал датских представителей в необходимости этой уступки. В принципе это предложение было принято обеими сторонами, но вопрос о том, какая часть должна отойти к Германии, вызвал бесконечные споры. Датское правительство предложило раздел по линии Экернферд — Фредерикстад, т. е. уступало небольшую часть Южного Шлезвига. Бисмарк намечал раздел по другой линии, идущей от Фленсбурга до Тондерна, т. е. оставлял Дании лишь небольшую полоску северной части Шлезвига². Длившиеся в течение недели бесплодные прения по этому вопросу ни к чему не привели.

Россель попытался примирить обе стороны, предложив отодвинуть предложенную Данией линию на север и провести границу по р. Шлей. Но на это не соглашались ни Дания, ни Австрия и Пруссия. Все попытки Бруннова склонить датского представителя к согласию на эту линию были тщетны. С не меньшим упорством отстаивали свои притязания австро-пруссские представители, заявившие, что линия от Фленсбурга до Тондерна с оставлением обоих городов к югу от границы есть их последнее слово.

Бруннов считал необходимым, чтобы царь предпринял поездку в Берлин для личных переговоров с королем.

Царское правительство опасалось и вмешательства Швеции. Возобновление войны, по мнению Бруннова, грозило России большими опасностями: оно могло не только привести в Балтийское море английскую эскадру, но и спровоцировать вмешательство Швеции, которая пошлет свои войска на датские острова «под предлогом их защиты, а в действительности с задней мыслью со-

¹ Предложение было сделано лордом Кларендоном 28 мая 1864 г. (Убри Горчакову, 28 (16) мая 1864 г., APP, Bd. V, № 105, S. 168.)

² Убри Горчакову, 19 (7) мая 1864 г., APP, Bd. V, № 77, S. 133—134; см. также письмо председателя датского Совета министров Монрада датскому поверенному в делах в Петербурге Винду от 28 (16) июня 1864 г., «Красный архив», т. 93, стр. 99.

хранить их для себя в случае расчленения датской монархии»¹.

Страх перед возможностью краха конференции и возобновления войны побудил царское правительство принять экстренные меры: 9 июня 1864 г. царь вместе с Горчаковым выехал в Берлин. 10 июня в Берлине Александр II принял Бисмарка и в продолжительной беседе старался воздействовать на него умеряющим образом. Царь предлагал наметить границу посередине между линией Фленсбург — Тондерн и линией по Шлею. Но, зная, чем можно запугать царя, Бисмарк повторил, что уступки в пользу Дании невозможны, так как это «дало бы сильное оружие в руки революционной партии», борьба с которой «остаётся главной задачей правительства».

В заключение беседы царь дал совет Бисмарку крепить согласие с Австрией и высказал надежду, что Пруссия не пойдет на сепаратный сговор с Францией².

Переговоры продолжал Горчаков. «Что касается позиции России», сказал он, то, хотя война между Россией и Пруссией и невозможна, «я безусловно исключаю такой случай», но, если английский флот появится в Балтийском море, «государь император не останется безучастным зрителем, и тогда ведь не среди прусских кораблей будет развеяться наш флаг». — «Вы, конечно, не станете стрелять в нас», — прервал его король. «Нет, ваше величество», — ответил Горчаков, — но уже одно присутствие нашего флага среди ваших противников явилось бы прискорбным доказательством, что с точки зрения политической мы не можем быть за то дело, которое вы поддерживаете. Было бы крайней непоследовательностью, если бы мы поступили иначе».

На возражения Бисмарка, что уступка Пруссии в пользу Дании дала бы сильное оружие в руки «революционной партии», Горчаков возразил, что присоединение герцогств к Германии не уничтожит «партию беспорядка», но и повлечет выступление Англии и Франции и «усилит революционные элементы в остальной части Европы».

¹ Письмо Бруннова Горчакову от 1 июня (20 мая) 1864 г., «Красный архив», т. 93, стр. 95—96.

² Записка, составленная в прусском министерстве иностранных дел 11—13 июня 1864 г. (APP, Bd. V, № 136, S. 208—211.)

Запугивая и убеждая, Горчаков пытался склонить Бисмарка к уступкам. Но эти надежды были тщетны. «Если я окажу давление на короля,—говорил Бисмарк,—он отречется от престола и я уйду от дел, так как государь, который после него вступит на престол, с самого начала пойдет по пути либерализма, на который я не стану никогда»¹.

Бисмарк отлично понимал страх царского правительства перед Наполеоном III, и в ответ на запугивание Англией сказал Горчакову, что Англия одна не решится на войну, а Наполеон III понимает, что война на Рейне против немецкого национального дела сплотит Германию и вызовет коалицию трех восточных держав, из которых каждая не допустит разгрома двух других: «Когда французские войска войдут в Германию, событие это вынудит Россию к участию в войне, будет это отвечать ее намерениям или нет». Бисмарк не забыл напомнить Горчакову, что Россия должна быть «благодарна» Пруссии за 1863 г., на что Горчаков ограничился молчанием².

Переговоры продолжались в Киссингене, куда съехались царь, Вильгельм I и Франц-Иосиф со своими министрами иностранных дел. Но и там царская дипломатия ничего не добилась. Оценивая исход свиданий в Берлине и Киссингене, Горчаков писал, что они были предприняты «во имя интересов порядка, мира и консервативности перед опасностями всеобщей революции и французского честолюбия. Наши усилия потерпели неудачу в силу создавшегося положения: решения Пруссии использовать до последнего предела благоприятную для нее обстановку и бессилия Австрии помешать этому»³. Враждебная позиция правительства Наполеона III по отношению к России облегчала Бисмарку возможность не обращать никакого внимания на советы Горчакова и царя.

Киссингенское свидание Горчаков расценивал, прежде всего, как шаг, направленный на сближение

¹ Письмо Горчакова Бруннову от 13 (1) июня 1864 г., «Красный архив», т. 93, стр. 102—104.

² Записка, составленная в прусском министерстве иностранных дел 11—13 июня 1864 г. (APP, Bd. V, № 136, S. 208—211.)

³ Доклад Горчакова царю от 3 сентября 1865 г., «Красный архив», т. 93, стр. 108.

«трех дворов», в противовес «французскому преобладанию, которого Англия боится более, чем кто-либо другой»¹. Во французской и английской печати киссингенское свидание породило вымыслы о возрождении Священного союза и о тайном соглашении между тремя монархами о гарантии их владений в Польше и австрийского владычества в Венеции, но Горчаков постарался опровергнуть это. Еще весной 1864 г. он заявил французскому поверенному в делах, что Священный союз «мертв и похоронен» и что император Александр II решил «не заниматься внутренней политикой правительств». Однако тут же Горчаков добавил, что речь идет об общем согласии против «идеи беспорядка», в особенности угрожающей правительству Наполеона III вследствие беспокойного положения во Франции².

Пока шли все эти переговоры, Лондонская конференция приближалась к своему краху. 11 июня Бруннов выразил согласие на некоторые уступки Дании в пользу Германии, а именно: 1) отделение от Дании Голштинии и Лауэнбурга; 2) превращение Рендсбурга в федеральную крепость³. В отношении раздела Шлезвига Бруннов поддерживал предложение Росселя о линии по Шлею. Однако датские представители заявили о невозможности для них примкнуть к этим предложениям.

Датское правительство согласилось принять предложенную Росселем линию раздела по Шлею и запросило от нейтральных держав заверений в том, что дальнейших жертв от Дании они не потребуют. Но согласие Дании не ликвидировало конфликта. Пруссия и Австрия продолжали стоять на своем. Спор тянулся почти месяц. Перемирие было продолжено еще на две недели, по 26 июня, но надежд на примирение по-прежнему было мало.

Бисмарк пришел к полной уверенности в том, что он сможет безнаказанно завершить разгром Дании. Сооб-

¹ Копия записки Горчакова царю от 13 (1) июля 1864 г. (Киссинген), ЦГАДА, р. XXX, д. 9/25, стр. 307—309.

² Донесение французского поверенного в делах в СПб. Масиньяка Друэн де Люису от 14 марта, 28 июля и 5 августа 1864 г., *Les origines...*, t. 2, № 333, р. 123—125.

³ Делепа Бруннова русскому посланнику в Копенгагене Николаю от 13 (1) июня 1864 г., «Красный архив», т. 93, стр. 96—97, 116, примеч. 86.

щения из Лондона и Парижа давали ему основания не верить в возможность вооруженного вмешательства со стороны Англии и Франции¹.

Конференция явно шла к полному провалу. На одном из последних заседаний Бруннов сделал заявление о том, что отречение Пруссии и Австрии от их обязательств по договору 1852 г. побуждает царя вступить в обратное пользование своими наследственными правами на Голштинию и Шлезвиг, принадлежащих возглавляемому им Готторпскому дому. К своему заявлению на конференции Бруннов добавил, что, желая подать пример «бескорыстия», Александр II передает свои права герцогу Ольденбургскому. Конечно, Горчаков и царь понимали, что восстановление прав русского императора на герцогства является чисто словесным. Еще в начале конференции Бруннов писал в Петербург: «Что касается наших оговорок, то они составляют скорее право, нежели факт. Ибо без войны, я хочу сказать без удачной для России войны, Германия, Англия и Швеция не захотят видеть над Кильским портом наш флаг»². Подозревая аннексионистские стремления Пруссии относительно герцогств, царское правительство желало выставить побольше формальных препятствий для осуществления этих тайных замыслов. Передавая свои права на герцогства герцогу Ольденбургскому, царское правительство ставило вопрос о создании из герцогств независимого государства в рамках Германского союза под властью дружественного царскому двору монарха. Официозная газета «Журналь де С.-Петербург» ратовала за прекращение войны Австрии и Пруссии с Данией³.

25 июня Лондонская конференция закончилась, не приняв никаких решений, а на следующий день возобновились военные действия. Австро-прусская армия начала наступление одновременно на о. Альзен и на севере Ютландии и 30 июня заняла о. Альзен. Беспрепятственное продвижение австро-прусских войск в Ютландии и взятие о. Альзен через несколько дней после закрытия конференции вызвали новый взрыв негодования не

¹ Бернсторф Бисмарку, 17 июня 1864 г., APP, Bd. V, № 160, S. 236.

² Письмо Бруннова Горчакову от 4 мая (22 апреля) 1864 г., «Красный архив», т. 93, стр. 94—95.

³ «Journal de St. Petersburg», 24 (12) juin, 1864.

только в Копенгагене, но и в Англии. Английская пресса выступала с прямыми угрозами по адресу Пруссии. Датский вопрос снова приковал к себе внимание английского парламента, члены которого требовали немедленного вмешательства.

«Происходит самое невероятное событие,— писал Энгельс в июне 1864 г.,— Англия угрожает Германии войной»¹.

В Германии раздражение не знало границ. Газеты резко выступали против Англии и были уверены, что война с нею почти неминуема.

В это время Россель вновь обратился к России и Франции с предложением о посылке флотов для блокады немецких гаваней². Предложение это было воспринято как попытка английского министерства осложнить отношения России и Франции с Пруссией, а в случае отказа — перенести на них ответственность за последствия разгрома Дании. В ответ на это предложение Друэн де Люис не без иронии заметил английскому послу, что Англия в 1863 г. покинула Францию в польском вопросе, и намекнул на необходимость компенсаций за те жертвы, которые император Наполеон должен был бы потребовать от своей страны. Английское правительство хорошо знало, на какие компенсации намекал Друэн де Люис. Устремления Наполеона III в сторону Рейна были ему хорошо известны. Но такого усиления Франции Англия допустить не желала. Бисмарк был хорошо осведомлен о настроениях в Лондоне и Париже и предвидел, что ни западные державы, ни Россия не отважатся на вооруженное вмешательство. Царское правительство отвергло английское предложение. «В этот решительный момент мы отклонили предложение Англии о вмешательстве,— писал Горчаков царю,— потому что они имели целью морские действия, для которых английские силы являлись вполне достаточными, тогда как наше участие неизбежно повлекло бы осложнения на суше, которых мы должны были избегать»³.

¹ Ф. Энгельс, Военные силы Англии против Германии, К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XII, ч. II, стр. 579.

² Редерн Бисмарку, 2 августа 1864 г., APP, Bd. V, № 240, S. 348—349.

³ Доклад Горчакова императору от 3 сентября 1865 г., «Красный архив», т. 93, стр. 108.

В конечном итоге не только царское правительство, но и Наполеон III и Англия остались нейтральными, фактически играя роль пособников Пруссии. В депеше от 28 июня Бернсторф сообщал Бисмарку, что Россель в своей речи в парламенте решительно высказался против военной помощи Дании. Вмешательство одной Англии Россель объявил нежелательным и способным стеснить ее колониальную политику и намекнул, что «следует не упускать из виду свои интересы во всех частях мира, а не думать только о своем положении в Европе». Вывод сводился к тому, чтобы оставаться нейтральными¹. Двумя днями позже Бисмарку дано было знать, что английский кабинет решил не посылать флот в Балтику².

Новые поражения Дании принудили ее к миру, продиктованному Пруссией и заключенному в Вене 30 октября 1864 г. По венскому договору датский король отказывался от своих прав не только на Голштинию и Лауэнбург, но и на весь Шлезвиг, включая и его северную, датскую часть. Все три герцогства переходили под общий суверенитет Австрии и Пруссии. Энгельс писал: «При традиционной прусской политике «без колебаний использовать благоприятную ситуацию до самого конца», как выражается г. фон Зибель,— было вполне естественно, что, под предлогом освобождения немцев от датского гнета, к Германии были присоединены 200 000 датских жителей Северного Шлезвига»³. Немецкие права на Шлезвиг «ограничиваются только югом», а что касается Северного Шлезвига, то «я предпочел бы, чтобы он стал датским...»⁴

После отторжения герцогств от Дании дальнейшая судьба их стала поводом для столкновений между Австрией и Пруссией в борьбе за преобладание в Германии. Опасаясь захвата герцогств Пруссией, австрийское правительство предложило немедленно передать их принцу Августенбургскому. Но Бисмарк отверг этот проект.

¹ Бернсторф Бисмарку, 28 июня 1864 г., APP, Bd. V, № 185, S. 266.

² Кларендон королеве Виктории, 30 июня 1864 г., APP, Bd. V, № 187, S. 268 (текст и примечание 1).

³ Ф. Энгельс, Роль насилия в истории, К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XVI, ч. I, стр. 474.

⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XXIII, стр. 167, 205.

Разыгрывая роль беспристрастного судьи, Бисмарк настоял на рассмотрении притязаний всех претендентов на герцогства и на создании для этого специальной комиссии юристов. Затем, ссылаясь на возможность попыток Дании вернуть себе герцогства, Бисмарк потребовал передачи Пруссии войск и укреплений Шлезвига и Голштинии, на что Австрия ответила отказом. Опасаясь, что в этом случае Бисмарк будет искать сближения с Наполеоном III, царское правительство предпочитало, чтобы вопрос о герцогствах «не послужил причиной разрыва внутри Германского союза» и не внес бы разлад в австро-пруссские отношения¹. Согласие между Австрией и Пруссией затрудняло присоединение герцогств к Пруссии и исключало возможность франко-пруссского сближения. Горчаков считал, что для царской России выгоднее всего превратить важные в стратегическом отношении герцогства в самостоятельное малое государство под властью Ольденбургского дома. Кандидатура Фридриха Августенбургского не встретила сочувствия в Петербурге, так как последний был ставленником либеральной партии. Царь настаивал на тщательном рассмотрении прав герцога Ольденбургского.

В июне 1865 г. прусские юристы окончили свою работу и пришли к заключению, что «неоспоримые права» на герцогства имел только датский король, уступивший их в результате войны Австрии и Пруссии. Такому заключению в Вене нисколько не обрадовались. Австрийское правительство понимало, что оно не может оставить за собой эти провинции, но не хотело допустить и присоединения их к Пруссии.

Отношения между бывшими союзницами резко обострились. В Европе заговорили о войне, но схватка была на некоторое время отсрочена. 14 августа 1865 г. в г. Гаштейне была заключена австро-прусская конвенция, по которой Австрия взяла на себя управление Голштинией, а Пруссия — Шлезвигом. Киль был признан союзной гаванью. За 2,5 млн. датских риксталеров Австрия уступила Пруссии свои права на Лауэнбург.

Несмотря на свою явную непрочность, Гаштейнская конвенция вызвала удовлетворение царского прави-

¹ Доклад Горчакова Александру II от 3 сентября 1865 г., «Красный архив», т. 93, стр. 108.

тельства, стоявшего за сохранение австро-прусского согласия. «Мы сожалели бы,—писал Горчаков,—о разрыве между двумя великими германскими дворами». Вместе с тем Горчаков понимал невыгодность для России последствий войны и усиления Пруссии. «Конечно, императорский кабинет признавал важность тех изменений, которые были внесены в равновесие морских сил на севере Европы,—писал он.—Но мы не преувеличиваем значения этого факта. Великая морская держава не создается в один день или по желанию. Тем не менее мы не можем скрыть, что вероятный исход этого кризиса не соответствует нашим интересам. Но те же соображения, которые побудили нас примириться с расчленением датской монархии, требуют от нас такой же осторожности по отношению к возможным последствиям этого факта»¹. Таким образом, царское правительство примирилось с расчленением датской монархии. «С царского дозволения герцогства были в 1864 г. отторгнуты от Дании»², а Гаштейнская конвенция 1865 г. закрепила это отторжение.

Еще с большим удовлетворением встретило Гаштейнскую конвенцию британское правительство, которое видело в усилении Пруссии средство ослабить Францию и Россию³. Совершенно очевидно, что Пальмерстон

¹ Доклад Горчакова Александру II за 1864 г., «Красный архив», т. 93, стр. 106, 108—109.

² К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XVI, ч. II, стр. 31.

³ 13 сентября 1865 г. Пальмерстон писал Росселю: «Конечно, было несправедливо отнять у Дании Шлезвиг и Голштинию. Совсем иначе стоит, однако, вопрос, как поступить с этими государствами в интересах наибольшего блага Европы, раз они уже все равно отделены от Дании. С этой точки зрения мне представляется, что будет лучше, если они послужат к увеличению мощи Пруссии, чем если они образуют еще одно маленькое государство в ряду незначительных политических тел, только ослабляющих силу и влияние Германии. Нынешняя Пруссия слишком слаба для того, чтобы в своих действиях быть честной и независимой. И, принимая во внимание интересы будущего, крайне желательно, чтобы Германия, как целое, сделалась сильной, чтобы она оказалась в состоянии держать в узде обе честолюбивые и воинственные державы, Францию и Россию, которые сжимают ее с Запада и Востока. Что касается Франции, то мы хорошо знаем, как беспокойна и задорна она и как в любой момент из-за Бельгии, из-за Рейна или из-за какой-нибудь другой области, могущей быть захваченной без особого труда, она готова начать войну. Что касается России, то она со временем превратится в державу, по величине напоминающую древнюю Рим-

полностью пренебрегал потенциальной опасностью для Англии и других европейских государств и что Горчаков был в этом отношении много дальновиднее и Пальмерстона, и Наполеона III и не случайно стремился в принципе к сближению с Францией, так как оно одно могло предотвратить огромное усиление Пруссии и подчинение ей всей Германии.

Проследив действия царской дипломатии во время войны Австрии и Пруссии с Данией, можно сделать ряд важных выводов. Прежде всего, надо отбросить широко распространенную в буржуазной исторической литературе легенду о решающем влиянии на позицию России узкодинастических отношений между царем и прусским королем Вильгельмом I. Неверно также объяснять позицию России такими чисто субъективными мотивами, как благодарность царизма за дипломатическую поддержку со стороны Пруссии во время подавления польского восстания. Подобного рода «объяснения» имеют целью приписать внешней политике царской России чисто случайный, субъективный и несамостоятельный характер. В действительности же позиция царского правительства определялась интересами русских помещиков и капиталистов и вытекала из внутреннего и международного положения России. Решающее влия-

скую империю. При желании она легко может стать повелительницей всей Азии, за исключением Британской Индии; и если при помощи просвещенных мероприятий ее доходы будут приведены в соответствие с ее территорией, и если железные дороги сократят ее расстояния, она станет располагать колоссальными денежными средствами и почти неисчерпаемым человеческим материалом, и тогда ее способность перебрасывать войска на огромные пространства делается в высшей степени опасной. Германия должна быть сильна для того, чтобы быть в состоянии противостоять русскому напору, и если Германия должна быть сильна, то совершенно неизбежно, что должна быть сильна и Пруссия. Вот почему, сознаюсь в этом откровенно, хотя я и не одобряю поведения Пруссии и Австрии по отношению к герцогствам, я все-таки предпочитаю видеть их в составе Прусского королевства, а не вне его, образующими еще одну звездочку в государственной системе Европы». (*Palmerston* (Lord), *La correspondance intime*, Paris, 1879, p. 654—656.) По поводу этой позиции Пальмерстона см. также *В. Майский*, Германия и война, М., 1916, стр. 53—54.

ние на позицию царской России оказало экономическое и военное ослабление царизма и падение его международного влияния в Европе после крымского поражения. Царское правительство было заинтересовано в сотрудничестве с Пруссией в восточном и польском вопросах и видело в ней противовес государствам — участникам крымской коалиции.

Прусское правительство, со своей стороны, было крайне заинтересовано в сближении с царской Россией, чтобы усилить свои позиции в борьбе за гегемонию в Германии против Австрии и обеспечить себе возможность беспрепятственно отделить от Дании приэльбские герцогства, а затем аннексировать их. В этих вопросах сближение с царской Россией было нужно Бисмарку на случай противодействия со стороны Австрии, Англии и Франции. Кроме того, прусское правительство готово было сотрудничать с царизмом в борьбе против революционного движения.

Никакого предварительного, тайного или явного, сговора между Пруссией и царским правительством не существовало. Дипломатия царской России отнюдь не следовала каким-либо заранее рассчитанным замыслам Бисмарка. Царское правительство не желало войны и вполне сознавало невыгодность для России отторжения Шлезвига и Голштинии от Дании, но боялось оказывать давление на Пруссию ввиду внешнеполитической изоляции России и крайне затруднительного внутреннего положения во время проведения реформ и ликвидации последствий польского восстания. Важной причиной всех этих опасений был страх царского правительства перед возможностью революции как внутри России, так и в Западной Европе.

Благоприятная в конечном счете для Пруссии позиция царского правительства определялась, прежде всего, напряженностью отношений России с империей Наполеона III, проводившей неблагоприятную для царского правительства политику в восточном и польском вопросах, и англо-русскими противоречиями. Страх перед возможностью англо-французского сближения или франко-прусского союза побуждал царское правительство не осложнять отношений с Австрией и Пруссией. Горчаков, как известно, в принципе желал сближения с Францией и считал, что прусская гегемония в Герма-

нии рано или поздно станет опасной для России и Франции. Но упорная поддержка правительством Наполеона III условий Парижского мира делала франко-русское сближение невозможным.

Выступление царской России против Пруссии было мыслимо лишь в случае коренного изменения политики Франции и Англии в пользу России, но обе эти державы твердо держались ранее принятого курса и сами склонны были не мешать усилению Пруссии. Наполеон III проводил эту политику для того, чтобы ослабить Австрию и сговориться с Бисмарком о «компенсациях» на Рейне, а британское правительство — из желания найти в Пруссии противовес Франции и России. Англо-русские и англо-французские противоречия и антагонизм между царской Россией и Австрией, обострившиеся после Крымской войны, содействовали успехам прусской дипломатии и отторжению от Дании приэльбских герцогств. Неправильно утверждать, что успех Пруссии был обусловлен одним лишь нейтралитетом царской России, как это писали французские авторы. В 1864—1865 гг. еще большее значение имел для Пруссии нейтралитет Франции и Англии.

Наполеон III поощрял действия Пруссии, чтобы усилить ее в противовес Австрии и потому, что прусская монархия была оплотом против революции в Германии. Британское правительство не мешало Пруссии, видя в ней потенциального противника Франции, а в дальнейшем и России.

ЦАРСКОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО И АВСТРО-ПРУССКАЯ ВОЙНА 1866 г.

1. Царская дипломатия и подготовка войны 1866 г.

Внешняя политика царского правительства во время австро-прусской войны следовала ранее принятому курсу. Причины нейтралитета царской России во время войны Австрии и Пруссии с Данией оказывали влияние на ее политику и в 1866 г. Правительство по-прежнему придавало решающее значение проведению внутренних реформ, рассчитывая таким путем предотвратить новый подъем революционного движения и до известной степени облегчить развитие капитализма в рамках самодержавно-помещичьего строя.

Своей главной задачей правительство считало проведение медленного и постепенного «внутреннего переустройства» страны. Эти соображения излагались в ряде докладов Горчакова и других министров, адресованных царю, и в частности в записке князя Горчакова с обзором внешней политики России за 1856—1867 гг. Недостаток финансовых ресурсов, отсутствие развитой сети железных дорог отмечаются в этой записке как причины слабости царской России, вытекающие из «замедления» ее «внутреннего развития»¹.

Реформы «сверху» — преобразование городского управления, проведение земской, судебной и военной реформ и реформы в области цензуры и народного образования — имели в виду сохранить самодержавие и господство помещиков посредством частичных уступок потребностям капиталистического развития. Одна из целей

¹ Всепод. записка Горчакова царю от 4 января 1868 г. (23 декабря 1867 г.), ЦГАДА, р. XXX, д. 9/38, стр. 99—100, 134.

реформ состояла в том, чтобы привлечь умеренных либералов на сторону самодержавия, «разделить и разъединить тех, кто требовал преобразований политических»¹. Но половинчатые, умеренно-либеральные реформы не могли удовлетворить народные массы, и правящие круги царской России оставались в постоянном страхе перед возможностью нового подъема революционного движения.

Этот страх особенно усилился после покушения Каракозова 4 апреля 1866 г. Среди передовой русской молодежи происходило брожение и создавались нелегальные кружки. Но в то же время появление террористического кружка ишутинцев явилось следствием ослабления массового движения и оторванности участников кружка от широких слоев народа.

После 4 апреля 1866 г. в России усилился поворот правительственного курса в сторону реакции, что привело к ограничению и без того крайне половинчатых реформ. Правительственные репрессии распространились, главным образом, на молодое поколение: на высшую школу и студенчество, на представителей передовой русской интеллигенции. Были закрыты демократические журналы «Современник» и «Русское слово», имевшие в эти годы огромное влияние на демократического читателя.

Напряженное положение внутри России еще более осложнялось скудостью и расстройством финансов, порожденными экономической отсталостью помещичьего строя и реакционной политикой царизма. В 1866 г. государственный бюджет был сведен также с дефицитом около 60 млн. руб. при доходах около 352 млн. руб. и расходах в 413 млн. руб. Государственный долг России с 1845 по 1866 г. вырос на 84% и составлял к этому времени 1 693 962 тыс. руб. Расходы увеличивались, главным образом, по военному и морскому министерствам ввиду того, что в это время осуществлялись военная реформа и переустройство флота на Балтийском море. Расход по военному и морскому министерствам в этом году составлял 138,1 млн. руб.²

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 5, стр. 59.

² И. С. Блюх, Финансы России XIX столетия, т. II, СПб., 1882, стр. 134.

К 1866 г. военным министерством был проведен ряд мер по реорганизации армии. Но недостаток средств задерживал перевооружение войск, создание необходимых запасов и заготовку военного снаряжения. По свидетельству Милютина, русская армия в это время не могла сравниться по своей готовности к войне не только с армиями Франции и Пруссии, но далеко уступала в этом отношении и австрийской. «Наши близорукие финансисты,— писал Милютин в июле 1866 г.,— не дают нам денег, пока нет перед нами неприятельской армии»¹. Милютин высказывал опасения, что финансовые затруднения, заставляющие рассрочивать на многие годы удовлетворение «самых важных и неотлагательных потребностей нашей армии», могут привести к тому, что «война застанет нас врасплох»². Учитывая это обстоятельство, Милютин писал, что «необходимо нам всеми мерами отдалить эпоху нашего вмешательства в европейскую войну»³.

Военная неподготовленность, страх правящих верхов царской России перед возможностью нового революционного взрыва в стране в случае новых неудач во внешней политике, необходимость крупных затрат на осуществление умеренных реформ в условиях тяжелого финансового положения — все это создавало для царского правительства внутренние затруднения, которые, как и в 1859 и 1864 гг., исключали возможность вооруженного вмешательства царизма в войны в Западной Европе. «Наша политическая деятельность,— как непрестанно твердил Горчаков,— должна была... иметь две цели: 1) избежать для России всякого участия во внешних осложнениях, которые отвлекли бы часть ее сил от ее собственного внутреннего развития, 2) следить по мере возможности за тем, чтобы в это время в Европе не произошли изменения территориального порядка и в

¹ Письмо Д. А. Милютина главнокомандующему Кавказским округом великому князю Михаилу Николаевичу от 17 июля 1866 г., Р. о. Гос. публ. б-ки им. В. И. Ленина, ф. Милютина, д. 8027, стр. 186—187.

² Д. А. Милютин, Воспоминания. 1866 г., Р. о. Гос. публ. б-ки им. В. И. Ленина, ф. Милютина, д. 7847, стр. 101, 270.

³ Из письма Д. А. Милютина великому князю Михаилу Николаевичу от 17 июля 1866 г., Р. о. Гос. публ. б-ки им. В. И. Ленина, ф. Милютина, д. 8027, стр. 186—187.

отношении политического равновесия и влияния, которые могли нанести серьезный ущерб нашим интересам или нашему политическому положению»¹.

Завоевание Средней Азии и положение на Ближнем Востоке продолжали отвлекать силы царского правительства от Западной Европы. В 1865 г. взятием Ташкента закончилось завоевание Кокандского ханства. Весной 1866 г. царские войска начали наступление на Бухарское ханство. Из занятых земель в 1867 г. было образовано Туркестанское генерал-губернаторство. Весной 1868 г. начался поход на Бухару.

Отвлечение сил России в Среднюю Азию вызывало большое удовлетворение прусского правительства, так как оно не раз старалось направить активность России на Восток, чтобы ослабить ее в Европе. Пруссия не раз подстрекала царское правительство к завоеваниям в Средней Азии с целью отвлечь ее внимание от событий в Германии. Прусский военный агент в Петербурге Швейниц писал, что завоевание Россией Кавказа и Средней Азии было выгодно Пруссии: оно отвлекало Россию «подальше от нас», в сторону «теплых и южных земель»². Попытка направить активность сильных европейских государств на Восток, чтобы Пруссия могла более свободно проводить свою политику в Европе, была старым приемом прусской дипломатии. Подобные советы не раз давались соседям Пруссии. Швейниц писал, что еще Лейбниц с целью отвлечения Франции на Восток составил «египетский проект», советуя ей завоевать Египет. Подобным образом, добавлял он, теперь появился «азиатский проект», «весьма подходящий для восточного соседа». Разумеется, царское правительство завоевывало Среднюю Азию, следуя интересам русских помещиков и капиталистов, а вовсе не исходя из советов прусского кабинета, но это не мешало Пруссии пользоваться выгодами, достававшимися ей от того, что силы России были отвлечены из Европы в Азию.

Но основным вопросом внешней политики России оставался ближневосточный вопрос. Важнейшие интересы России, писал Горчаков, связаны «с нашим поло-

¹ Записка Горчакова царю с обзором внешней политики России за 1856—1867 гг. от 4 января 1868 г. (23 декабря 1867 г.), ЦГАДА, р. XXX, д. 9/38, стр. 103.

² *Schweinitz, Denkwürdigkeiten*, Berlin, 1928, Bd. I, S. 183—184.

жением в бассейне Черного моря и с политическим равновесием на Востоке». Главной задачей политики царского правительства в восточном вопросе по-прежнему была отмена тяжелых условий Парижского мира, бремя которого продолжало, по словам Горчакова, «нестерпимым образом тяготеть над нами»¹.

Сильнейшими противниками России, не желавшими допустить восстановления ее прав на Черном море и усиления русского влияния на Балканах, были все те же державы крымской коалиции: Франция, Англия и Австрия. Особенно активно действовало против России правительство Наполеона III, усилившее свои попытки полностью вытеснить русское влияние из дунайских княжеств, Сербии и Греции, и еще более ослабить позиции России на Балканах. Наполеоновская дипломатия неустанно вела интриги против России и в Константинополе. Враждебность Австрии к русской политике на Ближнем Востоке проявлялась менее интенсивно, но лишь потому, что Австрия была занята в то время германскими и итальянскими делами и подготовкой к войне с Пруссией.

Что касается Англии, то обострение ее отношений с Францией, с одной стороны, и США — с другой, по-прежнему вынуждало ее придерживаться сдержанности в европейской политике. «Англия,— писал Горчаков,— над которой тяготеет страх перед Соединенными Штатами и которая учитывает наши добрые отношения с американским народом, придерживается в политических делах европейского континента сдержанности, которая лишает нас ее возможного содействия, но и избавляет нас от ее прямой враждебности»². Английский кабинет всячески стремился не допустить усиления русского влияния на Ближнем Востоке и замедлить продвижение царской России в глубь Средней Азии. В 1866 г. царское правительство делало попытку договориться с Англией о сотрудничестве в восточном вопросе, но его предложение не получило поддержки в Лондоне.

В 1865—1866 гг. царское правительство еще не было подготовлено к немедленной активизации своей поли-

¹ Всепод. записка Горчакова от 4 января 1868 г. (23 декабря 1867 г.), ЦГАДА, р. XXX, д. 9/38, стр. 112.

² Там же, стр. 104—105.

тики на Балканах. Занятое проведением внутренних реформ, связанное своей финансовой и военной слабостью и напряженностью политической атмосферы внутри страны, оно не было готово к вооруженному вмешательству в события Западной Европы и Ближнего Востока. Боязнь, что ближневосточный кризис назреет раньше, чем Россия будет в состоянии воспользоваться его результатами, что все плоды этого кризиса пожнут Англия, Франция и Австрия, вынуждала Горчакова не желать скорого обострения восточного вопроса. «Внезапный взрыв в восточном вопросе,— писал он,— был бы теперь против наших существенных интересов»¹. Основная задача русской политики в этом вопросе, по мнению Горчакова, состояла в том, чтобы «поддерживать *status quo* на Востоке, так как в этот момент оно может быть нарушено лишь в ущерб нам, ибо мы не в состоянии еще извлечь из этого нарушения выгоды, на которые имеем право»².

Между тем в 1866 г. положение на Ближнем Востоке резко осложнилось. Усиливалась борьба народов Балканского полуострова против турецкого ига. Отношение правящих кругов России к этим событиям было двойственным. С одной стороны, они желали использовать освободительную борьбу балканских народов с целью усиления позиции царской России на Ближнем Востоке. С другой стороны, царское правительство чувствовало себя неподготовленным и слабым для того, чтобы извлечь выгоды из немедленного распада Турецкой империи, и опасалось, что новым кризисом на Ближнем Востоке воспользуются, в первую очередь, соперники и противники России в ущерб ее интересам³.

В первой половине 1866 г. (до критского восстания) внимание великих держав привлекали события в дунайских княжествах. Их объединение под властью князя Кузы было признано великими державами и Турцией пожизненным, но Куза возбудил против себя недовольство бояр и 23 (11) февраля 1866 г. был свергнут. Даль-

¹ Горчаков Рейтерну, 23(11) октября 1866 г., ЦГАДА, р. XXX, д. 9/33, стр. 171—173.

² Горчаков посланнику в Константинополе Игнатьеву, 11 марта (27 февраля) 1866 г., ЦГАДА, р. XXX, д. 9/30, стр. 225—227.

³ Всепод. записка Горчакова царю от 4 января 1868 г. (27 декабря 1867 г.), ЦГАДА, р. XXX, д. 9/38, стр. 131—133.

нейшая судьба княжеств подлежала рассмотрению конференции послов великих держав в Париже. Конференция должна была решить два вопроса: 1) об объединении или раздельном существовании княжеств, 2) о кандидате в господари. По этим пунктам развернулась острая дипломатическая борьба между великими державами.

Свержение Кузы на короткое время поставило вопрос о дунайских княжествах в центре ближневосточной и даже европейской политики. «Бухарестские события,— писал Горчаков,— доминируют над всеми другими вопросами»¹. Царское правительство боялось, что на бухарестском престоле появится марионетка Франции, которая будет проводить враждебную России политику.

Само по себе объединение княжеств в самостоятельное национальное румынское государство было выгодно царской России, так как оно подрывало устои Парижского мира, и в частности «коллективное покровительство» великих держав над дунайскими княжествами. Это «покровительство» было лишь вывеской, за которой скрывалась гегемония держав, проводивших враждебную царской России политику.

Однако тот факт, что Куза находился под влиянием Наполеона III, заставлял царское правительство радоваться его падению. Более того, страх перед возможностью возведения на бухарестский престол нового ставленника Наполеона III побуждал царя и Горчакова в первое время после свержения Кузы даже предпочитать возврат к раздельному существованию княжеств, как это предусмотрено было решением Парижской конференции 1858 г. Таким путем Горчаков рассчитывал «удерживать в известных границах излишнюю активность» западных держав, особенно Франции, с целью сделать господарем обоих княжеств своего кандидата. По той же причине Горчаков считал нежелательным приглашение на румынский престол какого-либо иностранного принца, на чем настаивало боярство обоих княжеств².

Не желая поддерживать французского кандидата на румынский престол, царское правительство учитывало

¹ Горчаков Игнатьеву, 5 марта (21 февраля) 1866 г., ЦГАДА, р. XXX, д. 9/30, стр. 159.

² Горчаков Игнатьеву, 11 марта (27 февраля) 1866 г., ЦГАДА, р. XXX, д. 9/30, стр. 225—227.

в то же время подъем национально-освободительного движения в княжествах и противодействовало попыткам Турции подавить его. После свержения Кузы Турция стала добиваться согласия великих держав на занятие княжеств своими войсками, чтобы обеспечить избрание отдельных господарей для Молдавии и Валахии.

Эта позиция Турции побудила царское правительство решительно высказаться против турецкого вмешательства. Русские газеты подняли тревогу по этому поводу, угрожая вступлением в княжества русской армии в случае занятия их турецкими войсками. Горчаков опроверг слухи о подобных намерениях царского правительства, но заявил, что Россия не согласна взять за основу для работы конференции совершившийся факт, или то решение, какое будет принято самими княжествами¹. Было очевидно, что княжества выскажутся за объединение под властью одного князя и выберут для этой цели кандидатуру какого-нибудь иностранного принца.

Наполеон III выдвинул в качестве такого кандидата Карла Гогенцоллерна, рассчитывая получить в этом случае поддержку Пруссии, и, хотя конференция в Париже высказалась против его избрания, оно все же состоялось. Это и вызывало недовольство царского правительства.

Опасаясь новых осложнений на Ближнем Востоке и дальнейшего усиления французского влияния в дунайских княжествах, царское правительство еще с конца 1865 г. старалось установить по вопросу о княжествах контакт с Пруссией. Еще в ноябре 1865 г., после Гаштейнской конвенции Бисмарк намекнул Убри на то, что Россия могла бы получить вознаграждение за свое согласие на отторжение от Дании приэльбских герцогств и приобрести, например, бухту Яде², но царское правительство интересовалось «вознаграждением» и в другой области: оно рассчитывало на сотрудничество с Пруссией в делах Ближнего Востока.

Убри получил предписание затронуть в разговоре с Бисмарком вопрос о «компенсациях» и заручиться

¹ Донесение французского посла Талейрана из Петербурга от 24 мая 1866 г. (*Les origines.*, t. 9, № 2428, p. 246.)

² Копия письма Горчакова Убри от 17(5) ноября 1865 г., ЦГАДА, р. XXX, д. 9/29, л. 83.

поддержкой Пруссии на Востоке. До сих пор, писал Горчаков, «поддержка эта сводилась к нулю», а между тем «симпатии» русского правительства к Пруссии неизбежно будут зависеть от «эффективности содействия, которое мы встретим со стороны берлинского кабинета в Константинополе»¹. В декабре 1865 г. Убри прямо спросил у Бисмарка, может ли Россия рассчитывать на сотрудничество с ним против Наполеона III в вопросе о дунайских княжествах, но получил ответ, что по причине соседства с Францией прусское правительство не пойдет на что-либо похожее на «коалицию» и останется на позиции воздержания².

После переворота в Бухаресте и свержения Кузы Бисмарк на словах пообещал действовать вместе с Россией на конференции по поводу дунайских княжеств, но Убри не доверял этим заявлениям и полагал, что Бисмарк охотно согласился бы даже на присоединение княжеств к Австрии, если бы это помогло ему аннексировать приэльбские герцогства³. Горчаков еще ранее сообщил Бисмарку, что русское правительство может быть «весьма чувствительно» к желанию Пруссии «идти вместе с нами»⁴ в этом деле, но на первом же заседании конференции прусский посол в Париже Гольц голосовал против России⁵. Было ясно, что словесные заверения Бисмарка расходятся с делом и что он опасается вызвать недовольство Наполеона III.

Убри заявил в Берлине, что царь будет рад, если король откажет принцу Карлу Гогенцоллерну в согласии на избрание его князем Румынии⁶. Но в вопросе о приглашении Карла Гогенцоллерна на румынский престол Бисмарк лавировал между Россией и Францией и говорил, что поддержит эту кандидатуру, если она будет

¹ Горчаков Убри, 30(18) ноября 1865 г., ЦГАДА, р. XXX, д. 9/29, стр. 119—120.

² Донесение Убри Горчакову от 14(2) декабря 1865 г., АРР, Bd. VI, № 387, S. 491.

³ Убри Горчакову, 28(16) февраля 1866 г., АРР, Bd. VI, № 503, S. 620.

⁴ Письмо Горчакова Убри от 27(15) апреля 1866 г., ЦГАДА, р. XXX, д. 9/30, стр. 115—117.

⁵ Горчаков Убри, 21(9) марта 1866 г., ЦГАДА, р. XXX, д. 9/30, стр. 267.

⁶ Телеграмма Горчакова Убри от 17 (5) апреля 1866 г., АВПР. МИД. Канц., 1866, д. 33, л. 56.

одобрена и Наполеоном III и царем. Эта позиция вызвала в Петербурге серьезное недовольство¹.

Не имея возможности помешать избранию на румынский престол Карла Гогенцоллерна, царское правительство решило примириться с этим фактом и в то же время использовать его для того, чтобы рассматривать сюзеренитет султана над княжествами как фикцию². Более того, оно потребовало роспуска Парижской конференции по вопросу о княжествах, как явно несостоятельной и не имеющей никакой силы. Русскому послу было предписано покинуть конференцию, чтобы еще более подорвать режим «коллективного покровительства» великих держав над княжествами, установленный Парижским миром 1856 г.³ и получить возможность самостоятельно урегулировать в будущем вопрос о границах с Румынией.

Подрыв условий Парижского мира относительно дунайских княжеств был выгоден царскому правительству, так как расшатывал устои всего этого трактата. Горчаков предлагал еще в 1866 г. использовать имевшие место нарушения Парижского договора для того, чтобы объявить об отказе России от ограничения ее морских сил на Черном море, но при обсуждении вопроса великий князь Константин Николаевич, военный министр и министр финансов единодушно высказались против этого ввиду неподготовленности армии и флота и денежных затруднений⁴. Приходилось принимать во внимание и угрозу войны в Европе.

Царское правительство было встревожено проектом передачи дунайских княжеств Австрии за уступку Венеции итальянскому королевству. Будберг писал из Парижа о том, что Наполеон III желает отвлечь Австрию от Италии, а Бисмарк — от Германии и оба хотят толкнуть Австрийскую империю на Восток⁵. Проект

¹ Донесение Талейрана от 28 мая 1866 г. (*Les origines...*, t. 9, № 2475, р. 294.)

² Горчаков Игнатьеву, 24(12) мая 1866 г., ЦГАДА, р. XXX, д. 9/31, стр. 282.

³ Горчаков Будбергу, 12 июня (31 мая) 1866 г., ЦГАДА, р. XXX, д. 9/32, стр. 31—37.

⁴ Доклад Горчакова царю от 24 (12) августа 1868 г., ЦГАДА, р. XXX, д. 9/40, стр. 132, 133, а также доклад царю от 9 марта (24 февраля) 1866 г., ЦГАДА, р. XXX, д. 9/30, стр. 212—216.

⁵ Донесение Будберга от 23(11) февраля 1866 г., АВПР. МИД. Канц., 1866, д. 171, л. 3—8.

этот, по словам Бисмарка, был выдвинут Австрией с целью избежать войны с Италией и получить возможность сосредоточить все свои силы против прусской армии, но Горчаков еще в марте 1866 г. передал Бисмарку, что Россия ответит войной на всякую попытку присоединения дунайских княжеств к Австрии¹. То же самое Штакельберг должен был заявить в Вене².

Бисмарк уверял Убри, что прусское правительство не допустит усиления Австрии за счет дунайских княжеств, и в то же время сказал, что «Восточная Галиция» могла бы удовлетворить «национальные вожеления» «москотов». Это был новый намек на компенсацию за нейтралитет России³.

Вопрос о дунайских княжествах составлял лишь небольшую часть всего ближневосточного вопроса, стоявшего в центре внешней политики царской России и оказывавшего огромное влияние на ее позицию во время австро-прусской войны. Хотя правящие круги царской России ясно отдавали себе отчет в том, что объединение Германии под властью агрессивной Пруссии ослабит позиции России на Балтийском море и изменит все политическое равновесие в Европе в ущерб ее влиянию, но несравненно большее значение царское правительство придавало восточному вопросу: угроза увековечения тяжелых условий Парижского мира и стремление царизма усилить свое влияние на Балканах отодвигали германские дела на второй план. Царское правительство не имело союзников и рассчитывало на содействие Пруссии на Ближнем Востоке. Царь и Горчаков надеялись в будущем использовать поддержку Пруссии для отмены Парижского мира и усиления позиций России на Балканах.

При таких обстоятельствах царское правительство, связанное внутренними затруднениями, не считало целесообразным серьезно противодействовать прусской политике в Германии и старалось поддерживать контакт с Берлином. Оно опасалось, что в противном случае Бисмарк пойдет на сговор с Наполеоном III и ценой

¹ Редерн Бисмарку, 12 марта 1866 г., APP, Bd. VI, № 545, S. 656.

² Горчаков Штакельбергу, 17(5) марта 1866 г., ЦГАДА, р. XXX, д. 9/30, стр. 245—247.

³ Убри Горчакову 18(6) марта 1866 г., APP, Bd. VI, № 588, S. 699—700.

удовлетворения его агрессивных планов относительно Бельгии, Люксембурга и некоторых германских земель на левом берегу Рейна обеспечит себе поддержку Франции. Подобный исход был бы опасен и невыгоден для царской России. Таким образом, позиция Франции и других западных держав по отношению к России и особенно непримиримость их в вопросе об отмене Парижского мира исключали совместное противодействие объединению Германии «железом и кровью» под прусской гегемонией.

Прусское правительство стремилось как можно скорее использовать международные противоречия в Европе и особенно «неподвижность» России для разгрома Австрии и объединения Германии под своим господством. Подготовку войны против Австрии оно начало еще до подписания мирного договора с Данией. Визит Бисмарка в Биарриц 5 октября 1864 г. красноречиво говорит об этом, так как уже тогда прусский министр вел переговоры с Наполеоном III о будущей войне с Австрией.

Гаштейнское соглашение 1865 г. было лишь отсрочкой, которая давала возможность Пруссии подготовиться к решительной борьбе. Бисмарк считал, что без победоносной войны Пруссии не удастся вытеснить Австрию из Германии и объединить ее под своей властью. «Разрыв с Австрией и разрешение германской проблемы на поле битвы» стали основной задачей прусской политики. Война с целью объединения Германии «сверху» рассматривалась Бисмарком как лучшее средство борьбы с революционным движением. Но для проведения новой войны прусскому кабинету было необходимо обеспечить нейтралитет великих держав и найти для Пруссии союзников.

Международная обстановка была весьма благоприятна для Пруссии. Взаимные противоречия великих держав исключали возможность их совместных действий. Кроме того, Бисмарк был уверен, что Англия, занятая американскими делами, не ввяжется в осложнения на континенте. Оставались Франция и Россия, которые в случае взаимного согласия могли обуздать намерения Пруссии и разрушить все ее планы. Прусское правительство придавало большое значение позиции России и настроениям ее правящих кругов, однако оно

надеялось использовать ее внутренние затруднения и политическую изолированность.

Наибольшее беспокойство правящим кругам Пруссии внушала политика Французской империи. В своих воспоминаниях Бисмарк отмечал, что «...можно было бы добиться сотрудничества с Францией, если бы мы захотели заплатить цену, в которую оно, вероятно, обошлось бы нам»¹. Но Бисмарк не желал дорого платить за невмешательство Франции и надеялся достичь этого другим путем. В конце сентября 1865 г. он снова посетил Биарриц, где ему наконец удалось более детально коснуться условий предполагаемого устного соглашения с Наполеоном III.

Все детали этих переговоров до сих пор остаются не вполне выясненными, так как ни Бисмарк, ни Наполеон III не давали никаких письменных обязательств. Судя по французским документам, прусский министр-президент обещал Наполеону III какую-то компенсацию за нейтралитет Франции. Переговоры касались не только Бельгии, Люксембурга, но и границ рейнских провинций. Правда, Бисмарк постарался скрыть все это от германской печати и не оставил об этом следов в тех докладах королю, которые были до сих пор опубликованы².

Трудно сказать, верил ли французский император в искренность этих обещаний; скорее всего, нет. Наполеон III и Бисмарк надеялись перехитрить и обмануть друг друга. Французское правительство недооценивало силу прусской армии³. Оно рассчитывало на затяжную изнурительную войну и взаимное ослабление как Австрии, так и Пруссии, после чего Наполеон III надеялся выступить в роли посредника, диктующего свои условия. Исходя из этого, французский император не возражал и против итало-прусского союза, считая, что одна Пруссия будет мало боеспособна и быстро потерпит поражение. В своих воспоминаниях Бисмарк писал, что Наполеон III «...твердо рассчитывал, что Австрия нас побьет,

¹ О. Бисмарк, Мысли и воспоминания, т. II, стр. 9—10.

² Н. Onken (Hrsg.), Die Reinpölitik Keiser Napoleons III, von 1863 bis 1870, Bd. I, № 25, S. 70—71, Berlin und Leipzig, 1926.

³ В беседе с Будбергом Наполеон III высказал мнение, что австрийская армия сильнее прусской. (Донесение Будберга из Парижа от 23(11) марта 1866 г., АВПР. МИД. Канц., 1866, д. 171, л. 91—92.)

и мы окажемся вынужденными купить у него его посредничество»¹. Бисмарк даже уверял Убри в том, что Австрия обещала Наполеону III левый берег Рейна².

Все это было на руку Бисмарку, который покинул Биарриц с твердым намерением опрокинуть расчеты Наполеона III. Прусские министры и генералы надеялись провести короткую, молниеносную войну и разгромить Австрию в несколько дней с тем, чтобы двинуть все силы против Франции, если последняя ввяжется в войну. При таких обстоятельствах особенно важное значение приобретал союз Пруссии с Италией, имевший целью расколоть силы австрийской армии и заставить ее сражаться на два фронта. Прусская армия превосходила австрийскую снаряжением и вооружением³. Для быстрого развертывания армии предполагалось использовать железные дороги, и прусское командование было уверено в быстрой победе, если часть австрийских войск будет отвлечена в сторону Италии.

Взяв курс на быстрее развязывание войны, Бисмарк рассчитывал начать ее весной 1866 г. Прусская армия, возглавляемая Мольтке и Рооном, была готова еще осенью 1865 г. Пока оформлялся союз с Италией, прусское правительство искало повода для ссоры с Австрией. 24 января Бисмарк обратился в Вену с резкой нотой, упрекая австрийское правительство в интригах против Пруссии и нарушении Гаштейнской конвенции. Свое обвинение он мотивировал тем, что австрийская администрация в Голштинии попустительствовала принцу Августенбургскому и его партии, допускала антипрусскую агитацию, а также якобы покровительствовала демократам и революционерам. Нота заканчивалась угрозой, что если Австрия не примет мер к прекращению подобных действий, то Пруссия сохранит за собой свободу рук. Это было равносильно угрозе объявления войны. В ответной ноте от 7 февраля австрийское правительство категорически отвергло притязания Пруссии на вмешательство в дела Голштинии.

Отношения обострились еще более после 28 февраля,

¹ О. Бисмарк. Мысли и воспоминания, т. II, стр. 67.

² Донесение Убри от 6 мая (24 апреля) 1866 г., АВПР. МИД. Канц., 1866, д. 30, л. 49—50.

³ См. Ф. Энгельс. Заметки о войне, 1866 г., К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XIII, ч. I, стр. 170—171.

когда в Берлине был созван большой совет с участием короля, министров и военной верхушки, где вопрос о быстрейшем развязывании войны был решен окончательно. Бисмарк заявил здесь, что война неизбежна и что начать ее нужно как можно скорее, пока международная обстановка этому благоприятствует. Через несколько дней в Берлин прибыл итальянский генерал Говоне для подписания военного союза с Пруссией. И хотя настоящая цель этого визита тщательно скрывалась, австрийское правительство уже не сомневалось, что дело идет к войне, и стало усиленно к ней готовиться.

Одновременно император Франц-Иосиф обратился к царю с просьбой повлиять на прусского короля, предупредить его об опасных последствиях возможной войны, и объявить ему, что русское правительство «осуждает агрессора». Он просил также Россию воздержаться от объявления нейтралитета, так как это совсем развязало бы руки Пруссии. Горчаков ответил, что он не считает такой демарш в Берлине возможным для России, но нейтралитета Россия не объявит, чтобы «сохранить свою свободу действий»¹. 10 марта Австрия обратилась к малым немецким государствам с предложением поставить вопрос о герцогствах на обсуждение союзного сейма и усилила свои военные приготовления, чем немедленно воспользовался Бисмарк, открыто заявивший, что Пруссия якобы находится под угрозой австрийского нападения.

Стремясь к быстрейшему развязыванию войны, Бисмарк старался скрыть это от нейтральных держав и европейской печати, уверяя всех в миролюбии прусской политики. Эти уверения особенно настойчиво направлялись в Петербург с тем, чтобы ослабить возникшее там беспокойство относительно прусских планов. У Пруссии не было оснований опасаться вооруженного вмешательства царской России вследствие ее военной неподготовленности, политической изолированности и других затруднений. Но Бисмарк не был уверен в том, что царское правительство не станет противодействовать планам Пруссии другими способами, и особенно опасался франко-русского сближения, если бы на это пошел Наполеон III.

¹ Горчаков Штакельбергу, 5 марта (23 февраля) 1866 г., ЦГАДА, р. XXX, д. 9/30, стр. 180—183.

Прусский военный агент в Петербурге Швейниц писал, что, несмотря на отсутствие готовой к бою армии, Россия «и без нее могла бы парализовать наши действия или позднее, после нашей победы, лишить нас ее плодов... Малейшего сближения с Францией было бы для этого достаточно...»¹ Швейниц доносил в Берлин, что Горчаков, вопреки опыту времен польского восстания, «весьма склонен» к этому союзу. Все это не могло не внушать тревогу прусскому правительству, которое рассчитывало формально заручиться на случай войны с Австрией благожелательным нейтралитетом со стороны России.

В многочисленных беседах с русским посланником Бисмарк постоянно твердил о том, что прусское правительство продолжает рассчитывать на согласие с Россией.

Царское правительство недоверчиво относилось к уверениям Бисмарка в миролюбии прусской политики и старалось выведать его истинные намерения. Вскоре после подписания Гаштейнской конвенции Убри спросил Бисмарка: «Теперь вы будете почивать на ваших лаврах?» Бисмарк ответил: «Вы уверены, что у нас есть эти лавры? Мы с Австрией согласны в том, что их нет»². Такой ответ мог лишь усилить беспокойство царского правительства. Горчаков поручил Убри дать понять берлинскому кабинету, что Пруссия может рассчитывать на согласие с Россией в такой мере, «чтобы не обязать нас слепо благоприятствовать любой политической фантазии нашего друга, но достаточное, чтобы не поколебать основу общего согласия»³.

К началу 1866 г. царскому правительству стало ясно, что Бисмарк ведет твердый курс на развязывание войны с Австрией. В январе 1866 г. Убри доносил, что «дело уже идет не только о решении вопроса о герцогствах, но и о переустройстве Германии по усмотрению Пруссии» и что война с Австрией «более чем когда-либо входит в намерения Пруссии»⁴. Посланник сообщал также, что

¹ *Schweinitz, Denkwürdigkeiten*, Bd. I, S. 210.

² Донесение Убри Горчакову от 13(1) сентября 1865 г., АРР, Bd. VI, № 289, S. 377.

³ Письмо Горчакова Убри от 4 ноября (22 октября) 1865 г., ЦГАДА, р. XXX, л. 9/29, стр. 160.

⁴ Донесения Убри Горчакову от 13(1) января 1866 г., АРР, Bd. VI, № 553, 554, S. 663—665.

против правительства Бисмарка в Пруссии растет недовольство его аннексионистской политикой и что даже друзья его полагают, что он «потерял всякую почву» и что «будущие выборы будут худшими, чем когда-либо»¹.

Замыслы Бисмарка вызвали большую тревогу в Петербурге, так как война в Германии в этот момент была в высшей степени нежелательной для России. Но царское правительство считало, что и от смены «правительства Бисмарка не будет никакого выигрыша». Горчаков писал, что «первой возможной комбинацией» вместо Бисмарка будет Гольц — «честолюбивый смутьян, стрелка компаса которого будет показывать на Париж»², притом же, по словам Убри, «это министерство было бы таким же аннексионистским и не менее воинственным, чем нынешнее правительство»³. «Если не считать Гольца, — писал Горчаков, — мы придем к крайне либеральному министерству, намерения которого легко предвидеть»⁴.

Царское правительство не хотело обострять отношения с Пруссией, но все-таки пыталось сдержать ее и предотвратить разрыв с Австрией. Александр II старался воздействовать на своего дядю, прусского короля, и добиться ликвидации возникшего конфликта в вопросе о герцогствах. В письмах к Вильгельму царь призывал взвесить «все последствия» возможной войны «для благополучия Германии... и для спокойствия Европы, которой всегда угрожают тлеющие под пеплом революционные страсти»⁵. «Эта война, — твердил он генералу Швейницу, — явилась бы всеобщим бедствием, и от нее выиграла бы только революция — общий враг всех, против которого все правительства должны действовать сообща»⁶.

¹ Донесение Убри Горчакову от 24(12) февраля 1866 г., APP, Bd. VI, № 487, S. 602. На этом донесении царь написал: «Все это представляется в далеко не розовом свете».

² Горчаков Бергу, 12 апреля (31 марта) 1866 г., ЦГАДА, р. XXX, д. 9/31, стр. 19.

³ Донесение Убри от 24(12) февраля 1866 г., APP, Bd. VI, № 487, S. 602.

⁴ Горчаков Бергу, 12 апреля (31 марта) 1866 г., ЦГАДА, р. XXX, д. 9/31, стр. 19.

⁵ Письмо Александра II прусскому королю от 19(7) марта 1866 г., APP, Bd. VI, № 592, S. 703.

⁶ *Schweinitz, Denkwürdigkeiten*, Bd. I, S. 194. О том, что война может пойти «на пользу только революции», царь писал в личном

Александр II попытался даже припугнуть прусское правительство иностранным вмешательством. Он прямо заявил Швейницу, что, по полученным от Будберга сведениям, Наполеон III «не останется безучастным», а при активном выступлении Франции царь тоже «решил не оставаться в неподвижности». В том же направлении действовал князь Горчаков. «Наибольшие надежды в деле сохранения мира,— говорил он прусскому посланнику в Петербурге Редерну,— я возлагаю на здравый смысл. Война между Австрией и Пруссией была бы просто неразумной, и ни одной из двух не достались бы плоды победы»¹.

Эти увещевания не произвели, однако, серьезного впечатления даже на трусливого и слабовольного Вильгельма I, подвергшегося к этому времени энергичному воздействию со стороны своего министра-президента. Прусский король писал Александру II, что в вопросе о герцогствах он не может «отступить, не скомпрометировав перед моей страной монархический принцип и достоинство моей короны». Желая использовать реакционные симпатии своего племянника и набросить тень на Австрию, Вильгельм I обвинял ее в «сообщничестве» с лагерем «красной демократии» и доказывал, что перед лицом опасности «нападения» австрийцев на Берлин он «вынужден» вооружаться².

Что касается позиции Наполеона III, то Бисмарк имел на этот счет довольно утешительные сведения. В конце февраля французский министр иностранных дел Друэн де Люис через своего посла в Берлине Бенедетти передал правительству Пруссии заверения в нейтралитете Франции на случай войны, с той лишь оговоркой, что тюильрийское правительство не может допустить такое «непомерное увеличение Пруссии, которое полностью изменило бы ее политическое значение»³.

В Берлине отлично понимали, что благоприятное международное положение Пруссии в значительной

письме Вильгельму I от 1 мая (20 апреля) 1866 г. (Текст этого письма см. в АВПР. МИД. Канц., 1866, оп. 469, д. 169, л. 33 об.)

¹ Редерн Бисмарку, 28 марта 1866 г., APP, Bd. VI, № 659, S. 777.

² Письмо Вильгельма I Александру II от 29 марта 1866 г., APP, Bd. VI, № 662, S. 781.

³ Донесение Убри Горчакову от 22(10) марта 1866 г., APP, Bd. VI, № 615, S. 723.

степени определялось противоречиями между Россией и бывшими участниками крымской коалиции. Генерал Швейниц пишет в своих воспоминаниях, что важнейшая причина, определившая позицию России в пользу Пруссии, заключалась «в серьезных расхождениях... между Англией и Францией, с одной стороны, и Россией — с другой»¹ — после событий 1863 г.

Главным виновником событий в Германии царское правительство считало Наполеона III, который своей непримиримой политикой в отношении России создал благоприятную обстановку для выдвижения Пруссии. В начале 1866 г. вице-канцлер писал Д. А. Милютину: «Политический горизонт мрачен и темнеет даже на Востоке. Вся беда от Сфинкса, что на Сене. Без него не было бы и Бисмарка... Франция найдет деньги для всяких неистовств»².

Враждебность Англии к России и ее готовность в случае надобности сговориться против России с Пруссией были тоже ясны царскому правительству. «Британский кабинет,— писал Горчаков,— быть может, меньше питает подозрений в отношении роста прусского честолюбия, чем желает создать против нас соперника или морской противовес в Балтике»³.

Со своей стороны, Бисмарк всячески стремился использовать и еще более разжечь антагонизм между западными державами и Россией. С прусской точки зрения, это было основным условием укрепления отношений с царской Россией и ее нейтралитета в предстоящей войне. Убри сообщал, что Бисмарк старался усилить неприязнь русского правительства также и к Австрии и не раз напоминал ему о враждебности ее к русской политике на Востоке и происках в Польше. Кроме того, прусский министр старался изобразить перед царским правительством Австрию виновницей конфликта и нападающей стороной. На все вопросы Убри о возможности австро-прусского столкновения он лицемерно заявлял,

¹ Schweinitz, Denkwürdigkeiten, Bd. I, S. 176.

² Записка Горчакова военному министру Д. А. Милютину, май 1866 г., Р. о. Гос. публ. б-ки им. В. И. Ленина, ф. Милютина, д. 8027, стр. 85.

³ Горчаков Бруннову, 31(19) января 1866 г., ЦГАДА, р. XXX, д. 9/30, стр. 10—11.

что «дело не идет о немедленной войне», но, «если австрийцы будут стрелять, мы ответим»¹.

Желая обеспечить благожелательный нейтралитет России, Бисмарк прибегал к лжи и уверткам. Заигрывая с царем, он делал вид, что желает урегулирования шлезвиг-голштинского вопроса на основе ольденбургской кандидатуры. Обширная переписка с Петербургом по этому вопросу тянулась в течение полутора лет, вплоть до самого начала австро-прусской войны, и имела целью ввести в заблуждение русское правительство с тем, чтобы беспокойство относительно истинных целей Пруссии возникло у него как можно позже.

Царское правительство не считало Гаштейнское соглашение окончательным решением вопроса и подозревало наличие у Пруссии аннексионистских планов относительно герцогств. Подобный исход шлезвиг-голштинского дела царское правительство считало нежелательным. Не хотело оно и воцарения в герцогствах ставленника малых немецких государств Фридриха Августенбургского. Князь Горчаков писал, что аннексия герцогств Пруссией «не в наших интересах»; вместе с тем русское правительство «ни в коем случае» не могло быть за Августенбурга². Лучшим вариантом оно считало создание из герцогств самостоятельного государства во главе с родственной петербургскому двору Ольденбургской династией.

Бисмарк лицемерно поддерживал надежды царя на возможность осуществления этого плана³. Об ольденбургской кандидатуре прусский министр заговаривал всякий раз, как только видел угрозу совместного вмешательства великих держав в германские дела. Так, например, было в начале марта 1866 г., когда Англия предложила свои «добрые услуги» в переговорах между Австрией и Пруссией⁴. Не желая стеснять себе свободу

¹ Донесение Убри от 13(1) марта 1866 г., APP, Bd. VI, № 554, S. 663—664. Убри писал, что Бисмарк говорил ему о намерении Франца-Иосифа восстановить католическую Польшу под властью австрийского эрцгерцога.

² Горчаков Убри, 31(19) января 1866 г., ЦГАДА, р. XXX, д. 9/30, стр. 16—17.

³ На деле Бисмарк был уверен в победе и желал войны. См. *Schweinitz, Denkwürdigkeiten*, Bd. I, S. 203.

⁴ Донесение Убри Горчакову от 18(6) марта 1866 г., APP, Bd. VI, № 587, S. 697.

рук, Бисмарк отклонил английское предложение и снова обратился к переговорам с Россией об ольденбургской кандидатуре. Горчаков отлично понимал, что эти переговоры Бисмарк вел неискренне¹. Цель Бисмарка состояла в том, чтобы отвлечь царское правительство от всякой мысли о посредничестве и вызвать новые разногласия между лондонским кабинетом и Россией, и Горчаков вскоре убедился, что английское правительство не хотело видеть во главе герцогств ставленника России и предпочитало присоединение их к Пруссии². Этот ничтожный сам по себе вопрос об ольденбургской кандидатуре приобретает некоторый интерес, так как в нем ярко проявились вероломство и коварство прусской дипломатии.

В действительности Бисмарк искал не компромисса, а войны. Он всеми силами стремился углубить австро-прусский конфликт и довести его до открытого разрыва. 8 апреля в Берлине был подписан союзный договор с Италией, который обуславливал, что Пруссия начнет военные действия против Австрии в ближайшие три месяца, после чего в войну вступит Италия. Обе стороны обязались не заключать мира или перемирия иначе, как по взаимному согласию. Сверх условий договора Бисмарк обещал Виктору-Эммануилу денежную субсидию.

После этого прусское правительство стало действовать еще более решительно. 9 апреля прусский посланник огласил в союзном сейме проект радикальной реформы Германского союза и потребовал созыва общегерманского парламента, избранного на основе всеобщего избирательного права. Требуя реформы Германского союза, Бисмарк в этот момент еще не высказался до конца и не ставил вопроса о полном отстранении Австрии от участия в германских делах. Но в том, что конечный результат будет именно таков, можно было не сомневаться.

Программа Бисмарка вызвала переполох в Петербурге, где она расценивалась как подрыв монархического принципа легитимизма и уступка революции. Александр II поручил Убри передать прусскому прави-

¹ Проект письма Горчакова Убри от 20(8) апреля 1866 г., АВПР. МИД. Канц., 1866, д. 33, л. 256.

² Редерн Бисмарку, 22 марта 1866 г., APP, Bd. VI, № 612, S. 720—721.

тельству свое крайнее неудовольствие. «Созыв такого парламента,— заявил царь генералу Швейници,— революционен и опасен». При этом Александр II предупредил Швейница, что прусская политика вызывает большое неудовольствие в русских правительственных кругах и что антипрусское течение оказывает на него сильное давление «со всех сторон»¹. Горчаков в беседе с прусским послом тоже высказался против проекта реформы, назвав его революционным.

В ответ на обвинения царя и Горчакова в пособничестве революции Бисмарк доказывал, что Пруссия «представляет консервативный принцип» и что реформа «удовлетворит назревшие потребности», а главное — «лишает революцию предлога, посредством которого она влияет даже на лучшие умы». Всеобщее избирательное право в «странах с монархическими традициями», уверял Бисмарк, приведет к монархическим выборам и будет противовесом либерализму. Бисмарк просил сообщить Горчакову, что «консервативное министерство в Пруссии два года защищает дело всех государств в борьбе монархии против революции» и даже покушение на него лично одного из вюртембергских революционеров показывает, что последние видят в нем представителя монархического принципа и препятствие для своих планов².

Эти препирательства с царским правительством не помешали развязыванию войны в Германии. В середине апреля Австрия вновь потребовала, чтобы вопрос о герцогствах был передан на рассмотрение союзного сейма, на что Бисмарк ответил решительным отказом. Он заявил, что этот вопрос не входит в компетенцию сейма, поскольку герцогства были уступлены датским королем Пруссии и Австрии, и что если Австрия желает отказаться от своих прав, то она должна согласовать это с прусским правительством.

Таким образом, дело приближалось к развязке. Противники начали усиленно вооружаться и концентрировать войска в пограничных районах. В течение апреля Италия сосредоточила значительную часть своих войск

¹ *Schweinitz*, *Denkwürdigkeiten*, Bd. I, S. 208.

² Бисмарк Редерну, 17 апреля 1866 г., *O. Bismark*, *Die Gesamten Werke*, Bd. V, S. 455—458.

вдоль рек По и Минчио. Австрия приняла аналогичные меры, а прусское правительство готовилось к объявлению мобилизации. Вооружались и малые немецкие державы.

Бисмарк стремился обеспечить нейтралитет или хотя бы замедлить военные приготовления северогерманских государств, и главным образом тех, которые были вклинены между обеими частями прусской монархии. Он усиленно старался склонить к этому Ганновер и Кургессен, но безуспешно. В марте и апреле в Ганновере был объявлен призыв резервистов. По словам Бисмарка, это было сделано в результате преувеличенных сообщений о силе австрийской армии. На официальный запрос Бисмарка из Ганновера ответили, что по экономическим соображениям осенние маневры будут проведены весной. Тогда прусский министр обратился в Петербург с просьбой посоветовать Ганноверу прекратить военные приготовления, но царское правительство воздержалось от этого, а Горчаков даже сказал Редерну, что считал бы Пруссию агрессором в случае ее враждебных действий в отношении Ганновера¹.

В конце апреля Англия, Франция и Россия по инициативе лондонского кабинета обратились к противникам с предложением разоружиться, но сделано это было весьма нерешительно. Сами великие державы, особенно Франция, мало верили в успех своего дипломатического выступления. Друзэн де Люис считал бесполезным советовать противникам разоружиться, если не будет предусмотрено согласованное решение вопросов о герцогствах, о реформе Германского союза и о Венеции². Бисмарк хорошо понимал, что противоречия, разделявшие великие державы, исключают возможность их активного

¹ Из записки Горчакова царю от 27(15) мая 1866 г., ЦГАДА, р. XXX, д. 9/31, стр. 313—315.

² Друзэн де Люис французскому послу в Петербурге Талейрану, 5 мая 1866 г. (*Les origines*., t. 9, № 2246, р. 17.) Перед этим Наполеон III послал царю письмо с выражением надежды на согласие между Россией и Францией перед лицом назревающих «серьезных» событий. Александр II в ответе от 30(18) апреля 1866 г. выразил уверенность в том, что французский император, так же как и сам царь, желает сохранения Германского союза, гарантированного «договорами 1815 г.» Письмо Наполеона от 22 апреля и ответ царя от 30 (18) апреля 1866 г. см. в АВПР. МИД. Канц., 1866, д. 80, л. 3, 10—11.

вмешательства, и бесцеремонно отклонил все предложения отложить вооружения. 5 мая 1866 г. в Пруссии началась мобилизация.

В Петербурге были очень раздражены прусской политикой. Царское правительство делало тщетные усилия предотвратить войну дипломатическим путем. Весь апрель и май прошли в оживленной переписке между Петербургом и Берлином¹. В письмах Вильгельму царь призывал Пруссию к «умеренности» и вновь предлагал уладить спор о герцогствах на основе ольденбургской кандидатуры. Но все эти усилия заранее были обречены на неудачу в силу того, что берлинский кабинет вовсе не желал удовлетвориться подобным исходом. Советник прусского министерства иностранных дел Абекен откровенно признался в этом Швейницу: «Все это очень хорошо,— сказал он по поводу ольденбургской кандидатуры,— но посредством войны мы получим гораздо больше». Швейниц писал, что Абекен, Роон и Мольтке были твердо уверены в способности прусской армии победить Австрию и второстепенные немецкие государства².

Одновременно Александр II обратился с письмом к австрийскому императору, советуя прекратить концентрацию австрийских войск в Чехии, так как в противном случае «пушки начнут стрелять сами собой». Император отвечал царю заверением, что он и не думает нападать на Пруссию³.

В Петербурге хорошо понимали, что «Бисмарк хочет войны» и что сговор с Италией делает положение Пруссии очень выгодным. Царское правительство стремилось расстроить этот союз и пыталось внушить итальянскому посланнику де Лоне недоверие к прусской дипломатии. Горчаков намекал де Лоне, что Пруссия может предать Италию, и обращал его внимание на слабость и неподготовленность итальянского королевства к войне. «Если бы в Берлине взяли верх другие намерения,—

¹ *Schweinitz*, *Denkwürdigkeiten*, Bd. I, S. 201—202, 214.

² Там же, S. 56, 203.

³ Французский посол в Берлине Бенедетти Друэн де Люису 6 апреля 1866 г., *Les origines...*, t. 8, № 2011, p. 183. Горчаков 8 мая (26 апреля) 1866 г. послал депешу Штакельбергу в Вену с просьбой передать правительству сожаления о назревающем конфликте и предлагал одновременное разоружение Австрии и Пруссии. *Les origines...*, t. 9, № 2287, p. 63—66.

спрашивал он,— были бы вы в состоянии сами бросить перчатку Австрии?»¹

Но на решительное противодействие прусским планам царское правительство идти не желало. Не доверяя Наполеону III, оно отклонило предложение Друэн де Люиса взять на себя совместно с Францией арбитраж в германских делах. Французское предложение Горчаков расценивал как провокацию и боялся, что Наполеон III использует согласие России на этот арбитраж лишь для того, чтобы поссорить Россию с Пруссией. Царское правительство имело в виду возможность соглашения Пруссии с Францией на основе территориального расширения обеих держав и считало это в высшей степени опасным для Российской империи. 3 мая Горчаков ответил французскому послу, сообщившему об этом предложении, что «арбитраж представляет большие трудности» ввиду полного отсутствия согласованности во мнениях между великими державами по основным вопросам. Например, как поступили бы державы относительно австро-прусских разногласий в приэльбских герцогствах? Кроме того, чтобы демарш достиг цели, сказал Горчаков, надо было бы подкрепить его силой оружия. Талейран заметил на это, что, со своей стороны, он давно искал «предварительного обмена мнениями», а Горчаков сказал, что и он «весьма желает по существу обсудить вопрос»². Но ничего более вразумительного Талейран не высказал, и это лишь усилило подозрительность царского правительства. На другой день Горчаков заявил Талейрану, что влиятельные лица нападают на него за дипломатическое вмешательство в ссору, которая в итоге «не затрагивает и не затрагивает никаких русских интересов»³.

Пользуясь натянутостью русско-французских отношений, прусское правительство продолжало свою политику развязывания войны. Окончательный разрыв между Австрией и Пруссией был лишь временно отсрочен переговорами о конгрессе. Хотя этот конгресс в конечном

¹ Горчаков Убри, 5 мая (23 апреля) 1866 г., ЦГАДА, р. XXX, д. 9/31, стр. 140—141.

² Донесение Талейрана Друэн де Люису от 3 мая 1866 г., *Les origines...*, t. 8, № 2234, р. 459—460.

³ Донесение Талейрана от 4 мая 1866 г., *Les origines...*, t. 9, № 2243, р. 13—14.

итоге не состоялся, но попытки созвать его все же представляют значительный интерес, так как в переговорах по этому вопросу еще более ярко обнаружились противоречия между великими державами, облегчавшие Пруссии развязывание войны.

Не веря в успех конгресса и не стремясь достичь этой цели, французское правительство Наполеона III не прочь было выступить перед лицом мирового общественного мнения в роли миротворца и арбитра в европейских делах и замаскировать провокационный характер своей политики. Кроме того, Наполеон III, делая ставку на взаимное истощение противников и рассчитывая перехитрить Бисмарка, хотел затянуть начало войны с тем, чтобы дать Австрии лучше вооружиться. Французский император видел, что Бисмарк торопился развязать войну, пока соперница Пруссии была к ней не подготовлена. А это могло привести к полной победе и огромному усилению Пруссии, что вовсе не входило в расчеты Наполеона III.

На конгрессе французское правительство предлагало заняться обсуждением трех вопросов: 1) о Венеции, 2) о реформе Германского союза и 3) о судьбе приэльбских герцогств. В предварительном проекте, составленном Друэн де Люисом 16 мая 1866 г., говорилось, что «обсуждение будет касаться уступки Австрией Венеции итальянскому королевству на условиях вознаграждения, которое потребует Австрия, гарантий сохранения светской власти папы, окончательного определения судьбы приэльбских герцогств и, наконец, реформа Германского союза»¹.

Из французской записки о целях конгресса видно, что Наполеон III склонен был предоставить всю Северную Германию Пруссии, но намеревался удержать южногерманские государства вне прусского влияния, надеясь поставить их под контроль Франции. Парижский кабинет предполагал, далее, что за уступку Венеции в пользу Италии Австрия будет вознаграждена за счет славянских территорий с тем, чтобы Турция получила денежное вознаграждение, если боснийские земли перейдут к Австрии².

¹ Приложение к депеше Друэн де Люиса Талейрану, 16 мая 1866 г., *Les origines...*, t. 9, № 2355, p. 146.

² *Les origines...*, t. 9, № 2479, p. 298—303.

Проект созыва европейского конгресса не вызвал возражения со стороны царского правительства, позицию которого Горчаков определил словами «мы не подталкиваем, но мы также не отказываемся»¹. Правда, программа конгресса, составленная в Париже, была во многом неприемлемой для России. Вопросы об уступке Венеции и вознаграждении Австрии за счет дунайских княжеств или славянских земель в западной части Балканского полуострова были теми пунктами, обсуждения которых царское правительство не желало допустить ни в каком случае. В Петербурге опасались, что конгресс может привести к «комбинациям», невыгодным для России, как, например, «аннексия княжеств или Боснии Австрией». С другой стороны, было ясно, что если Россия откажется от участия в конгрессе, то «эти комбинации могут возникнуть и без конгресса в результате переговоров, помимо России, или войны, и Россия в еще меньшей мере сможет помешать им, чем на конгрессе». «Из последствий создавшегося положения,— писал Горчаков,— война является для нас наиболее прискорбным»². Он приходил к заключению, что Россия проиграет от любого исхода военных событий. Усиление Пруссии представлялось ему явно нежелательным и ведущим к ослаблению русского влияния во всей Европе. Ослабление Австрии, причинившей столько вреда России во время Крымской войны, само по себе было выгодным для царской России. Но изгнание ее из Италии и Германии одновременно с возвышением Пруссии и Франции представлялось Горчакову опасным: эти события могли толкнуть Австрию на поиски компенсаций на Балканах. При этом возможно было вмешательство Франции и новое обострение восточного вопроса, к чему царская Россия была совершенно не готова.

Французские замыслы стали внушать Горчакову еще более серьезные подозрения после речи Наполеона III в Оксере, где он заявил, что питает ненависть к «трактатам 1815 г.» В своих воспоминаниях Д. Милютин пишет, что эта речь «произвела в дипломатии чуть ли не большую еще тревогу, чем колоссальные вооружения

¹ Горчаков русскому послу в Вене Штакельбергу, 18 (6) мая 1866 г., ЦГАДА, р. XXX, д. 9/31, стр. 230.

² Всепод. доклад Горчакова царю от 22 (10) мая 1866 г., ЦГАДА, р. XXX, д. 9/31, стр. 250—260.

Пруссии. Вся Европа в то время с крайним недоверием следила за каждым словом Наполеона III. Ему приписывались самые баснословные замыслы»¹. Учитывая эти возможности, царское правительство одно время даже склонялось к мысли, что для него были бы желательнее победа Австрии и полное сохранение статус-кво в Европе. Именно это мнение Горчаков высказывал в записке царю от 22 мая 1866 г., но победу Австрии считал маловероятной и опасался вмешательства со стороны Франции.

Если бы Россия, писал Горчаков, могла «оставаться в стороне и располагала бы силами, достаточными для того, чтобы гарантировать наши интересы от последствий войны», то она могла бы равнодушно наблюдать за борьбой между Австрией и Пруссией. Но Россия не в состоянии занять такую позицию, она не может выставить в любой момент 200 тыс. чел., а поэтому «исход кризиса может принести нам только невыгоды, будет ли он достигнут обращением к силе оружия или же путем прямой сделки, которая предотвращала бы войну, но неизбежно предусматривала бы уступку Венеции за вознаграждение». В итоге царское правительство приходило к выводу, что России необходимо принять участие в конгрессе, ибо там «можно по крайней мере бороться на почве дипломатии». Конгресс, писал Горчаков, дает «шанс избежать опасности, ослабить ее, отыскать средства возмещения, назначить самую высокую цену за наше согласие на территориальные изменения и, наконец, в случае необходимости отстраниться, протестуя и сохраняя полную свободу действий». Но Горчаков считал, что ни в коем случае нельзя соглашаться на конгресс, «заранее предreshая уступку Венеции за компенсации»² в пользу Австрии на Балканах. Он писал Брунову, что передача Австрии Боснии, Герцеговины и части Албании, «о чем думает великий маэстро на Сене», нежелательны, а в равной степени «мы не можем допустить аннексию дунайских княжеств» Австрией³. 7 мая

¹ Д. А. Милютин, Воспоминания, 1866 г., Р. о. Гос. публ. б-ки им. В. И. Ленина, ф. Милютина, д. 7847, стр. 122.

² Доклад Горчакова царю от 22 (10) мая 1866 г., ЦГАДА, р. XXX, д. 9/31, стр. 258—260.

³ Горчаков Брунову, 13 (1) мая 1866 г., ЦГАДА, р. XXX, д. 9/31, стр. 202—208.

Горчаков сообщил французскому посланнику, что Россия «в принципе согласна с предложением о конгрессе, но оговорил, что программа конгресса, составленная Друэн де Люисом, идет слишком далеко. По его мнению, цель конгресса достаточно определить следующими словами: «в интересах мира обсудить средства улажнения спора между Пруссией и Австрией, а также Италией».

Из повестки конгресса во французской редакции Горчаков склонен был принять лишь ее последний пункт — гарантия светской власти папы. Что касается «вознаграждения» Австрии, сказал он Талейрану, то это неприемлемо, так как вознаградить Австрию за счет Германии не допустит Пруссия, а за счет дунайских княжеств не допустит Россия: «это была бы война с нами». Увеличение Пруссии, сказал он, «нежелательно никому, и вам еще более, чем нам»¹.

Горчаков старался при этом внушить Талейрану, что и английское правительство согласно на конгресс только при условии, если не будут затронуты три указанных вопроса. В действительности же Горчаков не был уверен в позиции Англии и опасался, как бы Кларендон не пошел на уступки Наполеону III.

Английское правительство, как и правительство России, старалось урезать повестку конгресса, но не высказывалось так решительно. Кларендон, по выражению Горчакова, боялся «обжечь себе пальцы» и «не питал большого доверия к тюильрийскому кабинету»². Лондонский кабинет уклонялся от определенного ответа по вопросу о вознаграждении Австрии, но давно уже готов был согласиться на передачу Пруссии, частично или полностью, приэльбских герцогств и подчеркивал, что Англия не станет ради этого вопроса братья за оружие³. Англия, как не раз уже было отмечено, не прочь была содействовать усилению Пруссии, чтобы она служила противовесом Франции и России. Особенную тревогу в Лондоне вызывали планы французских аннексий на

¹ Донесения Талейрана Друэн де Люису от 7 и 10 мая 1866 г. (Les origines..., t. 9, №№ 2274 и 2311, p. 48, 89.)

² Горчаков Будбергу, 12 мая (30 апреля) 1866 г., ЦГАДА, р. XXX, д. 9/31, стр. 189.

³ Донесение Лятур д'Оверня Друэн де Люису от 11 мая 1866 г., Les origines..., t. 9, № 2301, p. 79.

левом берегу Рейна и возможность дальнейшего усиления Второй империи. Кларендон писал королеве, что главной заботой Англии на материке Европы должно быть ограждение Бельгии от посягательств Франции¹. Англо-русские и англо-французские противоречия, резко обострившиеся в середине 60-х годов, оказывали большое влияние на позицию Англии в германском вопросе. Напряженность отношений между Англией и США и подъем национально-освободительного движения в Ирландии также связывали руки английскому правительству. В таких условиях Кларендон находил нелепой всякую мысль о вооруженном вмешательстве Англии в конфликт между Австрией и Пруссией².

Кларендон пытался узнать у французского посла истинные планы Наполеона III и спросил, имеет ли в виду император, что три великие державы «прибегнут к силе», заявив при этом, что Англия «ни в коем случае не возьмет на себя подобного обязательства». Друэн де Люис уклончиво телеграфировал в Лондон, что по вопросу о применении силы высказываться преждевременно и что заявление об отказе от этого средства лишило бы заранее демарш всякой эффективности³.

Чтобы заставить тюильрийский кабинет высказаться яснее, лорд Кларендон предложил созвать предварительную конференцию трех великих держав для обсуждения повестки конгресса. Французское правительство выразило согласие и, со своей стороны, предложило собрать эту конференцию в Париже из послов трех держав⁴.

Царское правительство не верило в успех конференции, так как видело, что Англия, Франция и Россия не придут к единому решению относительно повестки конгресса. Созвать такую конференцию, писал Горчаков, — это значит, вместо того чтобы расчистить путь, затруднить его. Кроме того, царское правительство боялось вступить в конфликт с Пруссией, согласившись на конференцию трех государств без участия Пруссии. Когда

¹ W. Mosse, *The European Powers and the German Question*., p. 231.

² Письма Кларендона королеве от 31 марта 1866 г. и Коули от 9 апреля 1866 г. (См. *Letters of Queen Victoria*. 2d ser., v. I, p. 314.)

³ Донесение Лятур д'Оверня Друэн де Люису и ответ на него от 9 мая 1866 г., *Les origines*., t. 9, № 2301, p. 78—80.

⁴ Друэн де Люис Талейрану, 12 мая 1866 г., *Les origines*., t. 9, № 2323, p. 106—107.

Бисмарк высказывал Убри недовольство по поводу этих переговоров, Горчаков ответил, что Россия играла в них роль «чисто пассивную — выслушивать, не говоря», и что русское правительство видит разницу между конференцией трех, решение которой имело смысл лишь как ультиматум, и конгрессом, в решении которого участвовали бы все заинтересованные стороны¹.

Горчаков давал понять, что Россия не пойдет на ультиматум и что самое большее, на что она пойдет, — это конгресс. К тому же Горчаков считал ультиматум великих держав способным достигнуть цели лишь в том случае, если он будет поддержан «силой оружия», что, однако, «не входит, — заметил он, — ни в наши виды, ни в виды английского кабинета»².

В итоге конференция трех не состоялась, и обсуждение программы конгресса продолжалось путем дипломатической переписки. В конце концов царскому правительству совместно с лондонским кабинетом удалось изменить французскую редакцию повестки конгресса. Формальное предложение о созыве конгресса, которое было сделано 28 мая Австрии, Пруссии, Италии и Германскому союзу от имени России, Франции и Англии, не касалось ни Венеции, ни устройства Германии, ни приэльбских герцогств, а было сделано в самой общей форме. Оно гласило, что великие нейтральные державы приглашают противные стороны принять участие в совещании с целью урегулирования спорных вопросов мирным путем. Несмотря на это, все отлично понимали, что на конгрессе будут обсуждаться именно эти вопросы.

В конце мая Горчаков представил царю свои соображения³ относительно конгресса. В отношении герцогств он считал, что предпочтительнее всего была бы комбинация с ольденбургской кандидатурой, но в крайнем случае находил возможным не противиться аннексии Пруссией Южного Шлезвига, если северные области его будут возвращены Дании. В Германии Горчаков находил нужным поддерживать малые немецкие государства про-

¹ Горчаков Штакельбергу, 18 (6) мая, и Убри, 17 (5) мая 1866 г., ЦГАДА, р. XXX, д. 9/31, стр. 224—227, 230—233.

² Горчаков Будбергу, 12 мая (30 апреля) 1866 г., ЦГАДА, р. XXX, д. 9/31, стр. 191—194.

³ Доклад Горчакова царю от 30 (18) мая 1866 г., АВПр. МИД. Канц., 1866, оп. 464, д. 66, л. 190—196.

тив притязаний Пруссии на власть над их вооруженными силами, но с условием сохранять «добрые отношения» и с Пруссией. Равновесие между Австрией и Пруссией и участие Австрии в Германском союзе Горчаков находил желательным сохранить, но считал это возможным лишь при условии отказа Австрии от преобладания в этом союзе и в случае умеренности прусских требований.

Что касается Венеции, то Горчаков писал, что для царского правительства выгоднее было бы оставить Венецию в руках Австрии, но так как это было почти невероятно, то можно было бы сделать ее вольным городом под патронажем итальянского короля, а четырехугольник крепостей оставить Австрии. Если же Австрии придется совсем отказаться от Венеции и возникнет вопрос о компенсациях для нее на Балканском полуострове в виде Боснии или Герцеговины или же в виде дунайских княжеств, то Россия потребует не только возврата ей Южной Бессарабии, утраченной в 1856 г., но и Молдавии, по крайней мере до Серета, а если удастся, то и возможно более полной отмены Парижского трактата в целом¹. Все эти соображения были одобрены царем².

Таким образом, царское правительство готовилось предъявить свои требования в случае, если бы на конгрессе встал вопрос о компенсациях для Австрии за счет балканских земель. Д. А. Милютин пишет в своих воспоминаниях, что Горчаков поручил ему секретно «подготовить данные на тот случай, если бы обстоятельства так сложились, что мы могли заявить свое желание изменить западную нашу границу с большею или меньшею для себя выгодой». Дело это требовало безусловной тайны, и Милютин сам занялся составлением подобной записки, «сделав расчеты на несколько вариантов, задавшись главной целью — освободиться от невыгодного нашего положения — в царстве Польском, обменом части его на

¹ Царская помета: «Для нас это главный результат, которого я хотел бы достичь». «Материального действия» России Горчаков советовал не допускать, во всяком случае поскольку позволят ее «прямые интересы». (Там же. АВПР. МИД. Канц., 1866, оп. 464, д. 66, л. 194—195.)

² О предложении Горчакова об отмене уже в 1866 г. статей о нейтрализации Черного моря, отклоненном царем, великим князем Константином и Милютиным, см. *Ch. N. Clark, Prince Gorchakov and the Black Sea Question 1866*, «The American Hist. Review», Oct. 1942, vol. XVIII, № 1, p. 52—60.

Галицию»¹. Расчеты эти не получили применения, так как к началу июня стало ясно, что конгресс не состоится.

В ответ на приглашение великих держав принять участие в конгрессе Пруссия и Италия выразили согласие, но с оговоркой, что конгресс не состоится, если Австрия откажется в нем участвовать. Германский союз также принял приглашение на конгресс лишь с условием, что вопросы о герцогствах и реформе союза вправе разбирать только Франкфуртский сейм. Что касается Австрии, то венский двор поставил категорическим условием своего участия, чтобы из программы конгресса была исключена всякая комбинация, направленная к предоставлению какому-либо из приглашенных государств территориального приращения или увеличения его могущества. Такое условие исключало переговоры о Венеции и делало конгресс явно невозможным. 7 июня французское правительство сообщило, что отказывается от своего предложения о его созыве.

Провал проекта о созыве конгресса был на руку Пруссии. Правительство Бисмарка стремилось возможно скорее начать войну, пока его противники еще не успели к ней подготовиться. На скорейшее развязывание войны толкало Бисмарка и внутреннее положение в Германии.

«Прогрессисты» требовали либеральных реформ и отвергали военные ассигнования, заявляя, что правительству Бисмарка они не дадут «ни единого гроша и ни единого солдата». Но самым серьезным фактом было нарастание революционно-демократического движения среди рабочих. Хотя лассальянцы готовы были поддерживать прусскую политику за предоставление всеобщего избирательного права, но рабочие Саксонии и некоторых других частей Германии поддерживали А. Бебеля и В. Либкнехта, отстаивавших «демократический и пролетарский путь» объединения страны и боровшихся с реакционной политикой прусского правительства.

Движение получило широкий размах. Все собрания были переполнены, резкие выступления встречали одобрение. А. Бебель заявлял, что из войны может полу-

¹ Д. А. Милютин, Воспоминания, 1866 г., Р. о. Гос. публ. б-ки им. В. И. Ленина, ф. Милютина, д. 7847, стр. 123—124.

читься нечто совсем иное, чем думают ее сторонники: народ поднимется в надлежащую минуту, осуществит революцию и окончит войну в желательном ему смысле. 28 апреля 1866 г. собрание 2500 рабочих в Дрездене потребовало созвания Учредительного германского парламента на основе равного, прямого и тайного голосования, проведения социальных реформ и всеобщего вооружения народа. Принятое здесь постановление гласило, что лишь революция может спасти немецкое единство и свободу¹.

5 мая против войны и прусской политики выступило собрание 5 тыс. рабочих в Лейпциге. Собрание единодушно приняло резолюцию Бебеля и Либкнехта с требованием общегерманского демократического парламента, провозглашения республики и всеобщего вооружения народа. Пример Лейпцига вызвал подражание во многих местах. Съезд Майнской областной федерации рабочих ферейнов высказался в том же смысле². Газета «Социал-демократ» выступала против прусского абсолютизма и призывала к единству Германии на основе революции, выражая надежду, что рабочий класс во время войны «воспользуется предоставляющимся ему оружием не так, как хотят они (власть имущие), а так, как хотим мы».

В 1865—1866 гг. в промышленных центрах — Эльберфельде, Гамбурге, Лейпциге происходили экономические стачки рабочих и положение в стране было весьма напряженным. В Рейнской области запасных силою загоняли в вагоны. 7 мая студент Ю. Коген стрелял в Бисмарка.

Чтобы скорее подавить революционные настроения и сопротивление «прогрессистов» в ландтаге, прусское правительство стремилось к скорейшему развязыванию войны и форсировало ход событий. Воспользовавшись тем, что Австрия вновь потребовала поставить на обсуждение Франкфуртского сейма вопрос о герцогствах, Пруссия объявила Гаштейнскую конвенцию потерявшей силу и поспешила восстановить положение, существовавшее в герцогствах до ее заключения. 8 июня 1866 г. прусские

¹ См. *Ф. Меринг*, История германской социал-демократии, т. III, М.—Л., 1923, стр. 225—228.

² См. *А. Бебель*, Из моей жизни, стр. 113—114.

войска под командованием генерала Мантейфеля вторглись на территорию Голштинии, и австрийцы без сопротивления покинули герцогство. 10 июня 1866 г. Бисмарк обратился к малым немецким государствам с циркулярной депешей, которая содержала проект нового устройства Германии под эгидой Пруссии.

Это был все тот же проект реформы Германского союза, в основу которого частично положена была имперская конституция, выработанная в 1849 г. Франкфуртским парламентом. Новое в сравнении с проектом от 9 апреля 1866 г. было то, что прусское правительство потребовало на этот раз полного исключения Австрии из состава Германского союза. Положив в основу своего проекта созыв общегерманского парламента, избранного на основе всеобщего избирательного права, Бисмарк надеялся привлечь на свою сторону немецких либералов и умеренных буржуазных демократов, вырвав у них из рук главное оружие и противопоставив их сторонникам революционно-демократического пути объединения Германии, «снизу».

В своих воспоминаниях Бисмарк писал по этому поводу следующее: «...учитывая необходимость прибегнуть в самом крайнем случае... также и к революционным средствам, я уже в своей циркулярной депеше от 10 июня 1866 года без всяких колебаний бросил на сковороду крупнейший из тогдашних либеральных козырей — всеобщее избирательное право»¹. Разумеется, никакой революционности в этой политике Бисмарка не было. Под словом «революционный» он разумел лишь свое намерение не считаться с принципом легитимизма в отношении мелких династий, которые вздумали бы оказать Пруссии сопротивление, а всеобщее избирательное право при выборах в общегерманский парламент вовсе не затрагивало реакционной «трехклассной» избирательной системы в Пруссии. Суть политики Бисмарка была в борьбе против попыток объединения Германии «снизу», революционным путем. Уже в 1864—1865 гг. победа в войне с Данией расколола либералов. Трейчке, М. Буш, Г. Зибель и Моммзен стали высказываться в пользу политики Бисмарка. В ноябре 1865 г. его политику одобрил

¹ О. Бисмарк, Мысли и воспоминания, т. II, стр. 55.

Национальный союз. Все это лишь увеличивало уверенность Бисмарка в успехе.

Действия Пруссии окончательно убедили царское правительство в том, что «время рассуждений и переговоров миновало» и что решение вопросов, которыми должна была заняться конференция, «вручено судьбе оружия»¹. После занятия прусскими войсками Голштинии Горчаков писал Бергу: «Я уверен, что гром пушек не замедлит грянуть. Жребий брошен»². Снова взяться за роль «миротворцев», по его мнению, можно будет только после того, «как пушки прояснят положение». Царское правительство сомневалось, чтобы нейтральные державы подняли «голос» против Пруссии, и, со своей стороны, в ближайшее время не собиралось действовать, но надеялось сказать свое слово в будущем. «Наша задача отложена,— писал Горчаков,— но не оставлена нами. Мы снова примемся за нее, когда позволят обстоятельства, и присоединимся к усилиям, которые предпримут два других нейтральных двора». Таким образом, неудача конгресса не вызвала в Петербурге удивления, так как на успех переговоров там и не рассчитывали. Царское правительство выжидало в надежде, что «война определит положение».

В ответ на занятие Пруссией Голштинии сейм Германского союза 14 июня декретировал мобилизацию союзных войск. Тогда прусский уполномоченный заявил, что подобный акт является нарушением устава союза, а потому его правительство считает федеральный пакт расторгнутым. 15 июня Бисмарк потребовал от правительств Саксонии, Ганновера, кюрфюршерства Гессенского согласия на реформу Германского союза и вступления в союз с Пруссией, обещая гарантировать после войны суверенитет этих государств. Не получив на это положительного ответа, Пруссия начала военные действия. 16 июня прусские войска вторглись на территорию государств, отказавшихся принять прусский ультиматум.

Объявление Пруссии о роспуске Германского союза вызвало в Петербурге волнение и побудило царское правительство сделать новую попытку сдержать Пруссию.

¹ ЦГАДА, р. XXX, д. 9/31, стр. 370.

² Горчаков Бергу, 9 июня (28 мая) 1866 г., ЦГАДА, р. XXX, д. 9/32, стр. 16.

Заявление о роспуске германской конфедерации нанесло удар «венским договорам 1815 г.» об устройстве Германии. Этот шаг рассматривался в Петербурге как незаконное, «где право заменено силой». Царизм все еще пытался задержать дальнейший развал реакционной системы «венских трактатов 1815 г.»

На уведомление Бисмарка о роспуске Германского союза Горчаков не ответил ничего. Бруннову же он писал, что великие державы не должны остаться молчаливыми «перед лицом столь коренных перемен в положении Европы и в ее равновесии», что Россия «выдвигает» этот вопрос и готова принять участие «в нравственном его разрешении»¹.

В записке царю вице-канцлер заявил о необходимости державам «договориться между собой и высказаться относительно роспуска конфедерации». В противном случае, «зрелище великих держав, молчащих перед ежедневным беззаконием... было бы позором нашей эпохи», — продолжал он. Горчаков настаивал, чтобы демарш исходил от русского правительства и считал не бесполезным довести это до сведения Бисмарка, который «должен считаться с Россией, преследуя свои честолюбивые цели».

Правда, Горчаков не обольщал себя надеждой относительно результатов демарша, так как не знал, присоединятся ли к нему Англия и Франция. Недоверие вызывал, главным образом, «сфинкс на Сене», политика Наполеона III, которого вице-канцлер подозревал в сговоре с Бисмарком. Сетую на «раболепие» английского кабинета перед французским императором, Горчаков ожидал, что и Кларендон может уклониться от участия в демарше. Но все же царское правительство хотело вынудить Наполеона III раскрыть свои карты. В случае если бы Франция отказалась принять участие в дипломатическом выступлении против Пруссии, она разоблачила бы перед лицом всей Европы свое намерение содействовать развязыванию войны Пруссии с Австрией². Цар-

¹ Горчаков Бруннову, 3 июля (21 июня) 1866 г., ЦГАДА, р. XXX, д. 9/32, стр. 162. См. также письмо Горчакова Будбергу от 2 июля (20 июня) 1866 г., АВПР. МИД. Канц., 1866, д. 174, л. 227—228.

² Всепод. записки Горчакова от 23 (11) июня и 2 июля (20 июня) 1866 г., ЦГАДА, р. XXX, д. 9/32, стр. 109—110, 147—156.

ское правительство знало от Будберга, что Наполеон III желает сделки с Пруссией и хочет получить компенсации за счет Бельгии. Инспирированные правительством французские газеты выражали сочувствие Пруссии, вопреки настроению тех буржуазных дельцов, шовинизм которых «угасила страсть к трем процентам». Не только демократические силы резко критиковали политику Наполеона III, даже биржевые круги постепенно настраивались против авантюристической политики правительства¹.

1 июля 1866 г. русское правительство предложило проект демарша великих держав в Берлине с целью противопоставить «моральный барьер» «прусским насилиям». Суть этого предложения сводилась к следующему: державы должны были не только сохранить своих посланников во Франкфурте-на-Майне, но и предъявить в Берлине идентичные ноты с заявлением о том, что Германский союз был создан международными «договорами 1815 г.» и не может быть упразднен одной державой, как не может быть создана ею новая конфедерация, «могущая нарушить европейское равновесие». Таким образом, царское правительство подчеркивало, что вопрос об устройстве Германии является общеевропейской проблемой и должен быть решен усилиями всех держав. Текст нот предлагалось сформулировать лондонскому и парижскому кабинетам.

Действия Бисмарка, и в частности его попытки использовать против Австрии венгерских политических эмигрантов, царское правительство рассматривало как признак слабости и неустойчивости прусского министерства. Горчаков писал Убри, что «Бисмарк пускается на самые опасные прыжки, какие только можно себе представить. Роспуск конфедерации, реформа, исключая Австрию — это значит сжечь корабли и восстановить против себя остальную Германию. Переговоры с венгерскими эмигрантами — это значит протянуть руку революции; и это ему — человеку по преимуществу консервативных взглядов. Эти наблюдения побуждают меня считать, что Пруссия чувствует себя в крайне опасном положении, так как лишь при таком положении решаются

¹ Письмо Будберга Горчакову от 2 июля (20 июня) 1866 г., АВПР. МИД. Канц., 1866, д. 173, л. 196—200.

ничем не пренебрегать»¹. Предлагаемый Россией демарш, писал далее Горчаков, «не понравится в Берлине, но это — «спасительное» и дружеское предупреждение», так как иначе Бисмарк может оказаться «на краю пропасти»².

2. Укрепление русско-прусских отношений после битвы у Садовой. Миссия Мантейфеля

3 июля 1866 г. произошло знаменательное событие — прусские войска в битве при Садовой, недалеко от крепости Кёниггрец, нанесли решительное поражение австрийцам. Австрийская армия потеряла 160 пушек и более 40 тыс. солдат. Войска австрийского фельдмаршала Бенедика отступили в беспорядке, спасаясь от полного разгрома. Это событие очень осложнило международную обстановку и явилось переломным моментом в расстановке сил в Европе.

Период французского военного преобладания в Европе, наступивший после Крымского поражения царизма, закончился. Военная мощь Пруссии превзошла все ожидания. Вместе с тем рухнули расчеты Наполеона III на затяжную войну между Австрией и Пруссией. Французское правительство даже не успело подготовиться ко вмешательству и сосредоточить у границ Германии свою армию, чтобы подкрепить таким способом свои дипломатические требования. Все карты Наполеона III были спутаны, но он еще не терял надежды вырвать у Пруссии согласие на компенсацию на Рейне в пользу Франции. В течение всего июля и августа французское правительство вело по этому поводу переговоры с Пруссией, не отказываясь от мысли о сделке с ней; чтобы усилить свои позиции, Наполеон III одновременно стал заигрывать и с Австрией и с Россией.

В ночь с 3 на 4 июля император Франц-Иосиф телеграфировал Наполеону о своем согласии уступить ему Венецию для передачи Италии и просил его взять на себя посредничество в мирных переговорах. Цель этого маневра состояла в том, чтобы вывести из войны Ита-

¹ Горчаков Убри, 17(3) июня 1866 г., ЦГАДА, р. XXX, д. 9/32, стр. 57—64.

² Горчаков Убри, 4 июля (22 июня) 1866 г., ЦГАДА, р. XXX, д. 9/32, стр. 169—170.

лию, ликвидировать итальянский фронт и дать Австрии возможность бросить все оставшиеся силы против прусской армии, которая продолжала двигаться на юг. Австрийское командование и император Франц-Иосиф не хотели продолжения войны. События показали превосходство прусской армии не только в численном составе, но главным образом в вооружении. Сражение при Садовой поставило Австрию на порог полной катастрофы. Венский двор считал, что спасти его от окончательного разгрома могло только активное вмешательство Франции. Именно на это и рассчитывал Франц-Иосиф, посылая свою телеграмму в Париж.

Темпы войны и военные победы Пруссии явились для Европы полнейшей неожиданностью. «Никто не мог ожидать, что судьба войны разрешится в такой короткий срок»¹, — писал Д. А. Милютин. Расчеты Наполеона III на длительную войну и взаимное истощение соперников не оправдались. Он надеялся выступить после войны в роли верховного арбитра, чтобы диктовать свои условия. «Наполеон рассчитывал... на наше поражение и на то, что мы будем нуждаться в помощи»², писал Бисмарк, а получилось наоборот. Война закончилась в несколько дней полной победой Пруссии.

При таких обстоятельствах Наполеону трудно было извлечь для себя пользу из войны без активного вмешательства. И это хорошо понимали в Париже. Но Франция была совершенно неподготовлена к серьезной войне в Европе. Наполеон III колебался и, повидимому, не терял надежды дипломатическим путем добиться компенсаций за свой нейтралитет. Основной целью его политики в период мирных переговоров было следующее: с помощью дипломатических хитростей помешать более тесному сближению России с Пруссией, изолировать последнюю и тем самым сделать ее более сговорчивой и добиться, путем ли сговора с Бисмарком или путем угрозы военного вмешательства на стороне Австрии, территориальных уступок в свою пользу.

Вмешательство Франции началось с того, что в ночь с 4 на 5 июля 1866 г. в главную квартиру прусской армии

¹ Д. А. Милютин, Воспоминания, 1866 г., Р. о. Гос. публ. б-ки им. В. И. Ленина, ф. Милютина, д. 7847, стр. 131.

² О. Бисмарк, Мысли и воспоминания, т. II, стр. 33.

поступила телеграмма на имя короля Вильгельма, в которой Наполеон III сообщал, что император Франц-Иосиф уступил ему Венецию и просил его о посредничестве. Это сообщение французский император сделал по собственной инициативе, давая понять Пруссии, что в связи с последними событиями он намерен отказаться от своей первоначальной сдержанности. Прусское правительство было весьма встревожено вмешательством Наполеона III, тем более что трудно было предвидеть, «удастся ли ограничить его сферой дипломатии». Военное же вмешательство Франции, по признанию самого Бисмарка, поставило бы Пруссию в высшей степени затруднительное положение. Ей пришлось бы вести войну на два фронта, и война обещала быть затяжной. Бисмарк писал, что вступление Франции в войну немедленно повлечет за собой появление в Германии 60 тыс. французов, которые в соединении с южногерманскими войсками составили бы армию в 200 тыс. чел., которой «мы... не могли противопоставить никаких равноценных военных сил, не ослабляя себя чрезмерно против Вены»¹. Несколько позже, на заседании рейхстага 16 января 1874 г., Бисмарк признавал, что вступление Франции в войну «...вынудило бы нас с самого начала прикрывать Берлин и отказаться от всех наших успехов в Австрии»².

Другим обстоятельством, осложнившим положение Пруссии, была «сомнительная», по словам Бисмарка, позиция России. Русский посланник в Берлине во время войны считался противником прусской политики, и Бисмарк через Швейница жаловался царю на Убри. Кроме того, в Берлине узнали о проекте русского демарша по поводу роспуска Германского союза. «Ситуация была такова,— писал Бисмарк,— что наше сочувственное отношение к первой же попытке Австрии вести мирные переговоры казалось не только возможным, но и необходимым ввиду вмешательства Франции»³. Чтобы скорее вынудить Австрию к уступкам, прусские военные власти обратились с прокламациями к населению Венгрии, Чехии и Моравии, призывая его к борьбе против гнета

¹ О. Бисмарк, Мысли и воспоминания, т. II, стр. 34—35.

² Цит. по кн. А. Дебидур, Дипломатическая история Европы, т. II, стр. 292 (примеч.).

³ О. Бисмарк, Мысли и воспоминания, т. II, стр. 33, 35.

Габсбургов¹. Критическое положение габсбургской монархии давало надежду на мир до того, как успеет вмешаться Наполеон III.

Прусский король по совету своего министра-президента ответил на телеграмму императора Наполеона уклончиво. Пруссия соглашалась принять его посредничество, но отказывалась от какого бы то ни было перемирия «без гарантий относительно мира». Несколько позже в Париж было сообщено, что в качестве основы будущего мира Пруссия потребует устранения всякого давления на Германию со стороны Австрии, усиления Пруссии посредством уничтожения чересполосицы ее владений и установления ее гегемонии над малыми немецкими государствами.

Предварительный набросок мирных условий, сделанный прусским королем в связи с телеграммой Наполеона III от 5 июля, предусматривал следующие требования: реформу Германского союза под руководством Пруссии, аннексию ею Шлезвига и Голштинии, Австрийской Силезии, пограничной полосы Чехии, Восточной Фрисландии, замену враждебных Пруссии монархов Ганновера, Кургесена, Мейнингена и Нассау их наследниками. В дальнейшем программа эта была еще более расширена. Король хотел аннексировать также часть владений Саксонии, Ганновера, Гессена и Баварии и потребовать возмещения Австрией военных расходов.

Бисмарк не разделял эту программу, считая, что при сложившейся тогда ситуации Пруссии политически нецелесообразно добиваться осуществления всех этих требований, так как это отодвинуло бы заключение перемирия, а тем самым приблизило бы угрозу военного вмешательства Франции. В целях будущего сотрудничества с Австрией против России и славянских движений прусский министр-президент рекомендовал королю заключить мир на основе сохранения за Австрией всех ее территорий². Бисмарк учитывал, что уже 12 июля в ставку прусской армии прибыл французский посол в

¹ Прусское правительство даже создало легион из 5 тыс. пленных мадьяр, но затем распустило его. (Донесение Убри от 12 августа (31 июля) 1866 г., АВПР. МИД. Канц., 1866, д. 31, л. 65—66.)

² См. О. Бисмарк, Мысли и воспоминания, т. II, стр. 33—34, 37—38, 42.

Берлине Бенедетти для переговоров об условиях будущего мира и о компенсациях, требуемых Францией.

При этом было известно, что Наполеон III не желал распада Австрийской империи в результате подъема национально-освободительных движений. По поводу прусских прокламаций к венграм и чехам он написал письмо королю Вильгельму I, где указывал на опасность для Пруссии «союза с революционными элементами» и отмечал, что страх перед подобным сотрудничеством вынудил его в 1859 г. заключить мир с Австрией. «И теперь есть такой же Гарибальди, который хочет стать союзником короля прусского»¹, — добавил Наполеон III, имея в виду венгерского генерала Клапку. Одновременно французский император просил царя посоветовать Австрии уступить и устраниваться из Германского союза во избежание похода прусского на Вену и полного развала империи. Александр II ответил отрицательно и согласился лишь подать прусскому королю «дружеский совет» не настаивать на этом предложении².

Бисмарк должен был учитывать позиции и Франции и царского правительства.

Отношение правящих кругов России к прусским победам было двойственное. С одной стороны, ослабление Австрии, являющейся противницей России на Балканах, вызывало удовлетворение в Петербурге. С другой стороны, закрадывалось беспокойство относительно тех перемен в Европе, которые несли с собой победы Пруссии. Генерал Швейниц писал, что в русских придворных кругах «ненавидели... австрийцев и желали им поражения, но не хотели, чтобы мы стали слишком сильными и независимыми от расположения России»³.

Царь Александр II поздравил своего дядю — прусского короля с победой у Садовой. Но событие это не вызвало радости у Горчакова и у ряда других сановни-

¹ Наполеон III изложил содержание этого письма Будбергу. (Донесение Будберга от 14 (2) и 19 (7) июля 1866 г., АВПР. МИД. Канц., 1866, д. 172, л. 89—90, 102. См. также Schweinitz, цит. соч., т. I, стр. 240.)

² Телеграмма Будбергу от 15 (3) июля 1866 г., АВПР. МИД. Канц., 1866, д. 174, л. 233, см. также письмо Горчакова Будбергу от 23 (11) июля 1866 г., АВПР. МИД. Канц., 1866, д. 173, л. 478—483.

³ Schweinitz, Denkwürdigkeiten, Bd. I, S. 238.

ков. Д. А. Милютин отмечал, что любопытство, с которым в Петербурге следили за быстрым ходом военных событий, «уступило место некоторому беспокойству» на счет последствий, к которым могли привести «успехи прусского оружия»¹. Поражение Австрии и вытеснение ее из Германии нанесли сокрушительный удар австро-прусскому «равновесию», в котором царское правительство со времен Семилетней войны видело один из залогов поддержания своего влияния на дела Западной Европы.

Горчаков не желал чрезмерного усиления Пруссии и считал необходимым своевременное вмешательство великих держав с целью несколько умерить ее «победное опьянение» и предупредить дальнейшие события, которые могли изменить соотношение сил между европейскими государствами. На следующий день после победы у Садовой Горчаков писал Убри, что условия мира и гарантии «европейского равновесия» более чем когда-либо зависят от позиции, которую займут «великие нейтральные державы»².

С этой точки зрения позиция Наполеона III вызывала в Петербурге наибольшую тревогу.

Царское правительство более всего опасалось сговора и сближения Наполеона III с Пруссией. Будберг сообщал из Парижа, что сближение это будто бы развивается «со дня на день», даже вопреки «общественному мнению», и что «прусский ветер надувает здесь паруса», что же касается «публики» и армии, то они «не скрывают своего недовольства»³. Донесение Будберга отражало тот факт, что Наполеон III не потерял надежды сговориться с Пруссией. Перспектива такого сговора крайне тревожила царское правительство, боявшееся толкнуть Пруссию в объятия Наполеона III. После битвы у Садовой появилась и другая, но, с точки зрения петербургского двора, не менее опасная перспектива. Вмешательство Наполеона III в австро-прусские переговоры и затем его сближение с Австрией заставили

¹ Д. А. Милютин, Воспоминания, 1866 г., Р. о. Гос. публ. б-ки им. В. И. Ленина, ф. Милютина, д. 7847, стр. 97.

² Горчаков Убри, 4 июля (22 июня) 1866 г., ЦГАДА, р. XXX, д. 9/32, стр. 173—174.

³ Письмо Будберга Горчакову от 19 (7) июля 1866 г., АВПР, МИД. Канц., 1866, д. 173, л. 104—105.

царское правительство насторожиться. В Петербурге очень подозрительно отнеслись к проектам французского посредничества. Возможность сближения Наполеона III с Австрией и образование в конечном итоге австро-французского союза под эгидой Наполеона III породили в Петербурге серьезную тревогу за Польшу и перспективы развития восточного вопроса.

Горчаков писал, что если Наполеон III «окончательно и активно склонится на сторону Австрии», то «Франция приобретает тогда в лице венского кабинета раболепного сателлита, которым будет располагать по своему произволу и для любых комбинаций, сателлита, географическое положение которого может быть использовано самым вредным для наших интересов образом...»¹ В этом случае, полагал он, «Австрия, надев французскую ливрею, будет вынуждена рабски следовать всем замыслам, которые возникнут на берегах Сены, а нам в силу географического положения было бы весьма невыгодно, если бы она согласилась с императором Наполеоном затронуть восточный вопрос или вновь возбудить вопрос о Польше»².

Все эти соображения ясно говорят о том, с какой подозрительностью отнеслись в Петербурге к политике правительства Наполеона III. 12 июля Наполеон III обратился с письмом к великой княгине Марии Николаевне, в котором жаловался на скрытность Горчакова и выражал желание узнать точку зрения русского императора на германские дела, чтобы сговориться относительно совместных действий³. Не только царь, но и Горчаков отнесся к этому шагу с большим недоверием. Царское правительство боялось, что Наполеон III хочет спровоцировать Россию на какой-нибудь демарш против Пруссии с целью рассорить и изолировать и Пруссию и Россию.

Александр II просил передать, что он также хотел бы войти в согласие с императором Наполеоном, но считал, что последний «требуется от нас доверия, не ока-

¹ Горчаков Убри, 8 июля (26 июня) 1866 г., ЦГАДА, р. XXX, д. 9/32, стр. 185—186.

² Горчаков русскому посланнику в Турции Игнатьеву, 16 (4) июля 1866 г., ЦГАДА, р. XXX, д. 9/32, стр. 232.

³ Горчаков Убри, 12 июля (30 июня) 1866 г., ЦГАДА, р. XXX, д. 9/32, стр. 204.

зывая его нам. Мы находим более благоразумным предоставить ему инициативу»¹. Горчаков в целом разделял эту точку зрения. Считая в принципе желательным для России сближение с Францией, Горчаков тем не менее не видел у французского императора серьезных намерений войти в соглашение с Россией и подозревал, что Наполеон III хочет использовать «русскую откровенность», если «пойти с ним на объяснения по германским делам», в своих интересах для переговоров с Бисмарком и тем самым посорить Россию с Пруссией².

13 июля великая княгиня Мария Николаевна через Талейрана передала ответ царя Наполеону III, сказав, что царь «хочет полностью уяснить себе идеи императора французов о переустройстве Германии. Он находит естественным, чтобы Пруссия получила известные выгоды и «во всяком случае предпочитает сильную Пруссию сильной Австрии», но высказался против исчезновения малых германских государств. В заключение великая княгиня сказала, что императору Наполеону лучше всего лично обратиться к царю»³. Царское правительство и особенно князь Горчаков желали в принципе сближения с Францией в надежде, что это поможет поколебать устои Парижского мира, а также увеличит «шансы на сохранение европейского равновесия» и помешает Наполеону III возбуждать вопросы, нарушающие интересы царской России⁴.

Но правительство Наполеона III не думало о сотрудничестве с царской Россией. Франко-русское соглашение было возможно только на условиях отказа со стороны Франции от неблагоприятного для царской России политического курса. Ближневосточный вопрос

¹ ЦГАДА, р. XXX, д. 9/32, стр. 205. В письме к Будбергу Горчаков сообщал, что французский посол в Петербурге Талейран не раз выражал желание достичь согласия между Францией и Россией, но «я никогда не мог уловить ни малейшего намека на цели Франции, сообщение которых должно было бы, по моему мнению, предшествовать нашей откровенности». (Горчаков Будбергу, 23 (11) июля 1866 г., АВПР. МИД. Канц., 1866, д. 173, л. 479.)

² Горчаков Убри, 19 (7) июля 1866 г. (ЦГАДА, р. XXX, д. 9/34, стр. 248). а также Будбергу, 23 (11) июля 1866 г. (АВПР. МИД. Канц., 1866, д. 173, л. 478).

³ Телеграмма Талейрана из СПб. в Париж от 13 июля 1866 г., *Les origines*., t. 11, № 2975, p. 27.

⁴ Горчаков Будбергу 23 (11) июля 1866 г., АВПР. МИД. Канц., 1866, д. 173, л. 479—481.

по-прежнему оставался важнейшим в русской политике, и значение его в эти годы стало еще более возрастать. Отмена тяжелых условий Парижского мира была первостепенной задачей внешней политики России. Наполеон III отлично это знал, но не желал пойти на уступки в этом вопросе. Цель его сводилась лишь к тому, чтобы ослабить позиции Пруссии, восстановить против нее Россию. Ведя переговоры с Бисмарком относительно условий перемирия, французский император то и дело обращался в Петербург с просьбами оказать давление на Пруссию, невзирая на то, что содержание этих переговоров не было даже известно русскому правительству.

Царское правительство опасалось попасть в ловушку и относилось к предложениям Наполеона III с большой подозрительностью. Видя, что Вторая империя продолжает вести враждебную России политику, царь отказал французскому правительству, предложившему России присоединиться к требованию о перемирии. Он сослался на династические связи с Пруссией и на «свой долг» по отношению к «августейшему дяде» — королю прусскому. Точно так же Александр II отклонил просьбу Наполеона III посоветовать Пруссии не настаивать на исключении Австрии из Германского союза. Царь усматривал в этом предложении только провокацию¹.

Царское правительство не желало допустить, чтобы перемирие было заключено только при участии Наполеона III. Французскому послу в Петербурге князю Талейрану, просившему поддержать требование о ведении мирных переговоров «при французском посредничестве», Горчаков заявил, что «этот мир призван оказать столь важное влияние на положение в Европе, что вести переговоры о нем, мне кажется, следует не при помощи посредничества одной изолированной державы, а три нейтральных двора должны участвовать в этом в равной степени»².

Враждебность Наполеона III к политике России на Ближнем Востоке и в польском вопросе, страх перед

¹ Телеграмма Горчакова Будбергу от 13 июля 1866 г. и Убри от 8 июля (26 июня) 1866 г., ЦГАДА, р. XXX, д. 9/32, стр. 184, 242.

² Из письма Горчакова Бруннову от 14 (2) июля 1866 г., ЦГАДА, р. XXX, д. 9/32, стр. 216—217.

возможностью образования против нее австро-французской коалиции побудили царское правительство пренебречь невыгодностью усиления Пруссии и воздержаться от активного противодействия планам Бисмарка, хотя оно хорошо сознавало, что осуществление этих планов «приведет к порабощению» Пруссией всей Германии и полностью разрушит «европейское равновесие»¹.

Считая ближневосточный вопрос первостепенным в русской политике и придавая главное значение неблагоприятной позиции по отношению к России в этом и других вопросах со стороны Наполеона III, царское правительство решило упрочить свои отношения с Пруссией, видя в этом единственный противовес возможному сближению Наполеона III с Австрией. Взвешивая все возможности, писал Горчаков, «мы сочли долгом дать свидетельство нашей симпатии» к Пруссии. «На современной карте Европы, продолжал он, нет государства, согласие с которым было бы более рационально для нас, так как я признаю, что опыт прошлого не позволяет рассчитывать на сколько-нибудь энергичную позицию английского правительства, будет ли оно вигским или торийским. Находясь под угрозой, Пруссия имела бы прямой и жизненный интерес быть в хороших отношениях с нами, и отныне она знает условия этого доброго согласия». Но Горчаков подчеркивал, что Пруссия сможет приобрести союзников и друзей «только умеренностью»².

Благоприятная политика царизма по отношению к Пруссии выразилась, прежде всего, в том, что после вмешательства Наполеона III царское правительство дало предписание своим послам более не настаивать на демарше трех держав против роспуска Бисмарком Германского союза³. На вопрос Талейрана, готова ли Россия силой поддержать протест против роспуска Германского союза, Горчаков уклонился от ответа, а пожелал прежде узнать намерения Франции. Горчаков выразил при этом свое неудовольствие тем, что Наполеон III

¹ Горчаков Убри, 8 июля (26 июня) 1866 г., ЦГАДА, р. XXX, д. 9/32, стр. 187.

² Там же, стр. 182—186.

³ Горчаков Бруннову, 14 (2) июля 1866 г., ЦГАДА, р. XXX, д. 9/32, стр. 210.

предложил Австрии свое посредничество без участия России¹.

7 июля царское правительство телеграфировало в Берлин о своем желании поддерживать согласие с Пруссией и заверяло ее в своих симпатиях. В телеграмме говорилось, что царь желает видеть Пруссию «сильной, могучей и преуспевающей», и что это — чувства, скрепленные кровью в годы 1813 и 1814. Телеграмма заканчивалась словами «но надо быть умеренными»². Таким образом, аннексии Пруссии в Германии царское правительство стремилось по возможности ограничить.

В ответ на это Бисмарк писал в Петербург, что «мы также убеждены во взаимной выгоде согласия с Россией и хотим его укрепить... Наша программа мира умеренная. Мы мало потребуем непосредственно от Австрии. Нашей целью остается приобретение на севере Германии такого положения, которое гарантировало бы нас от возврата к прошлому и от возможности враждебных вооружений против нас малых государств, которые господствуют над нашими внутренними позициями»³. Как видим, Бисмарк в тот момент еще не раскрыл перед царским правительством своих карт и высказывался в самых общих выражениях. Он решил сначала сговориться с Наполеоном III и держал Россию в неведении относительно переговоров о перемирии.

Горчаков еще не знал конкретно, что потребует Пруссия, но уже понял, что прежний порядок в Европе не мог быть сохранен «в своей целостности». «Мы находимся перед неизбежными переменами», — писал он Убри. Но если нельзя спасти все прежние «права», то надо стараться «предотвратить комбинации, ставящие под угрозу европейское равновесие»⁴. Высказывая желание поддержать добрые отношения с Пруссией, царское правительство снова и снова подчеркивало, что «умеренность» есть главное условие согласия с Россией. В дальнейшем в Берлин почти одновременно было до-

¹ Донесения Талейрана от 14 июля 1866 г., *Les origines...*, t. 11, № 2994—2995, р. 44—47.

² По письму Горчакова Убри от 8 июля (26 июня) 1866 г., ЦГАДА, р. XXX, д. 9/32, стр. 188—189.

³ По письму Горчакова Бруннову от 14 (2) июля 1866 г., ЦГАДА, р. XXX, д. 9/32, стр. 212—213.

⁴ Горчаков Убри, 9 июля (27 июня) 1866 г., ЦГАДА, р. XXX, д. 9/32, стр. 192.

полнительно сообщено, что Россия не считает возможным допустить, чтобы одна держава изменила карту Европы¹.

Горчаков неоднократно повторял, что Пруссия «сможет» приобрести союзников и друзей «только умеренностью»². Инструктируя своего посланника в Берлине, он отмечал, что Россия сочла необходимым укрепить отношения с Пруссией не для того, «чтобы привязать себя к колеснице честолюбия г-на Бисмарка», а чтобы сохранить способ «влиять на короля в духе умеренности»³.

Тем временем Наполеон III продолжал свои попытки достичь сговора с Пруссией, ограничить территориальное расширение ее господства над Германией и получить компенсации на левом берегу Рейна.

14 июля французское правительство предложило Пруссии принять следующие условия прелиминарного мира: 1) сохранение территориальной целостности Австрии (за исключением Венеции), 2) Австрия признает роспуск старого Германского союза и не будет препятствовать организации нового, в который она не войдет, 3) Пруссия может образовать Германский союз, охватывающий лишь государства, лежащие к северу от р. Майн. Ей будет принадлежать командование военными силами этих государств, а также право дипломатического представительства, 4) немецкие государства, находящиеся к югу от Майна, могут образовать Южногерманский союз, который будет пользоваться независимым международным существованием, 5) Пруссия получает приэльбские герцогства, кроме северных округов Шлезвига с датским населением, где должен быть произведен опрос.

Бисмарк сделал вид, что с удовлетворением принимает французскую программу, но дал понять Наполеону III, что Пруссия нуждается в территориальных присоединениях на севере Германии, которые позволили бы уничтожить чересполосицу в ее владениях и обра-

¹ По письму Горчакова королеве вюртембергской Ольге от 30 (18) июля 1866 г., ЦГАДА, р. XXX, д. 9/34, стр. 301—304.

² Горчаков Убри, 8 июля (26 июня) 1866 г., ЦГАДА, р. XXX, д. 9/32, стр. 182.

³ Горчаков Убри, 19 (7) июля 1866 г., ЦГАДА, р. XXX, д. 9/32, стр. 247.

зовать слитную территорию. Об этом в Париже вел переговоры Гольц. Друэн де Люис был решительно против удовлетворения прусских требований и даже угрожал Пруссии возможностью объявления войны. Однако прусскому послу удалось в конце концов добиться согласия Наполеона III на присоединение к Пруссии помимо герцогств Ганновера, кюрфюршества Гессенского, Гессен-Гамбурга, герцогства Нассау, города Франкфурта-на-Майне и ряда баварских округов — в общей сложности значительной территории с 4,5 млн. жителей.

Вопрос о том, в какой именно момент Наполеон III потребовал компенсаций за свое согласие на территориальное увеличение Пруссии, остается невыясненным. По словам французских историков, Бисмарк еще в самом начале переговоров с Бенедетти намекал, что Пруссия и Франция заинтересованы в соглашении с целью расширения их границ. Гольц же якобы прямо пообещал французскому императору, что Пруссия не будет возражать против присоединения к Франции земель на левом берегу Рейна. Сам Бисмарк умалчивал об этом даже в письменных докладах королю. Так, например, в докладе от 24 июля он писал, что Наполеон III будто бы согласен без компенсаций на аннексию Пруссией 4 млн. населения в Северной Германии¹.

По словам Бисмарка, Бенедетти с самого начала переговоров будто бы заявил, что увеличение Пруссии не более чем на 4 млн. чел. в Северной Германии при сохранении линии Майна в качестве южной границы не повлечет за собой французского вмешательства, и указал, что «такова основная линия наполеоновской политики». Бисмарк далее пишет, что Наполеон III в тот момент «надеялся образовать Южногерманский союз в качестве филиала Франции».

Опасаясь, что Наполеон III опять вмешается в ход переговоров и выдвинет новые требования, Бисмарк настаивал на немедленном прекращении военных действий и заключении перемирия на условиях сохранения территориальной целостности Австрии. Но король Вильгельм, вошедший, по выражению своего министра-президента, «во вкус аннексий», не желал отказаться от

¹ Доклад Бисмарка королю от 24 июля 1866 г., *O. Bismark, Die Gesammelten Werke*, Bd. VI, S. 79.

первоначальной программы и настаивал на продолжении войны. Военная верхушка полностью разделяла эту точку зрения и обвиняла Бисмарка в том, что он хочет лишить прусскую армию лавров победы. Генералы вынашивали план похода на Вену, чтобы в столице Австрии продиктовать побежденному противнику свои условия мира. Между тем на подступах к Вене можно было ожидать серьезного сопротивления, и надо было преодолеть укрепления Флоридсдорфа, а в прусской армии распространилась холера.

Бисмарк боялся вооруженного вмешательства Франции и считал политически нецелесообразным наносить Австрии удар, который исключил бы возможность сближения с ней в будущем. Он упорно сопротивлялся плану генеральской верхушки и пригрозил королю уходом в отставку.

После того как 22 июля было подписано соглашение о временном прекращении военных действий, опасения Бисмарка еще более усилились. 24 июля он писал королю: «Мне кажется самым важным, чтобы нынешний благоприятный момент не был упущен. Ясно выраженное принятие вашим королевским величеством в целом предложений его величества императора французов могло бы устранить надвигающуюся опасность вмешательства Франции против Пруссии, которое легко могло превратиться из дипломатического давления в реальное, активное участие». Бисмарк добавлял, что колебания Наполеона III в последние недели и давление общественного мнения во Франции «заставляют сильно опасаться, что если сделанные в условиях этого момента уступки не будут использованы, то может наступить новый поворот».

К этим опасениям прибавилось сомнение и относительно позиции России и Англии. «Нельзя рассчитывать и на поддержку этих или более далеко идущих требований другими великими державами»,— продолжал Бисмарк, указывая, что царь с тревогой относится к притязаниям Пруссии, а князь Горчаков настаивает на сообщении этих условий. У Бисмарка родственные отношения русского императорского двора к немецким династиям вызывали опасения, что «симпатии к последним серьезно повлияют на дальнейшие переговоры. В Англии общественное мнение начинает считаться с воен-

ными победами Пруссии, однако нельзя сказать того же о правительстве, и можно ожидать, что оно лишь признает совершившиеся факты¹. Таким образом, в случае вооруженного вмешательства Наполеона III Бисмарк не ждал помощи ни от России, ни от Англии. Он считал международное положение весьма тревожным и требующим немедленного подписания предварительных условий мира.

При поддержке кронпринца, принявшего сторону Бисмарка, вопрос этот был решен. 26 июля 1866 г. в Никольсбурге были подписаны предварительные условия мира, которые должны были послужить основой для выработки окончательного мирного договора.

Пrelиминарные переговоры и явное согласие Наполеона III на значительное усиление и расширение Пруссии усиливали у царского правительства подозрения относительно сговора между Францией и Пруссией. Хотя царское правительство не было посвящено во все детали никольсбургских переговоров, но царь и Горчаков из устных объяснений со Швейницем приблизительно знали размеры прусских требований и находили их чрезмерными. Предоставление Пруссии гегемонии над северогерманскими государствами и полное изгнание Австрии из Германии коренным образом меняли соотношение сил в центре Европы, что, как известно, было нежелательным для России. «Мы продолжаем считать,— писал Горчаков 19 июля,— что европейское равновесие было бы под угрозой, если бы какая-либо держава получила в Германии подавляющий перевес или же другая великая держава была отстранена от всякого влияния на германские дела»².

В личном письме царю Наполеон III высказал мнение, что для европейского равновесия надо сохранить территориальную целостность Австрии, за исключением ее венецианских владений, а из южногерманских государств создать конфедерацию, противостоящую Северной Германии. В исключении Австрии из Германского союза он видел одну только пользу «для спокойствия

¹ Доклад Бисмарка королю от 24 июля 1866 г., *O. Bismark, Die Gesammelten Werke*, Bd. VI, S. 79.

² Горчаков Убри, 19 (7) июля 1866 г., ЦГАДА, р. XXX, д. 9/32, стр. 246.

Германии» и находил, что России и Франции нежелательно соединение всей Германии «под одним скипетром»¹.

В ответе Наполеону III царь выразил несогласие с мнением о желательности исключения Австрии из Германского союза, но признавал невозможность сохранения прежнего положения и писал, что «если Германия должна быть разделена между двумя конфедерациями, если Пруссии будет дозволено стать во главе Северной конфедерации, то я нахожу, что Австрия должна таким же образом возглавлять Южную конфедерацию». Царь добавлял, что создание обеих конфедераций не должно лишить престижа государей, которые станут их членами. Письмо кончалось заверениями в том, что он считает «доброе согласие» между Россией и Францией «залогом безопасности для Европы» и что, несмотря на некоторые различия во мнениях, «между коренными интересами обеих стран нет серьезных расхождений»².

Обмен письмами между Наполеоном III и царем ясно показывал, что по вопросу о Южной Германии между ними не было единства мнений. Будберг сообщал, что Наполеон III считает Австрию слишком слабой для того, чтобы она могла возглавить южногерманскую конфедерацию³. В отличие от царского правительства, желавшего, чтобы именно Австрия стала во главе союза южногерманских государств, Наполеон III хотел воспользоваться поражением Австрии для того, чтобы подчинить Южную Германию своему влиянию.

Итак, в Петербурге боялись, что Южная Германия может стать орудием французской политики. В этом была одна из причин того, что царское правительство, несмотря на острые противоречия между Россией и Австрией, хотело усилить позиции Австрии в Германии и, таким образом, восстановить до некоторой степени

¹ У этих слов помета царя: «Это справедливо» («c'est juste»). По поводу сожаления Наполеона III об охлаждении отношений обеих стран царь надписал: «чья же вина?» («à qui la faute»). (Поллиник письма Наполеона III царю от 16 (4) июля 1866 г., АВПР. МИД. Канц., 1866, д. 80, л. 5—6.)

² Проект письма царя Наполеону III от 22 (10) июля 1866 г., АВПР. МИД. Канц., 1866, д. 80, л. 14—16.

³ Донесение Будберга от 1 августа (20 июля) 1866 г., АВПР. МИД. Канц., 1866, д. 172, л. 116—118.

«австро-прусское равновесие». Горчаков вел переговоры по этому вопросу с Редерном еще до заключения перемирия, спрашивая, сможет ли Австрия образовать конфедерацию с южногерманскими государствами. Прусский посланник уклончиво ответил, что он не имеет полномочий сказать что-либо определенное. От себя лично он дал понять, что эту роль Бисмарк предназначал Баварии, но она вряд ли возьмет ее на себя. Александр II в беседах со Швейницем и в письмах прусскому королю настаивал, чтобы Австрия получила в Южной Германии положение, аналогичное господству Пруссии над северо-германскими государствами. К объединению Южной Германии под руководством Баварии он относился отрицательно, боясь, что это приведет в конечном итоге к утверждению там французского господства¹.

Тревогу и недовольство царского правительства вызывал также вопрос о прусских аннексиях за счет второстепенных немецких государств. Царский дом состоял в родстве со многими немецкими династиями, которые наводняли Петербург письмами, прося о заступничестве. Александр II смотрел весьма косо на территориальные захваты Пруссии, путем которых шло округление прусских владений, и не желал полностью примириться с насильственной ликвидацией ряда «законных» династий, видя в этом прямое нарушение «монархического принципа».

В письмах королю Вильгельму царь выражал недовольствие и тревогу по поводу прусских требований. 19 июля Александр II вызвал к себе Швейница и пытался припугнуть прусское правительство, заявив ему, что Россия получила приглашение от Наполеона III посредничать совместно с Францией, а французский посол в Петербурге спрашивал даже насчет готовности России к вооруженному посредничеству. Далее царь с негодованием говорил по поводу прокламаций к чехам, вызвавших сочувственные отклики в Польше, и обвинял Бисмарка в пособничестве революции.

Швейниц убеждал царя согласиться предоставить Пруссии возможность основать «государственную систему» в Германии «на консервативных» началах, давая

¹ Из письма Горчакова Убри от 17 (5) июля 1866 г., ЦГАДА, р. XXX, д. 9/32, стр. 236—238.

понять, что такая Германия будет верным оплотом против революционной опасности в Европе и заслоном от «весьма возможного в близком будущем нападения Франции»¹. Разговор со Швейницем показал, что прусское правительство было твердо намерено осуществить задуманные аннексии.

Советы и предостережения царского правительства Бисмарк, по сути дела, обходил, не отвечая на них ничего определенного. И после заключения перемирия прусский министр не пожелал сообщить в Петербург условия предварительного мира, хотя Горчаков настаивал на этом еще ранее². Царское правительство узнало о них через английское министерство³.

Это обстоятельство вызвало у Горчакова подозрение, что Бисмарк и Наполеон III намерены полностью устранить Россию от участия в решении важнейших европейских вопросов, и вынудило царское правительство снова заговорить о конгрессе. После подписания предварительного договора Горчаков решил, что только общеевропейский конгресс «может изменить условия мира».

Выдвигая идею конгресса, царское правительство опасалось, что Наполеон III хочет быть единственным арбитром в германских делах. Горчаков писал, что предоставить в этих условиях Наполеону III роль инициатора значило бы «предоставить ему роль, подавляющую все другие государства»⁴.

Сначала царское правительство предложило, чтобы с приглашением на конгресс к нейтральным державам обратились воюющие стороны, тем более что Австрия сама просила Россию о содействии. Но из этого ничего не вышло. Пруссия и Италия, разумеется, не хотели конгресса, а одна Австрия была бессильна созвать его.

Тогда 30 июля 1866 г. Горчаков обратился с официальным приглашением принять участие в конгрессе. Необходимость его созыва царское правительство моти-

¹ *Schweinitz*, *Denkwürdigkeiten*, Bd. I, S. 240—241.

² Доклад Бисмарка королю от 24 июля 1866 г., *O. Bismark*, *Die Gesammelten Werke*, Bd. VI, S. 79—80.

³ Из письма Горчакова Бруннову от 4 августа 1866 г., ЦГАДА, р. XXX, д. 9/32, стр. 328.

⁴ Там же, стр. 317.

вировало тем, что вопросы, возникшие во время войны, имеют общеевропейское значение и должны быть решены «усилиями всех держав»¹.

Но проект конгресса не поддержала Франция. Еще за несколько дней до русского предложения Наполеон III уверил Будберга в своем желании участвовать в урегулировании территориальных вопросов в Европе и даже вдруг заявил о своем согласии на создание южногерманской конфедерации, связанной с Австрией, но затем заявил, что инициатива созыва конгресса может исходить лишь от воюющих сторон². Это означало отказ, так как из воюющих держав лишь Австрия ничего не имела против конгресса. Пруссия же пыталась обставить свое согласие предварительной гарантией ее территориальных завоеваний. Английское правительство отклонило русское предложение под тем предлогом, что в Италии после войны 1859 г. территориальные перемены уже были осуществлены без конгресса.

Царское правительство пыталось воздействовать на лондонский кабинет, обращая его внимание на чрезмерность прусских требований. Бруннову было поручено передать, что Пруссия желает присоединить не только герцогства, но и Ганновер, Кургессен, Нассау, Франкфурт-на-Майне и часть герцогства Дармштадского, что совершенно изменяет политическое положение в Европе³. Горчаков взывал к торийскому кабинету⁴, указывая на «неизбежное пренебрежение» монархическим принципом, так как северогерманские государи будут лишь «униженными вассалами Пруссии, а некоторые вообще лишатся трона». Но и эти доводы не имели никакого успеха.

Горчаков частично разгадал подлинный мотив отказа лондонского кабинета от конгресса. Англия, писал он, считает сильную Пруссию «лучшим оплотом

¹ Из письма Горчакова королеве вюртембергской Ольге от 30 (18) июля 1866 г., ЦГАДА, р. XXX, д. 9/34, стр. 302—304.

² Копии телеграмм Будберга Горчакову от 28 (16) и 30 (18) июля 1866 г., АВПР. МИД. Канц., 1866, д. 173, л. 250, 253.

³ Письмо Горчакова Бруннову от 4 августа (23 июля) 1866 г., ЦГАДА, р. XXX, д. 9/32, стр. 320.

⁴ Торийский кабинет Дерби—Стенли пришел к власти в Англии в июне 1866 г.

против французского честолюбия»¹. К этому следовало бы добавить, что английское правительство в сильной Пруссии видело также и противовес России. Именно об этом писал Пальмерстон еще в 1865 г. Новый министр иностранных дел — Стенли писал, что «растущее недоверие России, и я подозреваю, также и Франции к Пруссии естественно. Мы испытывали бы то же самое в их положении. Но для нас здесь нет проигрыша, а, скорее, выигрыш в том, чтобы поместить прочный барьер между двумя великими агрессивными державами континента»². Франции конгресс был также не нужен, так как Наполеон III надеялся осуществить свои планы территориальных приобретений путем сговора с Бисмарком. Конгресс мог лишь помешать этому.

3 августа 1866 г. царское правительство сообщило в Берлин, что оно отбросило идею конгресса вследствие уклончивых ответов Англии и Франции и выразило желание достичь прямого соглашения с Пруссией путем специальных переговоров с королевским уполномоченным. Таким образом, планы Наполеона III достичь сговора с Пруссией и сблизиться с Австрией, а также политика Англии, видевшей в Пруссии противовес России и Франции, окончательно побудили царское правительство ответить новым дипломатическим ходом, а именно: пойти по пути прямого соглашения с Пруссией.

Ответ на вопрос, почему Наполеон III отклонил предложение о конгрессе, дают те секретные переговоры, которые он вел в это время с Пруссией о компенсациях. Французское правительство надеялось получить их за счет присоединения немецких владений на левом берегу Рейна или Люксембурга и Бельгии. Понятно, что Франция не могла рассчитывать на благоприятное решение этого вопроса на конгрессе, потому что другие державы были и без того обеспокоены захватнической политикой и усилением Второй империи.

Судя по французским источникам, еще в день под-

¹ Письмо Горчакова Бруннову от 4 августа (23 июля) 1866 г., ЦГАДА, р. XXX, д. 9/32, стр. 323—326.

² W. Mosse, *The European Powers and the German Question 1848—1871*, Cambridge, 1958, p. 249. Стенли уже в августе 1866 г. решил, что Англия не должна мешать будущей войне Пруссии с Францией при условии сохранения нейтралитета Бельгии. (Там же.) Недальновидность этой политики очевидна.

писания в Никольсбурге предварительных условий мира Бенедетти потребовал у Бисмарка уступки прирейнской территории в качестве компенсаций для Франции за ее согласие на значительное увеличение прусских владений. Французское правительство требовало «границ 1814 г.»¹, присоединения Люксембурга при условии уплаты денежной компенсации голландскому королю и присоединения к Франции Баварского Пфальца и левобережных областей Гессен-Дармштадта².

5 августа 1866 г. Бенедетти вручил Бисмарку письменный проект конвенции о компенсациях следующего содержания:

1) Пруссия должна предоставить Франции границы 1814 г.;

2) воздействовать на Баварию и Гессен-Дармштадт с целью обеспечить уступку ими Франции левобережных владений на Рейне;

3) Пруссия отказывается от всяких связей с Лимбургом и Люксембургом и не будет содержать в них военные гарнизоны³.

Бисмарк до поры до времени избегал категорического отказа на требования Наполеона III. Он считал полезным в целях своей политики поддерживать химерические надежды французского императора на согласие Пруссии с этими условиями. Важно было узнать, как далеко зайдет Луи Наполеон в своих требованиях и намерен ли он поддержать их вооруженной рукой. Донесение Гольца, сообщавшее о том, что французская армия не готова к войне и что Наполеон III не решится на подобный шаг⁴, успокаивало Бисмарка на этот счет, но еще не давало твердой уверенности в том, что вооруженное вмешательство Франции не состоится. Чтобы

¹ «Границы 1814 г.» были установлены первым Парижским миром, подписанным державами-победительницами 30 мая 1814 г. (после ссылки Наполеона I на о. Эльбу). По этому миру за Францией оставались пограничные города Ландау, Саарбрюкен, Филиппвиль и другие пункты, отобранные у нее по второму Парижскому миру от 20 ноября 1815 г., после «ста дней» Наполеона I.

² Бенедетти Друэн де Люису, 26 июля 1866 г., *Les origines...*, t. 11, № 3159, p. 219—225.

³ *H. Onken* (Hrsg.), Bd. II, № 245, S. 21; *Les origines...*, t. 11, p. 394.

⁴ Донесение Гольца Бисмарку от 4 августа 1866 г., *H. Onken*, Bd. II, № 243, S. 17.

выяснить обстановку, Бисмарк объявил французские требования противоречащими всему, что раньше обещал Наполеон, и сказал, что вряд ли Пруссия их выполнит¹.

Наталкиваясь на сопротивление Пруссии и отлично понимая, что в случае вооруженного вмешательства он может встретить противодействие и других держав, Наполеон III пытался повлиять на Пруссию путем сложной дипломатической интриги и прежде всего хотел помешать сближению Пруссии с Россией. Наполеон III продолжал двойную игру: добываясь компенсаций от Пруссии, он одновременно возобновил заигрывание с царским правительством, нисколько не отказываясь при этом от враждебного России курса в восточном вопросе, наиболее важном с точки зрения «русских интересов». Не проявляя никакого серьезного намерения к сближению с Россией с учетом взаимных выгод, Наполеон III рассчитывал воздействовать на царское правительство туманными предложениями о сотрудничестве, не конкретизируя его условий, а главное — не отступая от поддержки условий Парижского мира 1856 г. Из этого видно, что целью Наполеона III было не действительное сближение с Россией, а изоляция как Пруссии, так и России с целью обеспечить осуществление аннексионистских планов Второй империи на левом берегу Рейна и упрочить ее влияние на Ближнем Востоке.

В конце июля Наполеон III вновь выразил желание достичь согласия с Россией относительно единой программы действий². Этот шаг, как и все предыдущие, не сопровождался никакими конкретными предложениями и поэтому был понят царским правительством лишь как средство, с помощью которого Наполеон III хотел изолировать Пруссию, чтобы облегчить себе получение компенсаций.

Тем не менее предложение французского императора вызвало у Горчакова серьезные размышления. После провала предложения о созыве конгресса царское правительство должно было наметить для себя дальнейший образ действий. Горчаков писал, что «перед нами

¹ Телеграмма Бисмарка Гольцу от 5 августа 1866 г., *O. Bismark, Die Gesammelten Werke*, Bd. VI, S. 101.

² Горчаков Будбергу, 23 (11) июля 1866 г., ЦГАДА, р. XXX, д. 9/34, стр. 267—269, а также см. письмо Горчакова к королеве Ольге от 30 (18) июля 1866 г., ЦГАДА, р. XXX, д. 9/34, стр. 304.

открыты два пути»: либо «попытаться договориться с Пруссией», если она «пошлет к нам влиятельное лицо с практическим умом», или «принять предложение императора Наполеона, который просит нас прийти к согласию относительно единой программы, чтобы действовать сообща в тот момент, когда откроются переговоры»¹.

Горчаков опасался быстрого усиления военной мощи Пруссии.

Влиятельная часть правительственных кругов в России в принципе стояла за сближение и сотрудничество с Францией. К сторонникам такого сближения принадлежал не только сам Горчаков, но и другие русские дипломаты: посол в Париже Будберг и Убри, занимавший этот пост в Берлине. Династические связи царской фамилии с малыми немецкими дворами не только не содействовали сближению с Пруссией, но и породили сильные антипруссские тенденции².

Но необходимой предпосылкой сближения с Францией мог быть только отказ Наполеона III от условий Парижского мира.

Царское правительство желало сближения с Францией на почве отмены ряда условий Парижского мира и отказа Второй империи от вмешательства в польский вопрос, но считало, что этот путь является, по сути дела, призрачным, поскольку Наполеон III не предлагал ничего определенного. Точно не зная мотивов загадочных предложений императора французов, царь не доверял Наполеону III. Это недоверие к французским предложениям разделял и Горчаков. «Император Наполеон,— писал он царю,— позволил в Никольсбурге осуществиться всем намерениям Пруссии, хотя он мог им воспрепятствовать. Дальнейшие размышления и общественное мнение во Франции с запозданием привели его

¹ Горчаков Бруннову, 4 августа (23 июля) 1866 г., ЦГАДА, р. XXX, д. 9/32, стр. 327—328.

² Против Пруссии действовали: императрица — урожденная принцесса дармштадтская, брат которой — Александр Гессенский командовал гессенскими войсками против Пруссии, королева вюртембергская Ольга (сестра царя) и жена великого князя Константина Николаевича (сестра ганноверского короля). К поддержке Пруссии склонялся царь Александр II и великая княгиня Елена Павловна (теща герцога мекленбургского), Schweinitz, S. 176, 196, 197, 209—211, 221.

к заключению, что преобладание Пруссии невыгодно для Франции, тем более что мысль эта была подхвачена в Англии, где, после того как готовы были погубить Бисмарка, аплодировали ему именно потому, что он создал из сильной Германии плотину против французского честолюбия. Император Наполеон, быть может, попытается вовлечь нас в свою орбиту: 1) чтобы поставить Пруссию между двух огней, в то время когда это будет отвечать его видам, или же 2) чтобы отдать нас на произвол Пруссии, если он пожелает поднять новое движение в Польше, причем он сможет выгодно использовать географическое положение Пруссии»¹.

Явное нежелание Наполеона III войти в откровенные объяснения с царским правительством об условиях, на которые Россия могла бы рассчитывать в случае сближения с Францией, объясняют ту подозрительность, с какой в Петербурге отнеслись к французским предложениям. Царское правительство отлично знало о том, что Наполеон уже долгое время ведет переговоры с Пруссией о компенсациях на левом берегу Рейна. Будберг телеграфировал об этом в Петербург 7 августа (26 июля) 1866 г.² Горчаков советовал царю в переговорах с Францией играть роль «слушателя», чтобы заставить Наполеона III «высказаться до конца» и составить ему ответ в «общих выражениях». «Надо,— писал Горчаков,— засвидетельствовать желание согласия с Францией и желание узнать ее точку зрения на пределы, в которых она хотела бы допустить прусские притязания»³.

В отличие от русского посла в Париже Будберга, который относился к предложениям Наполеона III более доверчиво, считая их вполне серьезными, Горчаков «в туманных заявлениях» французского императора не видел серьезной основы для дальнейших переговоров. В письме от 8 августа 1866 г. Будбергу было поручено заверить Друэн де Люиса, что Россия желает

¹ Горчаков царю, 3 августа (22 июля) 1866 г., ЦГАДА, р. XXX, д. 9/32, стр. 312—314.

² Телеграммы Будберга Горчакову от 7 августа (26 июля) и от 18(6) августа 1866 г., АВПР. МИД. Канц., 1866, № 173, л. 267, и № 172, л. 189—190.

³ Горчаков царю, 3 августа (22 июля) 1866 г., ЦГАДА, р. XXX, д. 9/32, стр. 312—314.

«прочного» и «практического согласия» по основным вопросам, но предварительно необходим «откровенный обмен мнениями», чтобы получить «нить, которой мы не имеем и которую один только император Наполеон может дать в наши руки».

Для выработки общей программы «нам надо знать», писал Горчаков, какие обязательства взяла на себя Франция во время переговоров в Никольсбурге, какие из них «император рассматривает как безусловные» и «каковы те, следствия которых кажутся ему теперь невыгодными для Франции или губительными для европейского равновесия»? Каковы, по мнению Франции, пределы, которые Пруссия может установить для своих территориальных аннексий? Горчаков добавил, что «до сих пор мы не имеем никаких сведений об основах переустройства Германии»¹. Короче говоря, царское правительство желало знать подробное содержание никольсбургских переговоров и отношение Франции к программе прусских аннексий и получить от Наполеона III конкретные предложения относительно условий возможного сближения между Россией и Францией.

Однако попытка царской дипломатии начать с Наполеоном III конкретные переговоры оказалась бесплодной. Французское правительство по-прежнему уклонялось от далеко идущих объяснений с Петербургом, хотя и старалось поддержать видимость заинтересованности в соглашении с Россией с целью оказать давление на Пруссию. В Берлине в это же самое время Бенедетти вел оживленный торг с Бисмарком по вопросу о компенсациях. Своими заигрываниями с царским правительством Наполеон III рассчитывал запугать Бисмарка и сделать его более сговорчивым.

В августе 1866 г. главной целью Наполеона III было вовсе не сближение с Россией, а получение компенсаций на левом берегу Рейна путем соглашения с Пруссией. 4 августа Бенедетти потребовал у прусского правительства согласия на аннексию в пользу Франции левобережных германских земель, но получил отказ. Тогда французское правительство выдвинуло проект создания из этих земель буферного рейнского государства под

¹ Горчаков Будбергу, 8 августа (27 июля) 1866 г., ЦГАДА, р. XXX, д. 9/32, стр. 336—348.

своим контролем, но и это требование было отвергнуто Бисмарком. Однако и после всего этого Наполеон III не думал серьезно о соглашении с Россией. 11 августа прусский посол сообщил из Парижа, что французское правительство готово признать прусские аннексии в Германии, если Пруссия не перейдет Майн¹. Из этого Бисмарк сделал вывод, что Наполеон III не начнет войну. Наконец, 23 августа Наполеон предложил Пруссии заключить оборонительный и наступательный союз на следующих условиях: Франция соглашалась на включение Южной Германии в Северогерманский союз, но взамен желала получить военную помощь Пруссии для присоединения Бельгии к французским владениям².

Прусское правительство отвергло все эти предложения, но использовало их для того, чтобы склонить южно-немецкие государства к союзу с Пруссией против Наполеона III, и в начале августа решило немедленно сблизиться с Россией.

Явное нежелание Наполеона III вступить в серьезные переговоры с царским правительством, а также перспектива сговора Наполеона III с Пруссией о компенсациях и сближения его с Австрией в делах Ближнего Востока занимали весьма важное место среди причин, побуждавших царское правительство к тесному сближению с Пруссией. Критически оценивая возможные пути дальнейшей политики, оно все более склонялось к мысли, что для России «согласие с Пруссией было бы все же наименее невыгодной политикой»³.

Горчаков в записке царю высказался за то, чтобы начать с прусским правительством специальные переговоры.

Это пожелание царского правительства как нельзя больше совпадало с намерениями Бисмарка, который рад был вступить в соглашение с Россией, чтобы решительнее действовать против требований Наполеона III. Прусский министр не желал допустить осуществления

¹ Бисмарк Гольцу 10 августа 1866 г., *O. Bismark. Die Gesammelten Werke*, Bd. VI, S. 117, и *H. Onken*, Bd. II, № 256, S. 37—40.

² Записку Бенедетти с текстом этого проекта от 29 августа 1866 г. см. в кн. *H. Onken* (Hrsg.), Bd. II, № 297, S. 94—95; см. также APP, Bd. VIII, № 10, S. 49—51.

³ Горчаков Бруннову, 4 августа (23 июля) 1866 г., ЦГАДА, р. XXX, д. 9/32, стр. 327—328.

французских проектов и надеялся договориться с царской Россией. В Петербург со специальной миссией из Берлина был отправлен генерал Мантейфель, снабженный инструкциями прусского правительства. Мантейфель должен был подчеркнуть царю, что Пруссия является оплотом консерватизма и монархии в Германии. Он имел полномочие обещать России поддержку в восточном вопросе и пойти на второстепенные уступки в германских делах. Миссия была заранее условлена, но ее детали содержались в тайне. Была пущена в ход лишь общая версия, что Мантейфель посылается в Россию для того, чтобы отклонить царское правительство от мысли о конгрессе¹.

В разговоре с Убри Бисмарк сказал, что Россия могла бы вознаградить себя присоединением Восточной Галиции за счет Австрии и Южной Бессарабии, которую, по его мнению, вернул бы России принц Карл Гогенцоллерн, занявший престол в Бухаресте².

Перед отправлением в Петербург, 7 августа, Мантейфелю была вручена составленная самим Бисмарком инструкция, в которой рекомендовалось отметить натиск общественного мнения в Пруссии, требующего достаточных вознаграждений за понесенные жертвы в войне. «Мы боимся разрыва связей между королем и народом, необеспеченности не только монархического, но и всякого порядка в Германии, если мы заключим мир, обманывающий ожидания нации», — говорилось в инструкции. Мантейфель должен был сообщить русскому правительству о территориальных требованиях Пруссии и добиться его согласия. Чтобы подсластить пилюлю, ему было поручено передать Александру II, что Пруссия не потребует территориальных уступок от Вюртемберга и Ольденбурга и вознаградит Гессен-Дармштадт за потерю Верхнего Гессена землями, расположенными к югу от Майна.

Прусскому правительству через Редерна было известно о желании русских влиятельных кругов освободиться от условий Парижского мира, ограничивавшего права России на Черном море. Бисмарк дал указание

¹ Из письма Горчакова Будбергу от 9 августа (28 июля) 1866 г., ЦГАДА, р. XXX, д. 9/32, стр. 361.

² Донесение Убри от 7 августа (26 июля) 1866 г., АВПР. МИД. Канц., 1866, д. 31, л. 22, 24.

Мантейфелю поддержать эти планы России, но только в том случае, если в переговорах возникнет о них речь¹.

Накануне открытия переговоров с Мантейфелем Горчаков, сомневаясь в правильности избранного пути, вновь попытался выяснить, насколько возможно было в то время действительное сближение России с Францией. В письме к Будбергу от 9 августа вице-канцлер сам изложил в общих чертах те условия, которые, по его мнению, могли стать основой франко-русского соглашения. Вот содержание этого в высшей степени интересного письма.

До сих пор, писал Горчаков, мы только «спрягали глагол» «я желаю», но это «грамматическое упражнение» не есть еще «политические переговоры». «Однако обстоятельства столь серьезны, что с одной и с другой стороны есть основания для более действительного согласия. Мы протягиваем для него руку, но с условием, что если мы поддержим виды императора Наполеона, то он поддержит наши. *Donnant — donnant*. Политика — это сделка, и не я придумал это». Горчаков отмечал, что Наполеон III хорошо знает, как серьезно вести переговоры. Так, в 1859 г. он специально прислал в Варшаву принца Наполеона и дважды посылал своего представителя Ля Ронсьер ле Нури в Петербург.

Переходя затем к конкретным вопросам, Горчаков писал, что Наполеон «желает территориальных компенсаций» за пределами «границ 1814 г.», но его планы могут встретить сопротивление, подобное тому, какое имело место в 1860 г., когда Англия, Австрия и Пруссия предлагали России совместный демарш против присоединения Савойи и Ниццы к Франции. Тогда демарш не удался вследствие отказа царя. Теперь он может иметь успех, «если мы будем в нем участвовать». Горчаков предлагал следующую сделку: Россия может не чинить препятствий планам Наполеона III, если он пойдет навстречу ее интересам в деле отмены тяжелых условий Парижского мира 1856 г. Договор 1856 г., пишет он, «задает нас прежде всего в двух пунктах — уступка части Бессарабии и ограничение наших морских сил на Черном море, т. е. ограничение абсолютных суверенных

¹ Инструкция Бисмарка Мантейфелю от 7 августа и телеграмма Мантейфелю от 9 августа 1866 г., *O. Bismark, Die Gesamten Werke*, Bd. VI, S. 104, 115.

прав. Мы относимся поэтому благоприятно лишь к тем государствам, которые ищут согласия с нами на условиях оказания нам поддержки в деле отмены этих двух статей».

Уступка Бессарабии, продолжает Горчаков, привела к тому, что пограничная линия не опирается на естественный рубеж, каким раньше был Дунай: «с этой стороны нет более границы вообще», и управление таможен не имеет никакой возможности установить ее. «Теперь мы в еще большей мере должны стоять за восстановление наших старых границ, и мы вправе добиваться этого не только для обеспечения наших интересов и достоинства», но и потому, что возвращение России изъятых из-под ее власти населения (в значительной части болгарских выходцев) «отвечает чаяниям последнего»¹. Кроме того, события, происшедшие в дунайских княжествах, и преобразования по пути к независимости от Турции, проводимые там Карлом Гогенцоллерном², свидетельствуют о том, что отдельные статьи договора 1856 г. уже нарушены. «Таким образом, с этой стороны перед нами появится государство, устроенное совсем иначе, чем то, которому была сделана уступка». Горчаков полагал, что «принц Гогенцоллерн сам не станет чинить никаких препятствий, если такова будет цена признания его Россией».

На Черном море, писал Горчаков, «мы придаем особую цену успеху. Мы не питаем никаких завоевательных замыслов против Оттоманской империи, мы не хотим никакой ее части, пока она держится». Россия не желает «какого бы то ни было увеличения территории. Единственное, чего мы хотим,— это чтобы Константинополь не перешел от турок в другие руки, а в случае если бы Оттоманская империя исчезла, стал бы вольным городом. Но мы всегда будем стремиться к отмене статьи, ограничивающей осуществление верховных прав

¹ Горчаков писал, что даже всеобщее голосование — эта «мода дня», — если бы оно было проведено в Южной Бессарабии, «решило бы вопрос в нашу пользу». Письмо Горчакова Будбергу от 9 августа (28 июля) 1866 г., ЦГАДА, р. XXX, д. 9/32, стр. 351—361.

² «Достаточно прочесть статьи новой конституции, которой он принес присягу, чтобы убедиться в этом», — писал Горчаков и добавлял: «Порта торгуется, но кончит уступками». Письмо Горчакова Будбергу от 9 августа (28 июля) 1866 г., ЦГАДА, р. XXX, д. 9/32, стр. 351—361.

императора. Мы используем любую возможность для ее упразднения, и держава, которая поддержит нас в этом деле восстановления, может быть уверена в самых активных наших симпатиях».

В намерения и интересы России, продолжал Горчаков, «не входит восстановление флота на Черном море в его прежних размерах. Мы не имеем в этом надобности. Это более вопрос чести, чем влияния. Чтобы успокоить Порту и облегчить согласие дворов, которые подписали этот злополучный трактат, мы откажемся от условий, которые гарантируют нам закрытие проливов в мирное время. Военные флоты, как и торговые суда, свободно проходили бы из Средиземного в Черное море и обратно. Если обычная в Турции пугливость внушит султану тревогу, то ничто не помешает ему даже в мирное время призвать в Черное море эскадры тех своих союзников, которые будут разделять эти опасения... Вот канва, мой дорогой барон. Это уже не бесплодное спряжение глагола»¹.

Не доверяя Наполеону III, Горчаков не решился предложить эту сделку официально от имени русского правительства и поручил Будбергу при благоприятном случае «лично от себя» изложить все это французскому императору один на один². Он предупреждал посла, что не следует принимать согласие в общих выражениях, так как «практическое соглашение имеет смысл, если разработать в деталях путь его выполнения и гарантировать письменно»³. Убри получил предписание продолжить начатые им в Берлине переговоры с французским послом Бенедетти, уверяя его в том, что не следует позволять Пруссии слишком нарушать «европейское равновесие» в свою пользу⁴.

¹ Письмо Горчакова Будбергу от 9 августа (28 июля) 1866 г., ЦГАДА, р. XXX, д. 9/32, стр. 351—361.

² Горчаков специально предписывал Будбергу не посвящать в эти переговоры Друэн де Люиса. Вскоре Будберг сообщил, что момент для деликатных переговоров, которые ему поручены, оказался совсем неподходящим. (Письмо Будберга Горчакову от 18 (6) августа 1866 г., АВПР. МИД. Канц., 1866, № 173, л. 276—281.)

³ Горчаков Будбергу, 9 августа (28 июля) 1866 г., ЦГАДА, р. XXX, д. 9/32, стр. 351—361.

⁴ Письмо Горчакова Убри от 9 августа (28 июля) 1866 г., АВПР. МИД. Канц., 1866, д. 33, л. 378—380.

Пока Горчаков тщетно нащупывал почву для конкретных переговоров с Наполеоном III, 9 августа Мантейфель прибыл в Петербург и уже вечером был принят Александром II в Петергофе. На вопрос царя об условиях мирных переговоров Мантейфель зачитал инструкцию Бисмарка, содержащую прусскую программу аннексий, которая произвела на царя неприятное впечатление. Александр II заявил, что полное свержение малых династий наполняет его страхом и что это было бы, по его мнению, подрывом монархического принципа. Он порицал союз с Италией и видел «революционную опасность» в создании общегерманского парламента. На это Мантейфель заметил, что Бисмарк умеет обходиться с парламентом. По мнению же Александра II, само слово «парламент» приведет в брожение всю Южную Германию. В Бадене и Дармштадте, сказал царь, уже заявляют о своем желании войти в Северогерманский союз. И хотя Мантейфель на все лады заверял, что в успехах Пруссии следует усматривать гарантию монархического «порядка» в Германии, царь при прощании повторил, что полное свержение с престолов всех династий его страшит¹.

На следующий день, 10 августа, генерал Мантейфель имел длинный разговор с Горчаковым, во время которого была сделана попытка заложить основу русско-прусского соглашения. В начале беседы Горчаков отметил, что возвышение Пруссии вызывает у царя искреннее удовлетворение. Однако прусские требования превзошли все ожидания, сказал вице-канцлер. Если теперь, говорил он, король Вильгельм не пойдет по пути свержения ряда династий и не разрушит авторитета монархической власти, сохранит прежнее положение в южно-немецких государствах, то он достигнет большего могущества и избегнет этим самым конфликта с Францией. Наполеон III не осмелится потребовать уступок, если король будет находиться в согласии со «старой Европой». Горчаков добавил, что подчинение Пруссии северогерманских князей и прусские прокламации к чехам и мадьярам «благоприятствуют революции»².

¹ *H. Sybel, Die Begründung des Deutschen Reiches durch Wilhelm I.*, Bd. V, München und Leipzig, 1890, S. 377.

² Всепод. записка Горчакова царю от 11 августа (30 июля) 1866 г., ЦГАДА, р. XXX, д. 9/33, стр. 7—8.

Царское правительство ставило себе целью добиться сокращения программы прусских аннексий, а если это не удастся, то по крайней мере набить цену согласию России на территориальные изменения в Германии и заставить прусское правительство как следует заплатить за это согласие. Мантейфель отлично это понял и, в свою очередь, заметил, что Россия тоже может получить свою долю выгод. Сначала прусский представитель, подобно генералу Швейницу, попытался перенести внимание царского правительства подальше от Европы, на Среднюю Азию, но Горчаков дал понять, что Россия не нуждается в поддержке Пруссии при осуществлении своих завоеваний в Азии. Не удовлетворился Горчаков и обещанием прусской поддержки в дунайских княжествах. Вот запись этой беседы, собственноручно сделанная на другой день самим Горчаковым:

«Мантейфель. В Азии есть обширные территории, которые могли бы вам подойти.

Горчаков. У нас их достаточно.

Мантейфель. Тогда в Европе. Есть области по соседству с вами, с которыми у вас есть расовая близость.

Горчаков. Вы хотите сказать о русинской Галиции? Мирные прелиминарии решили этот вопрос.

Мантейфель. И о дунайских княжествах?

Горчаков. Лично я не особенно озабочен принцем Гогенцоллерном. Последнее время принц Гогенцоллерн вступил на путь более разумный, чем его предшественник.

Мантейфель. Но есть все же вопросы, в которых можно было бы удовлетворить вас? А договор 1856 года?

Горчаков. Это другое дело. Этот договор не жизнеспособен. Он умрет своей естественной или квазиестественной смертью, и когда речь будет идти о том, чтобы похоронить его, мы убеждены, что Пруссия, которая не имеет никаких непосредственных интересов в этом вопросе, тогда как он задевает наше национальное чувство, даст нам сердечно и со всей решимостью свой голос»¹.

¹ Горчаков царю, 11 августа (30 июля) 1866 г., ЦГАДА, р. XXX, д. 9/33, стр. 7—8.

В ходе переговоров Мантейфель обещал, что Вюртемберг не потеряет даже одного селения, а Дармштадт получит вознаграждение за уступки, которых от него требуют¹.

Донесение Мантейфеля о том, что царь и Горчаков осуждают ликвидацию ряда «законных» династий и видят в этом прямое пособничество революции, привело Бисмарка в бешенство. В ответе прусского министра, датированном 11 августа, содержалась прямая угроза. «Давление извне,— телеграфировал он Мантейфелю,— заставит нас прибегнуть к провозглашению германской имперской конституции 1849 г. и действительно революционным мерам. Если уже суждено быть революции, то лучше мы ее сделаем сами, чем подвергнемся ей». Бисмарк писал, что прусское правительство полностью сошлось с Вюртембергом и Дармштадтом «на справедливых условиях», принятых из «внимания к России». Но если русское правительство не примирится по крайней мере с аннексией Ганновера, Кургессена и Нассау, грозил он, то «мы не придем к согласию и со Штутгартom и Дармштадтом»². Содержание этой телеграммы не стало полностью известным в Петербурге. Мантейфелю не потребовалось прибегать к угрозам, и он счел необходимым лишь в некоторой степени дать понять русским о взглядах Бисмарка, заметив, что при сложившихся обстоятельствах от раздражительного и готового на все министра можно ожидать всяких опасностей³.

Дальнейшие переговоры в Петербурге сопровождались перепиской царя с королем прусским. Александр II пытался воздействовать на своего дядю в духе «умеренности» и предостеречь от «крайних» мер, наносящих ущерб монархическому принципу и способствующих, по его мнению, революции. В письме от 12 августа (31 июля) царь снова распространялся о сохранении принципов монархического строя и выражал беспокойство по поводу низложения немецких династий и учреждения германского парламента — «провозвестника революции». Но письмо царь кончал уверением, что Россия

¹ Телеграмма Горчакова Убри от 10 августа (29 июля) 1866 г., АВПР. МИД. Канц., 1866, д. 33, л. 144.

² Телеграмма Бисмарка Мантейфелю от 11 августа 1866 г., O. Bismark, Die Gesammelten Werke, Bd. VI, S. 120.

³ H. Sybel, цит. соч., стр. 379—380.

и Пруссия — «естественные союзники» и что даже если слова его не будут приняты во внимание, то и тогда Россия «не примкнет к противникам Пруссии»¹. Мантейфель считал эту фразу главной в письме и заключал, что «мы можем делать то, что хотим»².

Под впечатлением царского письма прусский король хотел заменить полную аннексию Ганновера, Нассау и Кургессена частичной, но Бисмарк категорически этому воспротивился. В дальнейшем он согласился лишь с тем, что Пруссия «из уважения к России» «не тронет» Гессен-Дармштадт и Вюртемберг и может предоставить ганноверскому наследному принцу наследование в Брауншвейге, а кургессенскому дому — в Гамбурге, о чем и было сообщено в Петербург. Боясь, что король пойдет и дальше по пути уступок, Бисмарк сам составил проект ответа на письмо царя, в котором полностью отвергал его опасения насчет революции и заявлял, что именно сильная Пруссия и явится гарантией против революции в Германии. Письмо Вильгельма I от 20(8) августа заканчивалось припиской, что король будет рассматривать интересы России как интересы «самого старинного и самого близкого союзника Пруссии».

Приписка эта была вызвана сообщением Мантейфеля о том, что Горчаков якобы намекал на желательность союза между Россией и Пруссией. В ответ на это Бисмарк писал в Петербург, что Пруссия не против «практического соглашения в отношении возможных событий», и предписывал Мантейфелю «позондировать», сможет ли Россия «держатъ Австрию под шахом», если возникнет война Пруссии с Францией. «В этом случае,— писал он,— мы пошли бы на обязательства. Наша твердость зависит от того, что мы в таком случае могли бы ожидать от России»³. Таким образом, Пруссия желала не только получить согласие царского правительства на территориальные аннексии в Германии, но и использовать Россию в борьбе против Франции. На таких усло-

¹ С. С. Татищев, Император Александр II, его жизнь и царствование, т. II, 1903, стр. 60. Тексты этого письма царя и ответа короля от 20(8) августа 1866 г. см. АВПР. МИД. Канц., 1866, д. 169, л. 68—75 и 8—10.

² О. Bismark, Die Gesammelten Werke, Bd. VI, S. 131—132, 139.

³ Телеграмма Бисмарка Мантейфелю от 21 августа 1866 г., О. Bismark, Die Gesammelten Werke, Bd. VI, S. 139—140.

виях Бисмарк не прочь был заключить военный союз с Россией, обещая взамен поддержку в ближневосточных делах.

Но царское правительство уклонилось от предложенного Пруссией военного союза против Франции.

Горчаков писал, что «положение на Востоке и интересы, которые там имеет Россия», обсуждались в Петербурге во время миссии Мантейфеля «не по нашей инициативе, а по инициативе графа Бисмарка. Президент Совета министров желал сделать из этого предмет сделки, но цена, которую он потребовал, или, скорее, на которую он намекал, превосходила ценность поддержки, которую географически могла нам предложить сама Пруссия. Этой ценой было обязательство материальной помощи с нашей стороны в случае разрыва между Пруссией и Францией». Горчаков сказал Мантейфелю, что моральная поддержка, которую Россия только и может ожидать от берлинского кабинета в восточном вопросе, «ни в какой мере не была бы достаточна, чтобы вовлечь силы России в конфликт, вызванный исключительно интересами Пруссии». Со своей стороны, Горчаков заметил ему, что «уверенность быть вполне обеспеченной с тыла в случае борьбы с Францией была бы для прусского правительства неизмеримым преимуществом, которое мы ему гарантируем без всякого вознаграждения с его стороны»¹.

Таким образом, царское правительство отказалось заключить с Пруссией военный союз и взять на себя обязательства материальной помощи на случай войны с Францией. Горчаков прямо сказал Мантейфелю, что подобного рода соглашение будет выгодно Пруссии, но не России. Занятое проведением внутренних реформ в условиях финансовых затруднений и военной неподготовленности, царское правительство боялось, что Бисмарк, заручившись обязательствами со стороны России, в любое время может втянуть ее в конфликт с Францией, что было в высшей степени нежелательным с точки зрения русских интересов. Правда, царская Россия в то время не только не собиралась мешать Пруссии в ее борьбе с Наполеоном III, но обещала на

¹ Горчаков Убри, 21 (9) августа 1866 г., ЦГАДА, р. XXX, д. 9/33, стр. 72—75.

время войны гарантировать ей тыл, что было очень важно для Пруссии. Горчаков подчеркивал, что эта гарантия будет обеспечена прусскому правительству, «поскольку результаты доброжелательства к нам Пруссии еще в перспективе»¹. Результаты своих переговоров с Горчаковым по этому вопросу генерал Мантейфель телеграфировал Бисмарку в следующих словах: «Зондировал. Князь Горчаков не дал никаких определенных обещаний, но, Ваше превосходительство, можете уверенно действовать против Франции»².

Переговоры России с Пруссией во время миссии Мантейфеля закрепили ту линию в политике царского правительства, которая наметилась ранее, когда рухнула надежда на сближение России с Францией. Политически изолированная царская Россия желала получить поддержку Пруссии в восточном и польском вопросах и, главным образом, в деле упразднения Парижского мира 1856 г. Дорожа отношениями с Пруссией, царское правительство не стало противиться осуществлению прусских планов объединения Германии под своим господством, получив взамен обещание поддержки в восточном вопросе.

В письме Александра II королю Вильгельму, переданном через Мантейфеля при его возвращении в Берлин, хотя и указывалось, что ущерб монархическому принципу не станет меньше от того, что он будет нанесен «рукой королевской власти, а не революции», но в заключение «добросердечно» заявлялось, что если его слова и на этот раз не найдут уважения, то Россия все-таки не присоединится к врагам Пруссии. Кроме того, царь высказался здесь более ясно, чем Горчаков в разговоре с Мантейфелем 10 августа, по поводу тягостных для России пунктов Парижского мира 1856 г. в том смысле, что от Пруссии он желал бы получить обязывающее обещание будущей помощи³.

После миссии Мантейфеля царское правительство продолжало попытки достичь «взаимопонимания» с

¹ Горчаков Убри 21 (9) августа 1866 г., ЦГАДА, р. XXX, д. 9/33, стр. 72—75.

² Телеграмма Мантейфеля Бисмарку от 24 августа 1866 г., APP, Bd. VIII, № 3, S. 41.

³ Письмо Александра II королю Вильгельму от 24 (12) августа 1866 г., APP, Bd. VIII, № 5, S. 42—43.

Наполеоном III по основным вопросам. Царский посол в Вене Штакельберг считал расчеты на сближение с Францией несбыточными. Горчаков же и царь, отдавая предпочтение сближению с Пруссией, считали нужным параллельно добиваться улучшения отношений с Францией¹. Инструкции Будбергу давались в духе прежних, а Наполеон III сделал некоторые заверения в пользу царизма. Так, например, он заявил Будбергу, что России «никакая опасность не угрожает со стороны Польши» в смысле вмешательства Франции.

Но это был как раз тот вопрос, в котором царское правительство уже мало нуждалось в уступках. Горчаков не считал заявления французского императора абсолютной гарантией, но полагал, что и без этого Наполеон III «в ближайшие два года» не сможет нарушить мир, а тем временем Россия будет завершать дело «слияния Польши с империей»².

Гораздо более важным для России, с точки зрения царского правительства, было достигнуть согласия с Францией на Востоке, где положение к концу 1866 г. весьма обострилось в связи с событиями на Крите и в Сербии³. Согласие с Францией, «должно быть, установлено на Востоке», писал Горчаков царю⁴. Но именно в этом вопросе Наполеон III и не желал пойти навстречу русским интересам. Он отказывался от главного — отмены Парижского мира, ущемлявшего права России на Черном море. И в других вопросах Ближнего Востока французская дипломатия всячески противодействовала России, стремясь вытеснить оттуда ее влияние и за-

¹ Письмо Горчакова Убри от 15 (3) августа 1866 г., АВПР. МИД. Канц., 1866, д. 33, л. 439—442.

² Доклад Горчакова царю от 27 (15) ноября 1866 г. (ЦГАДА, р. XXX, д. 9/33, стр. 265—266) и письмо Горчакова Будбергу от 28 (16) августа 1866 г. (АВПР. МИД. Канц., 1866, д. 173, л. 506—508.)

³ В августе 1866 г. население о. Крита восстало против турецкого господства. Там было создано национальное собрание и временное правительство. Критяне требовали присоединения острова к Греческому королевству. В сентябре 1866 г. Крит торжественно провозгласил свою независимость от Турции и свое присоединение к Греции. Порты предприняла репрессии против Крита, но восставшие не поддавались, и борьба затянулась на долгие месяцы. Этими событиями воспользовалась Сербия, потребовавшая в октябре 1866 г. эвакуации из ее крепостей турецких гарнизонов.

⁴ Доклад Горчакова царю от 27 (15) ноября 1866 г., ЦГАДА, р. XXX, д. 9/33, стр. 266.

менить его своим. Горчаков писал Будбергу, что французский посол в Константинополе Мустье восстанавливал турецкое правительство против России, обвиняя ее в подстрекательстве балканских народов к восстаниям, и стремился резервировать исключительно за Францией роль вершителя судеб Востока¹.

Все эти неблагоприятные для России акты Наполеон III старался прикрыть дружелюбными заявлениями относительно желания Франции достичь согласия с Россией в делах Востока. В ноябре 1866 г. французское правительство предложило Горчакову заключить соглашение для совместных действий в критском и сербском вопросах с целью «умиротворения» Крита и облегчения положения христианского населения Османской империи и просило его внести на этот счет свои предложения². Таким образом, французская дипломатия стремилась создать видимость заинтересованности в сотрудничестве с Россией в делах Ближнего Востока, в то время как тайно оказывала ей всяческое противодействие. Заигрывание французского императора с Россией имело целью обеспечить благожелательное отношение царского правительства к проискам Франции на Западе. Дело в том, что Наполеон III продолжал в это время добиваться компенсаций от Пруссии.

Несоответствие действий французской дипломатии на Востоке дружелюбным заявлениям Наполеона III побуждало царское правительство не доверять политике Второй империи и подозревать наличие у нее тайных корыстных целей. Вот что писал Горчаков по поводу ноябрьских предложений Парижа: «Всякий раз, когда французское правительство нуждается в том, чтобы хитростью снискать нашу благожелательность к соображениям своей европейской политики, оно ослепляет наши глаза миражем согласия в делах Востока, чтобы употребить затем во зло откровенные излияния, вызванные этим согласием, и скомпрометировать нас перед Англией и Турцией»³.

¹ Горчаков Будбергу, 14 (2) октября 1866 г., ЦГАДА, р. XXX, д. 9/33, стр. 125.

² Доклад Горчакова царю от 27 (15) ноября 1866 г., ЦГАДА, р. XXX, д. 9/33, стр. 270.

³ Письмо Горчакова Будбергу от 28 (16) ноября 1866 г., ЦГАДА, р. XXX, д. 9/33, стр. 284.

Наполеоновская политика вызывала недоверие царского правительства еще и в связи с намечавшимся сближением Франции с Австрийской империей, старинной соперницей царской России на Балканах. Горчаков предписывал Штакельбергу узнавать и следить в Вене за политикой австрийского правительства и за его отношениями с Францией: «Это — черная точка на горизонте»¹, — писал он.

Совершенно другой точки зрения в оценке политики Наполеона III придерживался русский посол в Париже Будберг, относившийся к французским предложениям весьма внимательно. В отличие от Горчакова, считавшего Восток «центральным пунктом активности» французского императора, Будберг полагал, что восточный вопрос для Наполеона III является лишь «важным пунктом, который послужит ему для того, чтобы урегулировать общие вопросы его политики в целях обеспечения более непосредственных интересов Франции»². Посол считал, что Наполеон III действительно заинтересован в сотрудничестве с Россией на Ближнем Востоке и что русские интересы могут встретить с его стороны известное понимание, но взгляд этот не подтвердился.

Двусмысленность политики Наполеона III побуждала Горчакова отнестись с большой осторожностью к французскому предложению о совместных действиях в восточном вопросе. Он предпочитал предоставить инициативу французскому правительству, но заявил о готовности России «обсудить откровенно любое предложение, сделанное французским кабинетом». Критское восстание казалось Горчакову признаком скорого краха Турецкой империи. В этих условиях он полагал, что открыто заговорить в Париже о стремлении России к отмене договора 1856 г. значило бы «просить услуги» у французского правительства, вряд ли необходимой, так как вследствие «вероятных и возможно близких перемен в Оттоманской империи договор 1856 г. падет сам собой». С другой стороны, продолжал он, не следует показывать особой заинтересованности, забывая об интересах «наших единоверцев». В конечном итоге Горчаков склонялся к тому, чтобы

¹ Горчаков Штакельбергу, 23 (11) апреля 1866 г., ЦГАДА, р. XXX, д. 9/33, стр. 76—78.

² Горчаков Будбергу, 14 (2) октября 1866 г., ЦГАДА, р. XXX, д. 9/33, стр. 132.

поручить русскому послу заявить в Париже, что царское правительство «лично не заинтересовано в Востоке и имеет в виду только улучшение участи христиан» и что в этом отношении оно готово приступить к общим действиям с Францией с целью добиться уступки Крита Греции¹. Сербский вопрос он предлагал пока обойти молчанием. В этом духе и были даны инструкции Будбергу.

Переговоры по этим вопросам велись между Парижем и Петербургом в течение нескольких месяцев, но не дали существенных результатов в смысле более тесного сближения между обеими державами. В конце декабря 1866 г. Горчаков писал русскому послу в Константинополе Игнатьеву, что в деле установления согласия на Востоке «на Францию» он рассчитывает «менее всего»². В ходе переговоров начали выявляться истинные намерения Наполеона III. Так, в январе 1867 г. он потребовал от царского правительства, чтобы взамен совместных действий в сербском и греческом вопросах Россия заняла «откровенно сочувственную позицию по отношению к интересам Франции на Западе». В связи с этим Горчаков потребовал от французского посла объяснения, в чем состоят «виды Франции на Западе». Что касается соглашения по восточному вопросу, то французское правительство заявило, что оно готово «сойтись» с Россией в намерении 1) «не давать хода восточному вопросу», 2) предоставить серьезные «гарантии» жизнеспособности Турецкой империи — материальные и моральные, 3) помочь Турции выйти из финансовых затруднений.

Редакцию первых двух пунктов Горчаков нашел неясной и просил их расшифровать. Относительно же финансовой помощи Турции он сказал, что русские капиталисты «найдут наилучшее применение своих капиталов по преимуществу во внутренних железных дорогах, в сооружениях которых столь сильно заинтересованы национальная торговля и промышленность»³.

¹ Доклад Горчакова царю от 27 (15) ноября 1866 г., ЦГАДА, р. XXX, д. 9/33, стр. 270—274.

² Горчаков Игнатьеву, 24 (12) декабря 1866 г., ЦГАДА, р. XXX, д. 9/33, стр. 356.

³ Всепод. записка Горчакова царю от 3(19) января 1867 г., ЦГАДА, р. XXX, д. 9/34, стр. 155—159.

В действительности же Горчаков не желал проникновения в Турцию французских капиталов, понимая, что в этом отношении Россия ни в коей мере не может конкурировать с Францией. Горчаков находил, что экономическая экспансия Франции в Турецкой империи лишь усилит зависимость последней от западных держав в ущерб интересам России. Французские предложения он считал не заслуживающими никакого доверия, так как французское правительство явно уклонялось даже от малейших намеков на возможность пересмотра Парижского договора 1856 г. и поощряло притязания Австрии на Боснию и Герцеговину.

Таким образом, заигрывания Наполеона III с царским правительством относительно возможности совместных действий России и Франции в делах Востока вовсе не означали отказа французского императора от неблагоприятного русским интересам курса в восточном вопросе. Они преследовали определенную цель — добиться поддержки со стороны французских притязаний на территориальное расширение Франции в Западной Европе.

Совершенно ясно, что позиция правительства Наполеона III содействовала сближению царской России с Пруссией. Находясь под впечатлением донесений Игнатьева, сообщавшего из Константинополя о том, что французская дипломатия всячески старалась подорвать позиции России на Балканах и скомпрометировать русское правительство перед Турцией, Горчаков писал: «Чем более я изучаю политическую картину Европы, тем более я убеждаюсь, что серьезное и тесное согласие с Пруссией есть наилучшая комбинация, если не единственная»¹. Осенью 1866 г. царское правительство заметно усилило внимание к Пруссии и в связи с напряженным положением в царстве Польском, но главной проблемой, занимавшей царское правительство был восточный вопрос. В середине октября Горчаков написал Бисмарку письмо, в котором уверял, что, несмотря на мелкие разногласия, намерения России поддерживать «самые интимные отношения» с Пруссией «непоколебимы»².

¹ Горчаков Убри, 11 октября (29 сентября) 1866 г., ЦГАДА, р. XXX, д. 9/33, стр. 115.

² Письмо Горчакова Бисмарку от 15 (8) октября 1866 г., АРР, Bd. VIII, № 73, S. 130—131.

Прусское правительство, со своей стороны, тоже стремилось закрепить свои связи с Россией. Вынашивая планы войны с Францией, Бисмарк стал усиленно проводить начатую заблаговременно политику более тесного сближения с Петербургом, не теряя надежды добиться в конечном итоге военного союза с Россией. Русская помощь была особенно нужна Пруссии в связи с подготовкой австро-французской коалиции. В ноябре 1866 г. в Петербург прибыл прусский кронпринц. Переговоры, которые он вел с царем, имели целью дальнейшее укрепление русско-прусских отношений и, несомненно, были связаны с обострением франко-прусских отношений и резко обозначившегося к этому времени сближения Наполеона III с Австрией. Вполне вероятно, что это была со стороны Пруссии новая попытка добиться от России военных обязательств на случай войны с Францией.

Поездка прусского принца в Петербург вызвала в западноевропейской печати толки о русско-прусском военном союзе, что, однако, не соответствовало действительности. Подытоживая результаты этих переговоров, Горчаков писал Убри, что между Россией и Пруссией достигнуто «согласие», но «нет сформулированного союза». Вице-канцлер повторил, что «подобного рода союз был бы скорее к выгоде Пруссии, чем в непосредственных интересах России»¹. Таким образом, и на этот раз царское правительство отказалось заключить военный союз с Пруссией.

Провожая на вокзал принца прусского, царь просил передать королю, что он «никогда не будет среди его противников» и, со своей стороны, надеется, что король «никогда не будет участвовать во враждебных России комбинациях». Восточный вопрос даст случай «согласия в будущем», сказал Александр II и заметил, что он не ищет на Востоке территориальных приращений, а только «хочет возвратить то, что было у него отнято Парижским договором». В заключение царь подчеркнул, что, по его мнению, Россия и Пруссия не нуждаются в письменном договоре, так как слов «вполне достаточно»².

¹ Горчаков Убри, 17 (5) ноября 1866 г., ЦГАДА, р. XXX, д. 9/33, стр. 233—234.

² Горчаков Убри, 22 (10) ноября 1866 г., ЦГАДА, р. XXX, д. 9/33, стр. 253—254. После отъезда прусского кронпринца из Пе-

Сущность политики царского правительства в связи с австро-прусской войной можно кратко резюмировать в следующих выводах.

Как и в 1864 г., военная неподготовленность и финансовая слабость царского правительства, а также занятость внутренними делами побуждали его к продолжению политики нейтралитета и воздержания от вооруженного вмешательства в войны, происходившие в Западной Европе. К той же политике царское правительство побуждали завоевание Средней Азии и внешнеполитическая изоляция царизма, вызванная обострением англо-русских и русско-французских противоречий в связи с польским и особенно восточным вопросом.

Царское правительство, как и в 1864 г., предпочитало сохранение в Западной Европе статус-кво на основе реакционной «системы 1815 г.», т. е. сохранение в прежнем виде Германского союза и австро-прусского «дуализма» в Германии, но не в силах было уже поддерживать эту систему. Опасаясь подъема революционного движения в Германии, оно предпочитало объединение Германии под властью Пруссии победе либеральных и революционных движений. Буржуазные правительства Англии и Франции также видели в Пруссии оплот против революции.

Царское правительство считало, что в дальнейшем последствия усиления Пруссии на Балтийском море, а также у западных границ царской России могут стать весьма невыгодными для последней. Но на ближайшее время усиление Пруссии рассматривалось в Петербурге как создание известного противовеса политике участников крымской коалиции, желавших увековечить тяжелые и невыгодные для России условия Парижского мира 1856 г. В то же время между прусским и царским правительствами не было никакого предварительного сговора относительно австро-прусской войны.

Петербургская русская официальная печать распустила слухи о заключении союза между Россией и Пруссией, а прусская печать сделала опровержение. Горчаков был очень раздосадован этим угодничеством прусской печати перед Наполеоном III и сказал об этом Редерну. (Редерн Бисмарку, 24 ноября 1866 г., APP, Bd. VIII, № 99, S. 158—159.)

Правительство Наполеона III вплоть до битвы у Садовой и даже после нее, до отказа Бисмарка от уступок в пользу Франции на Рейне, поощряло политику Пруссии, направленную против Австрии и малых северогерманских государств. Эта политика велась, исходя из ошибочного расчета на затяжную войну Пруссии с Австрией, в надежде на поражение Пруссии или взаимное ослабление обоих противников. Правительство Наполеона III ставило своей целью сговор с Пруссией о компенсациях на Рейне, а также изоляцию России и сближение против нее с Пруссией и Австрией. Английский кабинет, со своей стороны, поощрял усиление Пруссии, видя в ней потенциального противника Франции и России. В таких условиях царское правительство крайне опасалось франко-пруссского сближения против России и тоже избегало обострения отношений с Пруссией.

Влиятельная часть правительственных кругов России предпочитала сближение с Францией на основе отказа последней от поддержки Парижского мира. Но нежелание правительства Наполеона III пойти в этом вопросе на уступки России и его попытки обострить русско-пруссские отношения способствовали тому, что при царском дворе в августе 1866 г. был принят курс на сближение с Пруссией. Династические связи петербургского двора с берлинским не имели при этом решающего значения. Более того, родственные отношения царской фамилии с малыми немецкими дворами, служившими точками опоры русского влияния в Германии, побудили царское правительство добиться сохранения целостности Вюртемберга и других малых немецких государств, т. е. противодействовать политике Бисмарка и ограничивать ее.

Миссия Мантейфеля привела к укреплению русско-пруссских отношений на основе устного соглашения о том, что Пруссия будет поддерживать отмену наиболее тяжелых для России статей Парижского мира. При этом царское правительство согласилось не мешать созданию Северогерманского союза во главе с Пруссией, но отказалось от военного союза с Пруссией против Франции и продолжало поиски контакта и соглашения с последней по восточному вопросу.

Начиная с августа 1866 г. значение поддержки Пруссии Россией резко возросло, в то время как политика правительства Наполеона III повернула к сближению с Австро-Венгрией. Английское правительство поощряло великодержавные замыслы Пруссии в расчете на ослабление Франции и России. В августе — сентябре 1866 г. в Европе уже наметилась расстановка сил, приведшая к франко-прусской войне 1870—1871 гг. Агрессивная и реакционная сущность политики Англии, правительства Наполеона III и царской России и взаимные противоречия этих государств содействовали победе прусского пути объединения Германии.

Хотя объединение Германии само по себе было историческим прогрессом, так как оно отвечало потребностям развития производительных сил и рабочего движения в Германии, но форма этого объединения была реакционна, и превращение Германии в милитаристскую юнкерско-буржуазную империю препятствовало демократическому развитию немецкого народа и создало угрозу кровопролитных войн как для него самого, так и для соседних стран.

РУССКАЯ ПОМЕЩИЧЬЕ-БУРЖУАЗНАЯ ПЕЧАТЬ И ВОЙНЫ ПРУССИИ ЗА ОБЪЕДИНЕНИЕ ГЕРМАНИИ «СВЕРХУ»

в 1864—1866 гг.

1. Позиция помещичье-буржуазной печати в общих вопросах внешней политики России в 1864—1866 гг.

Отношение России к прусским войнам и проблеме объединения Германии нельзя полностью выяснить, ограничиваясь только изучением дипломатии царского правительства. Политика царского правительства выражала интересы правящего класса — русских помещиков и подвергалась воздействию со стороны буржуазии, особенно с тех пор как правящие круги царской России не могли уже обходиться без определенных уступок капиталистическому развитию. Среди помещиков и капиталистов России имелись различные группировки, отношение которых к политическим вопросам отличалось разными оттенками и между которыми возникали те или иные разногласия.

В русской печати получила выражение позиция различных классов и групп русского общества. В общественном движении 60-х годов в России В. И. Ленин видел две исторические тенденции, две исторические силы: либералов, которые составляли с крепостниками один лагерь, и, с другой стороны, революционных демократов. Подчеркивая близость крепостников и либералов, Ленин писал: «Пресловутая борьба крепостников и либералов, столь раздутая и разукрашенная нашими либеральными и либерально-народническими историками, была борьбой *внутри* господствующих классов, большей частью *внутри* помещиков, борьбой *исключительно* из-за меры и формы *уступок*»¹.

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 17, стр. 96.

Те же две тенденции противостояли друг другу и в оценке внешнеполитических вопросов, в частности событий, происходивших в Германии. Несмотря на серьезные расхождения по отдельным вопросам между либералами и крепостниками, взгляды всего помещичье-буржуазного лагеря имели общую основу, состоявшую прежде всего во враждебности всего этого лагеря к революционным движениям, в антидемократическом характере его позиций и защите помещичьего землевладения и монархии в той или иной форме. Именно это и дает основание рассматривать либеральные и консервативные органы помещичье-буржуазной печати как выразителей двух течений внутри одного помещичье-буржуазного лагеря.

Одним из влиятельнейших реакционных органов помещичье-буржуазной печати 60-х годов была газета «Московские ведомости», перешедшая в 1863 г. в руки М. Н. Каткова. К этому времени Катков покончил с былым либерализмом и «англomанией» и уже во время первого демократического подъема в России — в начале 60-х годов XIX в. повернул «к национализму, шовинизму и бешеному черносотенству»¹. Газету «Московские ведомости» А. И. Герцен называл органом «неокрепостников», а самого редактора — «господином с английским пробором (впрочем назади)»².

Принадлежность Каткова к лагерю открытой реакции особенно ярко проявилась во время польского восстания, когда он в шовинистическом угаре яростно требовал немедленного и беспощадного его подавления. Охранительные и монархические идеи, пронизывающие статьи Каткова, вполне совпадали с устремлениями господствующих помещичьих кругов. В. И. Ленин характеризовал Каткова как «верного сторожевого пса самодержавия»³, а его газету — как орган воинствующего реакционного направления. Необходимо отметить, что М. Н. Катков признавал необходимость «реформ сверху» для спасения самодержавно-помещичьего строя, но уже в 1864 г. стал призывать к ограничению этих преобразований.

«Московские ведомости» с 1863 г. начали играть видную роль и пользовались влиянием среди реакцион-

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 18, стр. 250.

² «Колокол», 1 октября 1865 г.

³ В. И. Ленин, Соч., т. 5, стр. 264.

ной части русского общества и в правительственных сферах. Современники Каткова даже склонны были крайне преувеличивать его влияние¹.

Близко к «Московским ведомостям», но еще правее их стояла еженедельная газета «Весть»², орган самых ярых крепостников, недовольных реформой и стремившихся к укреплению дворянской гегемонии в России. «Весть» полностью отстаивала реакционную систему Николая I³.

Наиболее влиятельным и распространенным органом русской умеренно-либеральной прессы 60-х годов была ежедневная петербургская газета «Голос» — издание известного газетного предпринимателя А. А. Краевского. Помещичье-буржуазная, либеральная газета «Голос» являлась воплощением трусливого русского буржуазного либерализма, со всеми его чертами, так метко подмеченными В. И. Лениным. Многословие, краснобайство, слепое преклонение перед властью и престолом, страх перед народным движением — все это было в высшей степени характерно для «Голоса». Несмотря на прогрессивную фразеологию, либеральный «Голос» нередко тянулся за охранительным направлением «Московских ведомостей», что было едко подмечено Н. П. Огаревым. Газета была связана с буржуазными кругами, в частности с крупным железнодорожным предпринимателем Поляковым и либеральничавшими помещиками, но в то же время была близка и к правительству. Связь «Голоса» с министром внутренних дел П. А. Валуевым и министром просвещения А. В. Головниным считалась несомненной. Газета нередко помещала опровержения по поводу слухов о получении ею правительственных субсидий. Правительство поощряло деятельность этой газеты с явной целью противопоставить ее революционному движению. В более поздний период (в 80-х годах) газета «Голос» в вопросах внешней политики закулисно направлялась министерством иностранных дел.

¹ См. А. В. Никитенко, *Дневник*, т. 2, 1955, стр. 395, и т. 3, 1956, стр. 105. См. также Е. М. Феоктистов, *За кулисами политики и литературы*, Ленинград, 1929, стр. 64—65.

² Политическая и литературная газета «Весть» издавалась в Петербурге с 1863 по 1870 г. Редакторами ее были закоренелые петроградцы В. Д. Скарятин и Н. Н. Юматов.

³ См. «Весть» № 33, 25 декабря 1865 г.

По вопросам внешней политики газета отражала интересы той части помещичье-буржуазных кругов, которые призывали к активизации русской политики на Ближнем Востоке.

Из других значительных органов либеральной печати, уделявших внимание международной политике, следует отметить газету «С.-Петербургские ведомости», издававшуюся (с 1863 по 1874 г.) В. Ф. Коршем, представителем умеренного, половинчатого либерализма; журнал «Вестник Европы», начавший выходить с 1866 г. (редактор и издатель — М. М. Стасюлевич); «Отечественные записки» (издание А. А. Краевского); газету «День», орган славянофилов, издававшуюся в Москве И. С. Аксаковым; «Русские ведомости», «Биржевые ведомости» и др.

В освещении международной политики консервативная и либеральная печать в целом ясно отдавала себе отчет в том, что после Крымской войны роль и значение России в международных отношениях Европы резко упали. Царизм перестал быть арбитром в международных отношениях Европы и начал утрачивать свое самостоятельное значение. Рухнула и система «Священного союза» с ее принципом монархической солидарности. Намечавшееся после войны сближение с Францией провалилось. Россия оказалась политически изолированной. Кроме того, со времени Парижского трактата влияние царской России на Балканах было подорвано и господствующей силой на Ближнем Востоке были западные державы — Англия, Франция и Австрия. Царское правительство и правящие круги вынуждены были нащупывать новую ориентацию в международной политике в обстановке, которая еще более осложнилась в связи с событиями 60-х годов в Германии.

Все это вызвало повышенный интерес к внешней политике. Важнейшей темой было ослабление международного положения России и враждебность к ней западноевропейских государств — участников крымской коалиции. Проблемы эти находились в центре внимания еще с 1855—1856 гг., но стали еще более острыми после польского восстания 1863 г.

Все политические группировки помещичье-буржуазного лагеря понимали, что падением значения России в международных делах воспользовались другие великие державы для усиления своего влияния. «К сожалению

нию, нельзя отрицать,— писали «Московские ведомости»,— что со времени Парижского мира 1856 г. внешнее положение России кажется более слабым, чем прежде¹. Ломку «трактатов 1815 г.» газета связывала с дальнейшим ослаблением позиций России в Западной Европе.

Но особенно серьезный ущерб для России помещичье-буржуазная пресса усматривала в падении ее влияния на Ближнем Востоке. Усиление на Ближнем Востоке позиций Англии и «постоянно возрастающее»² влияние Франции вызывали беспокойство русской печати.

Но сознание внутренней слабости России: занятость царского правительства проведением реформ, финансовые затруднения, военная неподготовленность, страх перед возможностью повторения революционной ситуации внутри страны, а также восстаний в западном крае — все это вынуждало помещичье-буржуазные круги признать необходимым для России сосредоточение всех сил и средств внутри страны, а вследствие этого невозможным проведение активной внешней политики на Западе. Линия эта совпадала с общим направлением внешней политики царского правительства, провозглашенной Горчаковым еще в 1856 г., в момент его вступления на пост министра иностранных дел. Выдвижение на первый план задач внутреннего преобразования страны и отказ от вмешательства в дела Западной Европы ради поддержания во что бы то ни стало принципа монархической солидарности и легитимизма, о чем указывалось в циркуляре Горчакова от 21 августа 1856 г., рассматривались большинством газет как «национальная политика», соответствующая «национальным» интересам России в их классовом, помещичье-буржуазном понимании. Этот основной тезис в различных вариантах широко пропагандировался в помещичье-буржуазных органах разных направлений. «Московские ведомости» заявляли о необходимости устремить все силы России «к внутреннему преуспеянию»³.

¹ «Московские ведомости» № 193, 1865 г.

² «Голос» № 54, 1865 г.

³ «Московские ведомости» № 185, 235, 1864 г.; см. также № 149, 165, 1864 г.

Та же мысль широко пропагандировалась и в либеральной прессе. «Голос» в 1864—1866 гг. без устали твердил, что Россия нуждается «в мире и спокойствии для развития своего внутреннего благосостояния, для успешного хода своих реформ, для водворения порядка и свободы»¹, т. е. для либерально-буржуазных преобразований. Газета указывала далее, что к политике воздержания от войн в Европе Россию обязывает и ее финансовая и экономическая слабость. О том, что России нельзя жертвовать «безостановочным развитием» внутренних дел ради интересов внешней политики, писал и журнал «Отечественные записки»².

Консервативные и либеральные газеты высказывали и соображения чисто полицейского, «охранительного» свойства. Страх перед возможностью нового революционного подъема в России и восстаний в Польше побуждал русских реакционных помещиков и буржуазию высказываться за решающую борьбу с революционными тенденциями. Главную задачу политики царизма Катков усматривал в том, чтобы «уничтожился по возможности всякий повод рассчитывать на успех какой-либо смуты в наших внутренних делах»³, и призывал к скорейшей ассимиляции Польши, Прибалтики и других национальных окраин империи. О необходимости «водворения порядка» писал и «Голос»⁴.

Русская помещичье-буржуазная печать открыто поддерживала экспансию царизма на Востоке и призывала к завоеванию Средней Азии и заселению Северного Кавказа. Газета «С.-Петербургские ведомости» связывала со Средней Азией «существенные интересы России», выражая надежду, что «начатое дело будет довершено» и русское влияние сделается там «господствующим»⁵. Заселение Кавказа и проникновение туда изделий русской промышленности журнал «Отечественные записки» считал неотложной задачей⁶, более важной, чем какие-либо авантюры на Западе.

¹ «Голос» № 65, 1864 г.; см. также № 83, 187, 1866 г.

² См. «Отечественные записки» № 7, 1866 г. («Политическая хроника»), стр. 3, и № 6, 1864 г., стр. 945—946.

³ «Московские ведомости» № 83, 1864 г. См. также № 92, 1866 г.

⁴ См. «Голос» № 65, 1864 г.

⁵ «С.-Петербургские ведомости» № 213, 1865 г.

⁶ См. «Отечественные записки» № 6, 1864 г., стр. 946.

Таким образом, русская помещичье-буржуазная печать в течение 1864—1866 гг. усиленно проповедовала политику «сосредоточения сил» России внутри страны, воздержания от участия в европейских войнах и агрессивную политику на Востоке, в Азии. Близость точек зрения в этом вопросе различных периодических изданий консервативного и либерального направлений лишний раз подчеркивает родство интересов у разных групп всего помещичье-буржуазного лагеря и в конечном итоге солидарность его с основным направлением внешней политики правительства в 1864—1866 гг.

Внешнеполитическая изоляция царской России и ослабление ее международного влияния после Крымской войны также были фактором, диктующим необходимость воздержания от войн в Европе. Русская печать отлично отдавала себе отчет в этом и неоднократно указывала, что Россия не имеет союзников. Проблема союзов во внешней политике России подвергалась обсуждению в русской печати разных направлений, в особенности после киссингенского свидания 1864 г., в связи с распространением в иностранной печати толков о возобновлении «Священного союза» между Россией, Австрией и Пруссией. Вопрос о возможности возврата к союзу с этими державами снова привлек внимание русской прессы к оценке внешней политики царского правительства перед Крымской войной, когда поддерживался и укреплялся союз с Австрией и Пруссией. По этому вопросу в печати развернулась острая полемика.

Следует отметить, что лишь самая ретроградная «Весть» продолжала отстаивать принципы «монархической солидарности» России, Австрии и Пруссии и желала возрождения «Священного союза». Причиной такой позиции был страх перед революционной опасностью и слепая ненависть ко всем ее проявлениям¹. Не понимая того, что Австрия и Пруссия находятся накануне взаимного столкновения, «Весть» призывала царское правительство опереться на союз с этими державами. Но большинство газет и журналов как консервативного, так и либерального направлений безоговорочно признавали банкротство «Священного союза» и системы «венских договоров 1815 г.» «Развалившиеся венские

¹ См. «Весть» № 42, 48, 1864 г.

договоры,— писали «С.-Петербургские ведомости»,— уже не могут служить основой политики ни европейских государств вообще, ни России в особенности»¹. ««Священный союз» в своем прежнем виде, «с прежней целью»,— заявлял «Голос»,— невозможен и невыгоден европейским правительствам — это была бы «комбинация мертворожденная»»².

«Голос» допускал «вероятность» и «даже необходимость» сближения царизма с Австрией и Пруссией лишь для «специальных целей». Оставаясь верными своей реакционной политике в польском вопросе, русские либералы именно в нем и усматривали тот «специальный» интерес, ради которого они желали сотрудничать с реакционными немецкими дворами. Возможность нового восстания в Польше пугала русских либералов и заставляла их в этом вопросе искать сближения с прусскими юнкерами. Признавая, таким образом, желательным единство действий царской России, Австрии и Пруссии в деле борьбы против польского движения, «Голос» продемонстрировал свою реакционную сущность, маскировавшуюся показным либерализмом и прогрессивной фразеологией. Но вместе с тем «Голос» подчеркивал, что «России незачем стеснять свободу своих действий каким-либо обязательством относительно Австрии и Пруссии»³.

С резкой критикой идеи возобновления союза России с Австрией и Пруссией выступал Катков. В серии статей на страницах «Московских ведомостей» он доказывал невозможность и невыгодность для России возрождения этой комбинации⁴. Союз России с немецкими державами, писал Катков, «не может заключать в себе ни малейшей для нее выгоды», но потребует от нее новых жертв, так как интересы России и Австрии на Востоке расходятся. Всякое лишнее обязательство, которое мы дали бы германским державам, все, что «мы гарантировали бы этим державам сверх их польских владений», было бы для нас «и материальным и нрав-

¹ «С.-Петербургские ведомости» № 227, 1866 г.

² «Голос» № 173, 1864 г.

³ «Голос» № 57, 63, 1864 г.

⁴ См. «Московские ведомости» № 149, а также № 144, 156, 1864 г.

ственным ущербом» и «вовлекало бы нас в серьезные затруднения»¹.

Еще менее возможным в то время представлялось Каткову сближение России с западными державами: «Московские ведомости» отмечали, что союз с Францией «противен существенным нашим интересам, пока между нами и Францией находится так называемый польский вопрос», а союз с Англией невозможен ввиду англо-русских противоречий как в польских делах, так и на Востоке, в Средней Азии и на Кавказе. Таким образом, в 1864—1866 гг. Катков выступал против союза России с любой из европейских держав, считая, что для России в то время «никакие внешние союзы невыгодны». Россия политически изолирована, и все европейские державы прежде всего заинтересованы в возможно большем ее ослаблении, а потому «самое приличное, самое достойное и выгодное положение для России есть положение без союзов», и только в этом может состоять «мудрость русской политики»², ибо «в настоящее время все политические задачи России сосредоточены в ней самой, а не в ее внешних отношениях»³.

Но, отрицая всякую возможность сближения России с какой бы то ни было европейской державой в тот период, Катков не считал эту политику обязательной навсегда. Россия, по его мнению, на всякий случай должна сохранять «равномерные отношения» и свободу сближения с любой из великих европейских держав, в том числе и с Францией и с «немецкими дворами».

В отличие от Каткова, русские либералы настоятельно высказывали мысль о возможности не только раздела сфер влияния в Азии, но и более тесного сближения между Россией и Англией. В 1864 г. «Голос» горячо ратовал за «близкий и тесный союз» России с Англией, считая, что «в большей части важных политических вопросов», в том числе и в шлезвиг-голштинском,

¹ «Московские ведомости» № 137, 159, 1864 г.

² «Московские ведомости» № 149, 156, 177, 1864 г. Те же положения выдвигались и в органе военного министерства «Русский инвалид» (№ 144, 1864 г. и т. д.).

³ «Московские ведомости» № 156, 185, 1864 г. Такой же точки зрения придерживалась и газета славянофилов «День», которая писала, что «сила России не в союзниках, а в ней самой». («День» № 44, 13 (25) ноября 1865 г.)

интересы этих стран «часто совпадают». Низкопоклонствуя перед английской плутократической конституцией и английским буржуазным либерализмом, «Голос» видел для себя в Англии образец политического и гражданского устройства и считал, что в этом отношении сближение с ней принесет России «несомненную пользу». Кроме того, в создании англо-русского союза «Голос» видел залог «мира» и «порядка» в Европе¹.

Упрочение позиций России на Ближнем Востоке русские помещики и буржуазия считали основной и важнейшей проблемой внешней политики царского правительства, лишь временно отодвинутой исходом Крымской войны. В оценке значения восточного вопроса для России сходились почти все консервативные и либеральные органы печати, единодушно признавая его тесно связанным с внутренним развитием России и имеющим «самое близкое», самое непосредственное для нее значение². Уже было отмечено, какую роль играли Черное и Азовское моря и южные проливы для русского вывоза. Громадное значение для России имело также политическое положение на Ближнем Востоке как с точки зрения обороны черноморского побережья, так и с точки зрения захватнических целей правящих классов царской России.

Парижский мир 1856 г., закрепивший поражение России на Ближнем Востоке, был ненавистен русским помещикам и буржуазии. Но сознание своей слабости вынуждало их не желать обострения восточного вопроса в ближайшее время и до поры до времени стоять за сохранение на Востоке статус-кво. Эта мысль особенно настойчиво проводилась в 1864 г. на страницах «Московских ведомостей» и газеты «Весть», которые вели яростную полемику с газетой славянофилов, призывавшей к активизации русской политики на Востоке и проповедовавшей необходимость поддержки национально-освободительных движений славянских народов против Турции.

¹ См. «Голос» № 57, 126, 262, 1864 г.

² См. «Голос» № 54, 1865 г.; № 74, 277, 1866 г. Точка зрения эта во многом близка была идеям славянофилов, твердивших о том, что «центр тяжести нашей внешней политики должен быть на Востоке» и всякое отвлечение внимания от восточных дел «только отдаляет нас от исполнения нашего настоящего призвания на Востоке». («День» № 22, 30 мая (11 июня) 1864 г.)

«Весть» считала, что «наступательная», завоевательная политика» непригодна для России, так как она не имеет «ни силы, ни возможности», чтобы «доставить независимость придунайским славянам». Газета крепостников резко разошлась с органом славянофилов «День», призывавшим к сплочению всех славян вокруг России и к скорейшей отмене договора 1856 г. «Такая политика,— писала «Весть»,— основана на фразеях и пустом звоне»¹.

Такую же точку зрения проповедовали в это время и «Московские ведомости». По мнению Каткова, «было бы крайним легкомыслием утверждать, будто бы Россия должна сама, своим образом действий содействовать возбуждению восточного вопроса». Катков заявлял, что Россия очень серьезно нуждается в мире и что «с нашей стороны было бы безумным подавать повод к европейской войне», ибо «мы заинтересованы в поддержании статус-кво всего более, разумеется, на Востоке Европы, но именно вследствие того и на ее Севере»².

Позиция «Вести» и «Московских ведомостей» в восточном вопросе совпадала с точкой зрения царя и Горчакова, также считавших Россию неготовой к активным действиям в этом направлении. В то же время и славянофильские устремления находили частичную поддержку у таких представителей царской дипломатии, как русский посол в Константинополе Игнатьев.

Вместе с тем «Московские ведомости» подчеркивали, что сдержанная политика России на Ближнем Востоке не должна предполагать «уступчивости», «равнодушия и апатии»³ и что Россия не потерпит австрийских или чьих-либо иных захватов на Ближнем Востоке. Подобные выступления в большом количестве имели место и на страницах других влиятельных газет консервативного и либерального направлений и отражали тревогу помещичье-буржуазных кругов, вызванную усилением на Востоке после Крымской войны позиций Англии и особенно Франции.

¹ «Весть» № 23, 1864 г.

² «Московские ведомости» № 26, 123, 1864 г.

³ «Московские ведомости» № 240, 1864 г.

2. Прусские войны и германская проблема в оценке русской помещичье-буржуазной печати в 1864—1866 гг.

Исходя из своего классового понимания задач внешней политики царской России, помещичья и буржуазная пресса рассматривала и события в Германии. Газеты различных направлений понимали связь войн Пруссии с национальным движением за единство Германии и признавали правомерность и необходимость образования единого германского государства. Эту мысль мы находим в различных вариантах как в консервативных, так и в либеральных органах печати. «Нельзя отрицать,— писал Катков в передовой статье «Московских ведомостей»,— что вопрос о единстве Германии должен как-нибудь подвинуться вперед». По мнению Каткова, «благоразумие воспрещает противодействовать тому, что составляет неизбежную потребность положения дел. Такую потребность нельзя не видеть в объединении Германии»¹. Еще более определенно эти идеи высказывали либеральные органы печати, что, впрочем, вовсе не означало их сочувствия насильственной и династической политике Пруссии².

Глубоким пониманием экономических и других причин движения за единство Германии помещичье-буржуазные газеты не отличались и, как правило, объясняли это движение идеологическими мотивами и великодержавными стремлениями «германского народа». Вот что писал по этому вопросу «Голос»: «Немцы, разбитые по своим второстепенным и третьестепенным государствам, скорбят духом, что ими никто не интересуется, что их никто не хочет знать, что все дела этого мира происходят без их участия и влияния... Попытки немцев выйти из такого положения весьма естественны. Ничего, кроме уважения и сочувствия, не могло встретить с нашей стороны их движение в пользу национального единства»³.

«Отечественные записки» хотя и отмечали, что территориальная раздробленность Германии вредна в эко-

¹ «Московские ведомости» № 36, 86, 1864 г.

² См. «С.-Петербургские ведомости» № 203, 1865 г., и № 197, 1866 г., а также «Вестник Европы», т. II, 1866 г., стр. 3, и «Отечественные записки» № 1, 1864 г., стр. 130.

³ «Голос» № 16, 1864 г.

номическом отношении, однако главными причинами объединительного движения в Германии считали великодержавное стремление «немцев» достичь «политического значения» среди других государств. «С.-Петербургские ведомости» высказывали уверенность в том, что «сплошному единству Германии, т. е. простому присоединению ее» к Пруссии или к Австрии, «противоречат все чувства» немецкого народа. Газета сомневалась в справедливости заявлений немецких газет о том, что немцам «необходимо единство только «в оборонительных целях от Франции»»¹.

По вопросу о наиболее приемлемых путях объединения Германии и роли в этом процессе прусской монархии русские газеты высказывались в соответствии со своим консервативным или умеренно-либеральным направлением. Для реакционной, и в том числе официальной, печати вначале особенно характерен был страх перед революционным движением в Германии и возможностью объединения страны «снизу», путем революции. Газета русских крепостников «Весть» в страхе перед революционным движением стала открытой сторонницей объединения Германии вокруг агрессивной Пруссии. «Единство Германии,— писала она,— составляет заветную мечту немцев, и они стремятся к ней неодолимо. Пусть же лучше этим стремлением руководит правильно организованное, искусное и энергичное правительство г. фон Бисмарка, чем люди, действующие по внушениям уличной толпы». Газета приветствовала австро-прусское соглашение по шлезвиг-голштинскому вопросу в надежде, что Австрия и Пруссия, взяв в свои руки решение этого вопроса, будут «руководить» германским движением и не допустят, чтобы революционеры взяли его в свои руки»².

«Московские ведомости», опасаясь дальнейшего подъема революционного движения в Германии и в то же время не предполагая, как далеко зайдет Пруссия в своей политике территориальных присоединений на берегах Балтийского моря, также заявляли, что Пруссии следует предоставить полную свободу действий, как единственной силе, способной объединить Германию на

¹ «С.-Петербургские ведомости» № 150, 1864 г.

² См. «Весть» № 37, 1864 г.

консервативных основах¹. Катков писал, что «успехи германского единства неопасны; они даже желательны нам, если только не будут происходить путем революции и насилия». По мнению Каткова, Пруссии можно дать «полную волю», пусть она «ловит себе рыбу в мутной воде демократического волнения, обуревающего теперь Германию». Катков призывал правительство Бисмарка «управиться» с демократией «у себя дома». «Тут будет дела немало,— писал он,—внутренний разлад пустил в Пруссии глубокие корни». «Московские ведомости» заявили, что для многих германских мелких государств скоро пробьет «последний час», так «пусть же пользуется Пруссия этим делом в чисто внутренних счетах Германии»².

Притязания правительства Наполеона III на европейскую гегемонию были важнейшей причиной того, что «Московские ведомости» в 1864 г. не считали нужным «опасаться изменений в территориальных отношениях Германии, хотя бы они и повели к расширению прусского влияния в Германском союзе». По мнению Каткова, усиление Пруссии «положило бы некоторый предел воинственным замыслам Франции», завоевательная политика которой вызывала беспокойство «Московских ведомостей»³.

Но, по мере того как выяснялась слабость демократических сил Германии и стремление Пруссии овладеть приэльбскими герцогствами, «Московские ведомости», как и другие газеты, стали выражать тревогу по поводу великодержавных притязаний Пруссии и взвешивать возможные выгоды и невыгоды для России от осуществления планов прусского владычества в Германии. Опасения эти высказывались на страницах русской печати еще во время войны Пруссии с Данией.

Российские умеренные либералы восторгались английскими буржуазно-аристократическими порядками и желали объединения Германии на либеральной основе. Наиболее яркими выразителями этой точки зрения в русской либеральной прессе были «Вестник Европы» и «С.-Петербургские ведомости». «Вестник Европы» выступил против политики насильственного объединения Гер-

¹ См. «Московские ведомости» № 36, 1864 г.

² «Московские ведомости» № 26, 36, 1864 г.

³ «Московские ведомости» № 86, 144, 1864 г.

мании вокруг Пруссии, считая, что немцы прежде всего должны разрешить задачи буржуазно-либеральных преобразований внутри страны.

Автор иностранного обозрения «Вестника Европы», либеральный публицист К. Арсеньев сочувствовал немецким либералам, писавшим, что объединение Германии является не самоцелью, а только «средством к устранению преград, стесняющих теперь личную и общественную свободу, к увеличению материального благосостояния, к усилению умственного движения в среде германского народа». Главная же цель, которая и должна быть прежде всего осуществлена,— это «развитие и укрепление свободных учреждений»¹. Поэтому Арсеньев, не одобряя планы установления прусской гегемонии в Германии, писал, что «если раздробление Германии на множество отдельных владений и не способствует широкому развитию политической жизни, то еще менее способствовало бы ему создание одной военно-бюрократической монархии по образцу наполеоновской Франции или Пруссии г. Бисмарка... Для того чтобы единая Германия была свободнее и счастливее Германии раздробленной, необходимо, во-первых, чтобы государство, соединившее в себе или вокруг себя все остальные, обеспечило своим новым подданным сумму прав и гарантий более значительную в сравнении с прежней; во-вторых, чтобы соединение совершилось полюбовно, с согласия или по крайней мере не прямо против воли присоединенных населений»².

Та же точка зрения высказывалась на страницах «С.-Петербургских ведомостей», писавших, что единство Германии может быть достигнуто «только под знаменем совершенно либеральных начал», и выдвигавших идею создания общегерманской либеральной монархии. Осуществление этой «весьма почтенной» задачи, по мнению «С.-Петербургских ведомостей», Пруссия могла бы взять на себя лишь при условии проведения ею внутренних

¹ «Вестник Европы», т. II, 1866 г., стр. 106, 107.

² Там же. Подобную мысль высказывали и «Отечественные записки». «Объединение Германии под прусским господством,— писал журнал,— обратит «национальное могущество Германии», о котором мечтают немецкие деятели, в «династическое только усиление Гогенцоллернов» («Отечественные записки» № 4, 1866 г., стр. 183). См. также «С.-Петербургские ведомости» № 150, 1864 г.; «Заграничный вестник», т. I, 1864 г., стр. 168.

либеральных преобразований, способных обеспечить ей «сочувствие» и поддержку «просвещенного мнения Германии»¹, т. е. либеральной буржуазии.

Эти идеи русских либералов не шли далее иллюзий и требований трусливых прусских «прогрессистов», казавшихся им венцом мудрости и идеалом буржуазной свободы. На страницах «С.-Петербургских ведомостей» политика Бисмарка в отношении прусской палаты признавалась ошибочной и горячо осуждалась. «С.-Петербургские ведомости» сочувствовали немецкому стремлению к единству, но лишь при условии, если «этот переворот совершится свободно и во имя свободы, а не насильем, как думает это сделать Пруссия», т. е. выступали с позиций умеренного либерализма. «С.-Петербургские ведомости» явно преувеличивали влияние прусских «прогрессистов», высказывая уверенность, что военной силой Пруссии не удастся объединить Германию². По мнению газеты, «едва ли можно ожидать, чтобы без либеральной инициативы со стороны второстепенных германских государств устроилось какое-либо соединение Германии». Вот если бы «средние немецкие государства соединились бы с общегерманской либеральной партией», то «к этому либеральному центру» тяготела бы вся Германия³. Само собой понятно, что эти рассуждения «С.-Петербургских ведомостей» не имели под собой реальной почвы, так как в действительности никакой «общегерманской либеральной партии» в то время не существовало.

Другая либеральная газета «Голос», несмотря на свое пустословие и иллюзии, трезво отдавала отчет в крайней слабости прусской либеральной партии («прогрессистов»), понимая ее неспособность взять на себя инициативу в деле объединения Германии.

Резко отрицательную оценку на страницах «Голоса» вызвала также агрессивность германской буржуазии. «Голос» писал, что «немцы», прежде чем кончить свои внутренние дела, решили «испытать свои силы» в

¹ «С.-Петербургские ведомости» № 203, 1865 г.

² Именно поэтому газета утверждала, что «единая и сильная Германия... не страшна для нас» и ее образование не вызовет с русской стороны «противодействия». «С.-Петербургские ведомости» № 120, 1866 г. (см. также № 227, 1866 г.).

³ См. «С.-Петербургские ведомости» № 150, 1864 г.

захвате «чужих земель»¹. При этом «Голос» еще в 1864 г. высказывал уверенность, что Пруссия является единственной силой, способной осуществить объединение Германии путем насильственных присоединений: «Гегемония в Германии рано или поздно достанется в руки Пруссии». Но именно такой путь, в результате которого в центре Германии будет создано сплошное военное государство с 70 млн. населения, по мнению «Голоса», противоречит не только интересам России и Европы, но и «национальным стремлениям» германского народа, понимаемым газетой в либеральном духе. Образование такой Германии надолго закрепило бы ее гнет над другими, негерманскими народностями в ее пределах².

Шлезвиг-голштинский вопрос помещицья печать рассматривала, исходя прежде всего из его значения для интересов царской России в Балтийском море и последствий, вытекающих для нее из возможного усиления Пруссии за счет датской монархии. Это и понятно, так как русская печать была глашатаем интересов русских помещиков и буржуазии и в конечном счете расценивала все последующие события с точки зрения этих интересов.

Вопрос этот привлек самое пристальное внимание русской печати в силу того факта, что приэльбские герцогства занимали важное стратегическое положение на Балтийском море и от их судьбы зависело политическое «равновесие» на севере Европы, сохранение которого, по словам «Голоса», составляло «главный и единственный интерес для России». Отторжение герцогств от Дании могло нарушить это «равновесие» и в конечном итоге повлечь за собой серьезные перемены в соотношении сил на Балтийском море в ущерб России. «Для нас,— писал «Голос»,— всякая перемена в распределении сил на Балтийском море представляла бы важные невыгоды и даже опасности в будущем», а это заставляет «нас желать, чтоб датско-немецкая распря не повела к территориальным изменениям»³.

¹ См. «Голос» № 16, 1864 г.

² «Стремление Пруссии к объединению Германии чисто завоевательное,— писала газета.— Она не имеет в виду сплотиться с Германией в одно либеральное тело... «распутиться» в ней во имя национальности и свободы. Нет, она просто хочет завоевать Германию...» («Голос» № 293, 1865 г.) См. также № 71, 1865 г.

³ «Голос» № 126, 171, 1864 г.

Главную угрозу для России русская помещичье-буржуазная печать усматривала в возможности осуществления двух комбинаций: 1) создания на Балтийском море мощного германского флота, способного подорвать там позиции России, 2) возникновения Скандинавского союза путем присоединения Дании, в случае ее поражения и потери ею герцогств, к Швеции и Норвегии. «Московские ведомости» утверждали, что с потерей герцогств, в особенности Шлезвига, «независимость и целость датской монархии обратятся в пустое слово». Дания не будет в состоянии продолжать свое независимое существование и должна будет соединиться со Швецией. Образование же «Скандинавской империи, сильной своим флотом», будет серьезной угрозой для России и для Англии: «Нам решительно неудобно, чтобы какая-нибудь сильная держава имела в своих руках выход из Балтийского моря»¹, — писала газета.

Кроме того, в русской печати высказывались опасения, что война из-за герцогств может вызвать к жизни другие европейские вопросы, «давным-давно ждущие своего разрешения»², и, таким образом, поставить под угрозу «европейское равновесие» в целом. Наибольшее подозрение вызывала политика Наполеона III. Опасались, что Франция может воспользоваться этой войной для захватов на Рейне. Все эти события в конечном итоге могли дать ход и восточному вопросу, к чему царская Россия была совершенно не готова. Датско-германская война с точки зрения интересов русских помещиков и буржуазии была нежелательна, и это обстоятельство отчетливо отразилось в русской периодической печати.

Шлезвиг-голштинский вопрос на все лады обсуждался в русской прессе. Из влиятельных газет наибольшее внимание ему уделялось на страницах «Московских ведомостей» и «Голоса», которые хотя и принадлежали к разным направлениям, но почти полностью сходились в оценке этого вопроса. Эти газеты придавали большое

¹ «Московские ведомости» № 42, 1864 г. См. также об этом «Голос» № 42, 1864 г. «Московские ведомости» (№ 37, 1864 г.) писали, что в Дании есть скандинавская партия, которая «очень дерзко» действует в этом направлении.

² «Голос» № 38, 1864 г.

значение притязаниям Германского Союза и Пруссии на герцогства и старались убедить «Европу» в невозможности отнестись к этому равнодушно. Европа сделала бы «огромную ошибку», если бы допустила осуществление этой «затеи», писали «Московские ведомости»¹. Притязания немцев на герцогства эти газеты оценивали как «вопиющую несправедливость», невыгодную для «европейского равновесия», а также вредную и для самого германского единства. «Голос» высмеивал петербургскую немецкую газету «Санкт-Петербургер Цайтунг» за ее восторги по поводу войны с Данией и заявлял, что в притязаниях Германского союза и Пруссии следует усматривать не осуществление «прав нации», а стремление добиться «значения и владычества на море», желание «нарушить европейское равновесие в свою исключительную пользу»².

«Голос» и «Отечественные записки» на все лады расхваливали конституционные порядки датской монархии и видели в них «почти идеал того, чем должно быть всякое благоустроенное народное общество»³.

Катков же, наоборот, обрушился на датских либералов с градом ругательств, обвиняя их в том, что они своею «бумажною конституциею, случайно сочиненною», осложнили шлезвиг-голштинский вопрос⁴.

Относясь на первых порах положительно к идее объединения Германии под прусским господством, «Московские ведомости» подчеркивали, что Пруссия ни в коем случае «не должна касаться равновесия на севере Европы», не должна посягать на целостность датской монархии. «Германия скорее достигнет единства, если не будет распространяться вширь», — писали они.

¹ См. «Московские ведомости» № 86, 1864 г. «Голос» заявлял, что если великие державы допустят расчленение Дании, то «европейское равновесие» останется «несбыточной мечтой». Эта газета писала, что для «усмирения немцев» достаточно было бы совместного дипломатического или «нравственного» давления великих держав. («Голос» № 33, 25, 121, 1864 г.)

² «Голос» № 28, 182, 1864 г. См. также «Отечественные записки» № 3, 1864 г., стр. 38—43.

³ «Отечественные записки» № 3, 1864 г., стр. 40. См. также «Голос» № 181, 1864 г.

⁴ См. «Московские ведомости» № 106, 1864 г. То же писали «Биржевые ведомости» (№ 79, 1864 г.), перепевавшие в основном газету Каткова.

Неприкосновенность Лондонского договора 1852 г. и сохранение целостности датской монархии Катков объявил «государственным интересом России»¹.

Но, указывая на важность для «русских интересов» сохранения «политического равновесия» на севере Европы, «Московские ведомости», как и «Голос», были против вмешательства одной России в эту войну. Русская печать полностью поддерживала выжидательную позицию царского правительства, желавшего предоставить инициативу вмешательства английскому кабинету, и считала это «самою мудрою политикой». «Голос» с удовлетворением находил, что русская дипломатия действовала в этом вопросе «с благоразумием и осторожностью»².

В начале войны русские помещичье-буржуазные круги сетовали на пассивность Англии, но надеялись на сотрудничество с нею для поддержания статус-кво в шлезвиг-гольштинском вопросе и считали, что Англия заинтересована в этом «не менее нашего»³. «Московские ведомости» писали, что Россия не должна «очертя голову» ринуться на борьбу со всей Германией. Вопрос о целостности датской монархии важен и для Англии, но она хотела бы «чужими руками жар загребать», чтобы Россия и Швеция вмешались бы в это дело, а само английское правительство осталось бы в стороне; перессорило бы Россию со всеми германскими державами и бросило бы Францию «на сторону средних немецких государств, а лорд Пальмерстон потирал бы себе руки, втянув нас в распрю»⁴.

Иллюзия относительно английского вмешательства в войну Австрии и Пруссии с Данией высказывалась на страницах русской печати вплоть до Лондонской конференции, а «Московские ведомости» и «Голос» полагали, что и на конференции Англия будет действовать заодно с Россией в интересах целостности датской монархии и, таким образом, не теряли надежды на урегулиро-

¹ «Московские ведомости» № 36 и № 74, 113, 1864 г.

² «Московские ведомости» № 42, 1864 г.; «Русский инвалид» № 150, 1864 г.; «Голос» № 65, 1864 г.

³ «Московские ведомости» № 42, 1864 г. См. также «Голос» № 32, 33, 1864 г., и «Отечественные записки» № 3, 1864 г., стр. 43.

⁴ «Московские ведомости» № 42, 1864 г. Об этом писал и «Голос». (См. № 170—171, 1864 г.)

вание шлезвиг-голштинского вопроса дипломатическим путем¹.

Провал Лондонской конференции и полный разгром Дании, завершившийся отторжением герцогств, вызвали в русских помещичье-буржуазных кругах серьезные опасения за интересы России в Балтийском море. Именно с этого момента балтийская проблема становится в центре внимания русских газет и журналов при обсуждении шлезвиг-голштинского вопроса. С присоединением к Германии южной части Ютландии «создается положение, к которому нельзя относиться равнодушно», с тревогой писал «Голос». Эти опасения усиливались еще более в связи с прусскими притязаниями на герцогства, так как с переходом Киля в руки Пруссии возможность создания мощного немецкого флота, способного подорвать позиции России, становилась более вероятной, чем в том случае, если бы Шлезвиг и Голштиния составили независимое 36-е по счету государство Германского союза. Важнейшим результатом датско-германской войны явилось небывалое усиление мощи прусской монархии, поднявшейся, по словам «Голоса», на «степень державы, управляющей судьбами континента». Недоверие к политике Бисмарка, имевшее место среди некоторых буржуазно-помещичьих кругов России, сменилось теперь полной уверенностью в ее агрессивности. «Голос» и «Отечественные записки» отмечали сближение политических партий Пруссии «на почве страсти к аннексии». «Голос» писал, что именно на этой основе немецкие либералы «позабыли свои старые счета с феодалами и вполне сошлись с ними по вопросу о герцогствах»², и утверждал, что завоевательные планы прусского правительства «не могут сравниться с той непомерной жадностью захватить чужое», какую отличаются «прогрессисты». Германские либералы, ради того, чтобы герцогства стали германскими или прусскими, писали «Отечественные записки», «помирились на время с безбюджетным управлением и с феодальным министерством». Каждый германский либерал «готов пожертвовать всеми своими

¹ См. «Московские ведомости» № 74, 1864 г.; «Голос» № 25, 32, 33, 42, 116, 126, 171, 1864 г.

² «Голос» № 132, и № 140, 228, 1864 г.

правами гражданина за удовлетворение видеть красно-желто-черное знамя на ратуше какого-нибудь города, в котором живет несколько немцев». Журнал отмечал, что в этом случае «идея национальности еще раз одержала верх над стремлением к гражданской свободе»¹. Нельзя не отметить, что русская либеральная печать в этом случае правильно подметила готовность прусских «прогрессистов» поступиться своими либеральными идеями в случае успешного объединения Германии «железом и кровью».

Вместе с тем и «Голос» и «Отечественные записки» ясно отдавали себе отчет в том, что успехам прусской политики содействовала позиция, занятая западными державами. Австрия и Пруссия, писал «Голос», решились на датскую войну только потому, что «были уверены заранее в безнаказанности» со стороны Англии и Франции, политика которых оказалась «несогласною, уклончивою, ничтожною»².

Резкие выпады против прусской политики в шлезвиг-голштинском вопросе делались на страницах «Московских ведомостей», хотя, как уже отмечено, Катков в начале 1864 г. под влиянием страха, вызванного широким размахом революционного движения в России и общественным подъемом в Германии, приветствовал объединение Германии под эгидой Пруссии.

Но с усилением реакции в России и обнаружением прусских агрессивных замыслов в отношении герцогств эти опасения отодвинулись у Каткова на второй план. На первое место он выдвинул невыгодность для России усиления Пруссии и создания ее флота в Балтийском море. Катков придавал громадное значение отторжению герцогств от Дании и писал, что притязания Пруссии на эти герцогства составляют «опасность для общего мира и спокойствия Европы» и в особенности для России³. Газета еще в 1864 г. подчеркивала, что «Россия имеет в Балтийском море весьма важные интересы, которые она обязана охранять. Во-первых, это море служит глав-

¹ «Голос» № 159, 1864 г.; «Отечественные записки» № 3, 1864 г., стр. 68—69.

² «Голос» № 249, 1865 г.

³ См. «Московские ведомости» № 269, 1865 г.

ным проводником ее торговли; во-вторых, это единственное море, на котором Россия имеет довольно значительный военный флот, на котором она до сих пор не имела равносильного себе соперника. В-третьих, в непосредственной связи с этим морем находится настоящая столица империи. Теперь, на этом море, восклицает газета, одним разом и вследствие одного и того же датско-германского столкновения возникли бы для нее два соперника — Пруссия с Северной Германией и Скандинавский союз...»¹

Катков заявлял, что Россия «не только не может поддерживать притязания Пруссии на герцогства, но должна всячески им противиться», так как передача герцогств только под протекторат Пруссии будет означать, что «Пруссия в Киле, это значит, что немецкий флот в Балтийском море и решительная необходимость Скандинавского союза, т. е. скандинавского флота рядом с флотом немецким. Бог знает, стал ли бы Петр Великий строить Петербург, если бы предвидел, что это возможно», — восклицала газета².

Следует отметить, что в конце 1864 г. «Московские ведомости» значительно изменили свою прежнюю позицию и стали крайне резко выступать уже не только против притязаний Пруссии на герцогства, но и вообще против объединения Германии под ее главенством. «Может ли быть согласно с интересами России возрастание могущества Пруссии и политическое объединение под ее знаменем хотя бы только Северной Германии с придачей Шлезвига?» В интересах России «поддержание Германского союза в нынешнем его виде и сохранение в нем равновесия между Пруссией и Австрией»³, — писала газета осенью 1864 г.

«Московские ведомости» с возмущением писали о притязаниях Бисмарка на содействие России в шлезвиг-голштинском вопросе якобы в «благодарность» за сов-

¹ «Московские ведомости» № 136, 1864 г.

² См. «Московские ведомости» № 106, 1864 г. Газета писала, что «если уж герцогства будут отторгнуты от Дании», то они должны стать не прусскими провинциями, а самостоятельным государством Германского Союза (там же). То же мнение см. в журнале Ф. М. Достоевского «Эпоха» (№ 8, 1864 г., стр. 14). Журнал этот, в отличие от газеты Каткова, не одобрял реакционную внутреннюю политику Бисмарка (см. № за сентябрь и декабрь 1864 г.).

³ «Московские ведомости» № 269, 1865 г.

местные «до некоторой степени» действия во время польского восстания. Газета усиленно подчеркивала, что Пруссия в 1863 г. руководствовалась «лишь собственными интересами» и менее всего может претендовать на благодарность России. Катков отмечал наличие общих интересов у царского правительства с Пруссией в деле угнетения польского народа, но считал, что союз, купленный «такой тяжкою ценой», как согласие на присоединение герцогств к Пруссии, не нужен России, и она не может поддерживать прусские притязания на эти герцогства из-за того только, что связана с Пруссией «общим интересом» в польском вопросе. Даже временное сближение России с Пруссией, по мнению газеты, возможно только на условии «полного отречения ее от притязаний относительно герцогств»¹.

Но как ни упорно подчеркивали «Московские ведомости» невыгодность для России усиления Пруссии, они ни на один миг не сомневались в том, что одна Россия не может пойти на вооруженное вмешательство. Поэтому не следует преувеличивать разногласия по этим вопросам между царским правительством и кругами, группировавшимися вокруг газеты Каткова.

Катков заявлял, что Россия должна была своим «нравственным влиянием» поддержать Австрию и второстепенные германские государства в их противодействии прусским замыслам в отношении герцогств. Со времени окончания войны с Данией «Московские ведомости» то и дело возвращались к мысли, что России необходимо «совокупное до некоторой степени действие» и с Австрией, и утверждали, что «в данный момент» интересы России «сходятся» с интересами Австрии, так как они обе противостоят политике других держав и революционному движению².

Катков допускал, что такая позиция России может вынудить Пруссию искать «содействия Франции», но надеялся, что эта сделка не состоится, так как Бисмарку придется заплатить Наполеону III слишком «дорогой ценой». «Московские ведомости» отмечали, что франко-прусский союз был бы невыгоден для России, как опасен для нее был бы и союз Австрии с Наполеоном III.

¹ «Московские ведомости» № 241, 1864 г.; см. также № 256, 276, 1864 г.

² См. «Московские ведомости» № 247, 241, 1864 г.; см. также № 256, 276, 1864 г.

Для России, еще ранее писала газета, было бы желательно укрепить Австрию в противодействии властолюбивым видам Пруссии, но в то же время дать ей возможность «обойтись без союза с Францией»¹ — Россия не может желать сближения Франции ни с Австрией, ни с Пруссией. По мнению «Московских ведомостей», союз Франции с Австрией явился бы серьезной угрозой интересам России на Ближнем Востоке, а франко-пруссский союз тоже не мог бы «согласоваться с интересами России»².

Далее Катков заявлял, что Россия должна усилить внимание к Ближнему Востоку, и делал вывод о необходимости содействовать экономическому развитию южных губерний и проведению железных дорог к черноморскому побережью. «Чем более будет возрастать значение нашего Юга, тем сильнее мы будем и внутри, и в Европе»³, — писали «Московские ведомости». Самым важным делом Катков считал политику ассимиляции южных и западных окраин России.

По-другому оценивали эти события умеренно-либеральные «С.-Петербургские ведомости», провозглашая, что прусская политика в Германии, и в частности в шлезвиг-голштинском вопросе, правомерна, будто бы не противоречит интересам России, и последней нет надобности препятствовать усилению мощи Пруссии. Усиление Пруссии в Балтийском море эта газета объявляла неопасным для русских интересов и не предполагала «никакого вопроса», который мог бы поставить Пруссию во враждебные отношения к России: «...пруссский флот нам опасен быть не может, — писали «С.-Петербургские ведомости». — Напротив, можно даже предположить, что благодаря ему Пруссия будет в состоянии оказать нам когда-либо существенные услуги»⁴. В усилении Пруссии газета, видимо, усматривала известный противовес Англии и Франции.

Некоторую опасность для России газета допускала лишь в случае осуществления и скандинавского, и германского единства, одновременно с созданием могущественного немецкого флота. Но первая из этих возможностей, по мнению газеты, не могла стать результатом

¹ «Московские ведомости» № 27, 1865 г., и № 282, 1864 г.

² «Московские ведомости» № 27, 271, 1865 г.

³ «Московские ведомости» № 111, 1864 г.

⁴ «С.-Петербургские ведомости» № 25, 193, 1864 г.

«датско-германской распри», а вторую она относила «к таким отдаленным вероятностям», что ее «нельзя серьезно принимать во внимание»¹.

С крайних ретроградных позиций подходила к шлезвиг-голштинскому вопросу крепостническая «Весть». По ее мнению, Россия была заинтересована не в ликвидации датско-германского конфликта, а в его дальнейшем развитии, так как он отвлекал внимание Европы от злободневного польского вопроса. Однако дальнейший ход событий привел «Весть» к убеждению в неизбежности объединения Германии по одному из двух возможных путей: революционному или под главенством Пруссии. Само собой разумеется, что газета ярых реакционеров-крепостников сразу же стала открытой сторонницей объединения Германии вокруг юнкерской Пруссии и горячей поклонницей политики Бисмарка. «Весть» с восторгом приветствовала австро-прусское соглашение по шлезвиг-голштинскому вопросу, надеясь, что Австрия и Пруссия, взяв в свои руки решение этого вопроса, будут «регулировать» германское движение и не допустят, чтобы революционеры захватили его «в свои руки». В австро-прусском союзе «Весть» усматривала «сдерживающую охранительную силу» против Наполеона III. В мощной реакционной Пруссии газета махровых реакционеров видела верный оплот против революции.

Ослепленная ненавистью к революционному движению, «Весть» писала, что не только не следует опасаться, но «можно только радоваться, что Пруссия усиливается с каждым днем в Германии». В будущее «наступление» Германии на Восток, в Прибалтику, «Весть» не хотела верить и полагала, что у «немцев будет слишком много хлопот с Францией и со своими второстепенными державами»². Если бы политика Германии сделалась завоевательной, писала газета, Англия непременно примкнула бы к России, а противодействие двух этих держав немедленно положило бы конец дальнейшему развитию германской агрессии.

В действительности, как уже было отмечено выше, английское правительство в то время всячески способ-

¹ «С.-Петербургские ведомости» № 193, 1864 г. В № 26 за 1865 г. та же газета заявляла, что «мы вовсе не считаем себя призванными способствовать объединению Германии. Ее раздробленность выгодна для восточных и западных ее соседей».

² «Весть» № 37, 32, 1864 г.

ствовало усилению Пруссии, надеясь в будущем столкнуть ее с Россией, ослабление которой являлось одной из важнейших задач британской политики. Только к концу 1865 г., когда со всей ясностью обнаружились агрессивные намерения Пруссии в отношении Шлезвига и Голштинии, «властолюбивые замыслы» Бисмарка начали тревожить и крепостническую «Весть».

Газета славянофилов и панславистов «День» выступила с резкой критикой русской прессы за то, что та «на все лады» обсуждала шлезвиг-голштинский вопрос. «День» заявлял, что вопрос этот не касается интересов России, ибо «центр тяжести» русской внешней политики находится не в Европе, а «на Востоке». «Мы даже не понимаем ясно, что за дело России до шлезвиг-голштинской путаницы и какая опасность грозит России от того, что немецкий Bund примет в свои дряхлые объятия Шлезвиг-Голштейн, хотя бы и с морской пристанью Килем?»¹

Эта позиция вполне логически вытекала из общего взгляда славянофилов на внешнеполитические задачи России и реакционных славянофильских и панславистских идей относительно объединения всех славян под эгидой царизма².

Этой цели должна была подчиняться, по мнению славянофилов, вся политика России. «День» призывал русскую прессу отвлечься от западноевропейских событий и обратить внимание на тот факт, что «значение России на Востоке, обаяние ее могущества, притягательная ее сила — постоянно и видимо слабеют, а влияние Англии и Франции... беспрестанно возрастает»; для России «ничье политическое преобладание нестрашно», если она «сумеет устранить все причины внутренней слабости» и будет видеть свое «настоящее призвание» на Востоке. И. Аксаков утверждал, что для России «менее опасности» представляет стремление самой Германии к единству, чем «наше собственное стремление к вмешательству в ее политические дела». Интересам России чужд не только германский вопрос; ей нет дела и до того, «будет ли Наполеон владеть берегами Рейна или нет? Какой от того ущерб для России? Нам приличнее

¹ «День» № 22, 30 мая (11 июня) 1864 г.

² См. там же, и № 44, 13 (25) ноября 1865 г.

заботиться о Дунае, нежели о Рейне...»¹ — заявлял он.

Важной задачей внешней политики России славяно-филы считали и ликвидацию условий Парижского мира 1856 г. Они приветствовали любое мероприятие, направленное на подрыв этого соглашения, в частности объединение дунайских княжеств: «Чем больше дыр в этом трактате, тем скорее он разорвется, а это не может не быть в интересах нашей политики на Востоке»².

Но постепенное выяснение далеко идущих замыслов Пруссии стало тревожить и газету «День», заявившую уже в конце 1864 г., что «политические интересы Пруссии могут столкнуться с нашими как на Балтийском море, так и в самой Германии». И. Аксаков стал подчеркивать, что сближение Пруссии с Наполеоном III возможно лишь на весьма невыгодных для прусского правительства условиях, тогда как с Австрией французский император может легко сговориться и возглавить европейскую коалицию против России³.

В 1865 г. «День» уже признавал, что «усиление Пруссии не представляет для нас ничего особенно желательного» в силу того, что «будущий прусский флот» мог бы «в союзе с английским и французским» подорвать господство России в Балтийском море, а военное могущество Пруссии «может быть опасно нам и на суше, со стороны пограничных наших с нею владений». Но все же «День» решительно высказывался против какого бы то ни было сближения с Австрией, которого требовал Катков, считая, что сближение это «могло бы только поставить Россию в противоречие со своими собственными коренными началами» и скомпрометировать ее в глазах угнетаемых Австрией славянских народностей. Наиболее «благоразумной» И. Аксаков считал для России «выжидательную политику»⁴. Он предсказывал сближение Австрии с Францией или даже с Пруссией⁵ и предвидел неизбежность франко-прусской войны⁶.

¹ «День» № 22, 30 мая (11 июня) 1864 г.

² Там же.

³ См. «День» № 45, 11 (23) ноября 1864 г.

⁴ «День» № 42, 6 (18) ноября 1865 г. (И. Аксаков, Соч., т. VII, М., 1887, стр. 73—76).

⁵ См. «День» № 42, 6 (18) ноября 1865 г., и № 45, 11 (23) ноября 1865 г.

⁶ См. «Москва» № 104, 10 (22) августа 1867 г.

Отторжение герцогств от Дании и Гаштейнская конвенция показали, что замыслы Пруссии идут дальше, чем полагала русская пресса. Даже ретроградная «Весть», ранее весьма благоволившая к Пруссии, была обеспокоена соглашением в Гаштейне и сокрушалась по поводу столь очевидного усиления Пруссии на балтийском побережье. «Цель Пруссии,— писала «Весть»,— явно клонится к тому, чтобы создать себе сильное положение в Балтийском море, и теперь слишком ясно, что русским интересам угрожает значительная опасность на севере»¹.

Гаштейнская конвенция была встречена всей русской прессой, за небольшим исключением, в высшей степени неодобрительно, и оценивалась как новый признак ослабления влияния России в международных делах. «К сожалению, нельзя отрицать»,— писали «Московские ведомости»,— что со времени Парижского мира 1856 г. Россия «...не имеет того веса в делах Европы, какой нужен для политического равновесия». Падение авторитета России не осталось без последствий, и хотя Россия удержала свою «позицию на Висле», зато Германия «очутилась за Эйдером, Скандинавский союз стал возможностью, нашему положению на севере угрожает значительный урон, наше морское значение, которое покупалось так дорого, подвергается новой опасности». Перемены в Европе произошли, по мнению Каткова, «не в пользу России». «Московские ведомости» не соглашались с мнением «С.-Петербургских ведомостей», будто опасность создания немецкого флота при входе в Балтийское море является весьма отдаленной и только воображаемой. Они напоминали, что в 1850 г. Россия готова была объявить Пруссии войну, не желая допустить захвата герцогств, и угроза русского правительства принудила ее тогда отказаться от подобных начинаний. Теперь же, писал Катков, Россия осталась в стороне, хотя прусская политика грозит нанести серьезный ущерб русским интересам на Балтийском море².

¹ «Весть» № 5, 20 сентября 1865 г.

² См. «Московские ведомости» № 193, 1865 г. (см. также № 111, 1864 г.). Упадок международного влияния России был очевиден для ряда царских сановников. Примером этого является мнение сенатора К. Н. Лебедева, писавшего после Гаштейнской конвенции: «Какое жалкое положение занимаем мы в шлезвиг-голштинском

Выражая недовольство тем, что Россия допускает явно невыгодные ей перемены в Европе, «Московские ведомости» не считали возможным подталкивать царское правительство к вооруженному вмешательству, по-прежнему уповая лишь на силу его «нравственного» влияния. Переоценивая возможности дипломатического давления России и других держав на Пруссию, Катков писал, что России «нет надобности прибегать к каким-либо решительным мерам, чтобы справедливые представления ее были уважены»¹.

Тревожные высказывания по поводу Гаштейнской конвенции раздавались и со страниц либеральной печати. По поводу соглашения в Гаштейне «Голос» писал, что Россия не «может быть равнодушна» к допущению Пруссии и Австрии «на Малый Бельт» и что она «имеет больше причин, чем все другие морские державы, протестовать против Гаштейнской конвенции». Отмечая невыгодность морского положения России, омываемой замкнутыми морями, вследствие чего она лишена возможности «свободно действовать» своим флотом, «Голос» заявлял, что для России выгоднее, чтобы к Балтийскому морю «имели доступ только второстепенные силы». Пруссия же и Австрия намереваются «запереть наш же флот в Балтийском море ключами, которые они похитили в минуту общего недоразумения в Европе»². «Голос» не разделял точки зрения Горчакова, предпочитавшего обойти молчанием Гаштейнскую конвенцию, и желал объяснений в печати, так как «наше общество» интересуется «заботами нашего правительства об охране его интересов...»³

Какого же рода вмешательство имел в виду «Голос», ратуя за необходимость энергичного протеста против Гаштейнского соглашения? Русские либералы, как и Катков, считали, что напряженное внутреннее положение

вопросе! Мы умеем только переуступать... Мы молчим перед дерзким Бисмарком, который нас не спрашивает, не обращает на нас никакого внимания». Занятость внутренними реформами, по мнению К. Н. Лебедева, не освобождает от «удержания за собой подобного положения». (Из записок сенатора К. Н. Лебедева, 1865 г., «Русский архив», 1911 г., кн. 6, стр. 243—244.)

¹ «Московские ведомости» № 269, 1865 г.

² «Голос» № 234, 249, 307, 1865 г.

³ «Голос» № 249, 1865 г.

России, занятость «внутренними интересами» исключали для нее возможность вооруженного вмешательства. Либералы считали возможным воздействовать на Пруссию дипломатическим путем. «И кроме оружия,— писал «Голос»,— есть средства, которые могут если не изменить окончательно, то значительно ослабить решение, столь мало удовлетворяющее международным потребностям»¹. Газета верила, что протест России имел бы успех уже потому, что петербургский кабинет всегда пользовался влиянием в Берлине. «Голос» провозглашал, что «Россия не должна допускать Пруссии чрезмерных притязаний», клонящихся «к созданию нового военного государства в Европе в 40 млн. населения», и призывал предупредить эти события «благоразумными советами»².

Недовольство «Голоса» пассивностью русской внешней политики проявлялось особенно сильно в связи с поездкой Бисмарка в Биарриц. Визит прусского министра к Наполеону III ярко подчеркнул падение влияния и самостоятельной роли царизма в европейских делах. Бисмарк главной задачей считал обеспечение нейтралитета не России, а Франции. Некоторые русские газеты полагали, что Бисмарк охотно уступит Наполеону III прирейнские земли, лишь бы получить свободу действий в Германии.

Благожелательное отношение России к Пруссии признавалось «Голосом» возможным только при условии отказа со стороны последней от всех притязаний в Германии. В противном случае Россия должна «потребовать от Пруссии расчета в услугах и территориальной гарантии на Востоке против ее честолюбивых завоевательных замыслов на Севере и Западе», а также возбудить вопрос о поправке восточной границы Пруссии в пользу России. «Тут округление было бы вовсе не уместно для России»³,— писала газета.

После Гаштейнской конвенции внимание русской печати все более обращалось к Ближнему Востоку. Русские помещики и буржуазия, напуганные возможностью утраты преобладания России в Балтийском море, выдвигали вопрос о необходимости укрепления ее позиций

¹ «Голос» № 227, 234, 1865 г.

² «Голос» № 286, 293, 1865 г.

³ Там же.

на Балканах, чтобы и там не допустить каких-либо перемен не в ее пользу и получить на Ближнем Востоке вознаграждение за отказ от активного вмешательства в дела Западной Европы¹.

Русские помещичье-буржуазные круги опасались, что Австрия, вытесняемая из Германии, усилит свою агрессию на Востоке и что эти стремления находят поддержку у западных держав, особенно у Англии и Пруссии. В прессе единодушно отмечалось, что Россия не допустит никаких перемен на Ближнем Востоке в ущерб своим интересам и не может примириться с расширением австрийской территории за счет славянских земель. Виднейшие либеральные и консервативные газеты подчеркивали, что в случае обострения восточного вопроса Россия, невзирая на потребность в сосредоточении на внутренних делах, должна будет пойти на самое энергичное вмешательство и на любые жертвы. «Голос» призывал заранее осознать эту «настоятельную необходимость», считая этот вопрос важнее даже, чем «какие бы ни были внутренние реформы»².

В 1866 г. на русско-пруссские отношения усилилось влияние событий в дунайских княжествах. Русские газеты призывали не допустить занятия княжеств турецкими войсками после свержения князя Кузы. «Московские ведомости» считали, что России было бы выгодно создание единого Румынского государства, так как это событие означало бы дальнейший подрыв устоев Парижского мира 1856 г. Внимание газет привлекала позиция Пруссии по вопросу о княжествах.

В связи с созывом международной конференции по вопросу о княжествах «Голос» и другие газеты высказывали недоверие к политике Пруссии и опасались, что последняя может сговориться о передаче княжеств под контроль Австрии за согласие последней на переход Шлезвига и Голштинии в руки Пруссии. Подобный проект вся русская печать единодушно объявляла неприемлемым для России и способным вызвать только общеевропейскую войну, так как Россия в этом случае не останется безучастной.

¹ «Голос» призывал царское правительство активизировать свою политику и экономическую экспансию России на Востоке. («Голос» № 54, 1865 г.)

² «Голос» № 74, 1866 г., а также № 54, 1865 г.

Подготовка австро-прусской войны усилила тревогу в русской помещичье-буржуазной печати. Война в Германии объявлялась нежелательной, так как она могла привести к невыгодным для России последствиям. Но не меньше опасений русской прессе внушала возможность дипломатического урегулирования австро-прусского конфликта за счет дунайских княжеств или других балканских территорий. Такой оборот дела, по мнению «Московских ведомостей», был бы гораздо более серьезной угрозой для России, чем австро-прусская война. Россия не может допустить вознаграждения Австрии за счет дунайских княжеств; она должна добиваться пересмотра Парижского мира 1856 г., твердили русские консервативные и либеральные газеты¹.

Вполне понятно поэтому, что идея созыва общеевропейского конгресса не могла найти поддержки в русской печати. На страницах многих газет высказывалась мысль, что конгресс мог бы предотвратить войну только в том случае, если бы между Англией, Францией и Россией царило единодушие, а так как эти державы разделены взаимными противоречиями, то созыв конгресса бессмыслен и даже опасен для России. Он мог повлечь за собой соглашение всех западных держав по восточному вопросу в ущерб русским интересам, но «не устранил бы войны»². Следует отметить, что в своих предположениях относительно возможных итогов австро-прусской войны большая часть русских газет утверждала, что силы противников «почти равны» и потому война вряд ли окончится победой одной из сторон. Исходя из этого, «Московские ведомости» писали, что России нет необходимости стремиться к предотвращению войны между Австрией и Пруссией и что ее вмешательство в эту «внутреннюю борьбу германских интересов» было бы «решительным безумием». Как видим

¹ См. «Московские ведомости» № 41, 57, 1866 г.; «Голос» № 61, 83, 152, 1866 г.

² См. «Московские ведомости» № 92, 1866 г. «Русский вестник», т. 62, стр. 836 (636); «С.-Петербургские ведомости» № 78, 124, 127, 141, 1866 г. Такого же мнения держался Ф. И. Тютчев (см. *К. Пи-гарев*, Ф. И. Тютчев и проблемы внешней политики царской России, «Литературное наследство», т. 19—21, М., 1935, стр. 206). Идея созыва конгресса находила поддержку некоторое время лишь на страницах «Голоса», боявшегося всеобщей войны. (См. «Голос» № 77, 83, 125, 137, 1866 г.)

Катков рассчитывал на взаимное ослабление Австрии и Пруссии во время войны 1866 г. «Весть» осуждала использование Бисмарком «принципа национальностей» и обвиняла его в союзе с революционерами¹.

Вместе с тем в печати высказывались опасения, что война из Германии может распространиться и на всю Европу. Особенно серьезные подозрения внушала французская политика. Воинственная речь Наполеона III в Оксере послужила поводом к тревожным комментариям относительно замыслов Франции и, по словам журнала «Отечественные записки», должна была «отозваться в Европе пушечным выстрелом»².

Русская пресса считала нейтралитет Франции слишком «сомнительным» и высказывала подозрения, что во время свиданий в Биаррице между Наполеоном III и Бисмарком был заключен тайный сговор относительно взаимных территориальных уступок³.

Но больше всего помещичье-буржуазная печать боялась, что война эта может дать ход восточному вопросу и таким образом вынудит Россию к выступлению. О желательности нейтралитета в войне Австрии с Пруссией и о неизбежности дипломатического или военного вмешательства России в случае возбуждения восточного вопроса писали почти все влиятельные газеты⁴. Имея в виду такую возможность, «С.-Петербургские ведомости» призывали усилить русскую армию. Мнение, что России вряд ли удастся избежать участия в войне, иногда соединялось со стремлением поскорее освободиться от условий Парижского мира 1856 г. Упомянутый уже сенатор К. Н. Лебедев писал весной 1866 г.: «Может быть, заставят и нас принять участие в европейском деле. Жаль, что мы *не совсем* готовы. Южной дороги еще нет. А то пусть привлекут и нас. И у нас есть ненавистные трактаты»⁵.

¹ См. «Московские ведомости» № 67, 92, 1866 г. См. также «С.-Петербургские ведомости» № 111, 1866 г.; «Весть» № 43, 44, 1866 г.

² «Отечественные записки» № 5, 1866 г., стр. 52.

³ См. «Московские ведомости» № 67, 255, 1866 г.; «Голос» № 125, 280, 1866 г.; «Отечественные записки» № 5, 1866 г., стр. 47—48; «Русский вестник», т. 62, стр. 831.

⁴ См. «С.-Петербургские ведомости» № 95, 130, 148, 1866 г.; «Голос» № 74, 83, 1866 г.; «Московские ведомости» № 41, 1866 г.

⁵ Из записок К. Н. Лебедева, 1866 г., «Русский архив», 1911, кн. 7, стр. 366.

В начале австро-прусской войны помещичье-буржуазные газеты писали, что для России выгодно поддержание прежнего соотношения сил в Германии, а потому она не может желать победы ни Пруссии, ни Австрии. «Голос» упрекал Каткова в примирительном отношении к Пруссии. Победу Пруссии «Голос» и другие газеты признавали очень нежелательной главным образом из опасений за интересы России на Балтийском море, в Польше и в Прибалтике, особенно в случае возрождения захватнических планов Фридриха II¹. Газеты опасались также, что усиление Пруссии приведет к закабалению Германией русской заграничной торговли.

Русская печать выражала недовольство тем, что со времени Крымской войны Пруссия держала в своих руках значительную часть русской отпускной торговли, которую она вела транзитом, переправляя основные предметы русского вывоза — хлеб и лес в другие страны, главным образом в Англию и Францию. То же самое газеты отмечали и в отношении прусского ввоза в Россию, более трети которого составляли товары, в Пруссии не производимые, а специально вывозимые ею из других стран для транзита в Россию. Недовольство русской буржуазии вызывал тот факт, что иностранный ввоз в Россию через руки прусских купцов обогащал последних за счет России и мешал установлению прямых торговых связей русского рынка с другими странами, увеличивая тем самым зависимость его от Пруссии. «Пруссия сосет из нас богатство», — писал «Голос» накануне австро-прусской войны. — Дайте Пруссии одержать решительный верх — тогда вся наша заграничная европейская торговля, кроме архангельского и одесского портов, будет под произволом тарифов и спекуляций Пруссии»². «С.-Петербургские ведомости» также отмечали, что «такой ход дел нельзя назвать естественным», и требовали расширения прямых торговых связей России с другими странами, в особенности с Англией и Францией³.

¹ См. «Московские ведомости» № 92, 97; «Голос» № 77, 83, 184, 187, 193, 1866 г.; «С.-Петербургские ведомости» № 130, 1866 г.; «Отечественные записки» № 7, 1866 г., стр. 4—5.

² «Голос» № 165, 1866 г.; «Отечественные записки» № 4, 1864 г., стр. 122—123; № 7, 1866 г., стр. 4—6.

³ См. «С.-Петербургские ведомости» № 177, 1865 г.

Но прусские капиталисты всячески стремились расширить ввоз в Россию, надеясь найти здесь верный сбыт для своих товаров, которые не могли конкурировать на мировом рынке с изделиями более развитых в промышленном отношении западных стран. Германский таможенный союз строил планы заключения торгового договора с Россией на условиях понижения или отмены и без того низких в эти годы пошлин на ввозимые товары.

В 1865 г. в русской печати и биржевых комитетах обсуждалась записка германского коммерческого съезда, заседавшего в Берлине. Эта записка была составлена под заголовком «О заключении торгово-таможенного договора между Таможенным союзом и Россией» на следующих условиях: Россия должна уменьшить или совершенно отменить пошлину со многих предметов, ввозимых в Россию через прусскую границу; взамен этого прусское правительство обязывалось способствовать прекращению контрабанды, которая велась на всей европейской границе России.

Записка эта вызвала резкие возражения в русских торговых кругах и печати. Большинство газет и биржевых комитетов высказывались против проекта этого договора, считая, что понижение тарифа приведет к закабалению русского рынка иностранными товарами и кризису отечественной промышленности. Понижение пошлин признавалось допустимым лишь на товары, не производимые в России и необходимые для русской промышленности¹. Кроме того, поражение Австрии в Германии способствовало бы усилению ее агрессии на Ближнем Востоке, что также не отвечало интересам России.

Русская помещичье-буржуазная пресса не хотела и победы Австрии, соперницы России на Балканах, в прошлом активной участницы крымской коалиции². Общую для всех газет позицию в этом вопросе хорошо выразили «Московские ведомости», которые писали, что исход

¹ Мнение Петербургского и Рижского биржевых комитетов. (См. «Сборник сведений и материалов по ведомству Министерства финансов», т. I, 1865, стр. 490—512, а также «С.-Петербургские ведомости» № 137, 175, 177, 1865 г.)

² См. «Московские ведомости» № 97, 1866 г.; «Голос» № 165, 1866 г.; «Отечественные записки» № 7, 1866 г., стр. 4—6, № 8, 1866 г., стр. 100.

войны тем выгоднее для России, чем меньше он затронет «нынешний порядок вещей в Европе»¹.

Победа Пруссии у Садовой была воспринята в русской печати как событие огромной важности для Европы, и в особенности для России. Русские газеты отлично понимали, что результатом этой победы явится полный переворот в «европейском равновесии» и громадное усиление Пруссии со всеми вытекающими из этого последствиями. Отсюда в центре внимания русской прессы снова оказались три вопроса: 1) об угрозе русскому преобладанию на Балтийском море; 2) о положении в Остзейском крае в связи с возможностью усиления там прусского влияния и «сепаратистских» стремлений немецкого дворянства остзейских провинций; 3) о возможности усиления австрийской агрессии на Балканах после вытеснения Австрии из Германии и Италии.

В связи с этими опасениями в части русской печати усилились антипруссские настроения. Что возрастание мощи Пруссии невыгодно для России, теперь признавалось даже некоторыми из тех газет, которые во время войны с Данией занимали позицию, благожелательную по отношению к Пруссии.

Газета «Весть», еще недавно преклонявшаяся перед решительной политикой Бисмарка, обвиняла его теперь в сговоре с революцией и призывала к противодействию прусской политике в Германии, считая, что для России выгоднее, чтобы Австрия «не была оттеснена к Востоку» и сохраняла свои позиции в Германии, а потому русское правительство должно со всей решительностью, не вооруженным, а дипломатическим путем, поддержать Австрию против Пруссии².

С резкими статьями против прусской политики выступали «Московские ведомости». Газета Каткова была тревогу, заявляя, что последствия войны грозят России

¹ «Московские ведомости» № 92, 1866 г. «Голос» допускал мысль о возможности победы Пруссии и полного поражения Австрии. В этом случае, писала газета, Россия должна сделать «поворот» в своей политике. «При разрушении Австрии Червонная Русь должна отойти к нам, и иной сделки Россия не допустит» («Голос» № 187, 1866 г.) «Отечественные записки» советовали не допускать слишком большого усиления Пруссии за счет Австрии или Германии (№ 7, 1866 г., стр. 6).

² См. «Весть» № 57, 1866 г.

стеснениями и опасностями как со стороны Балтийского моря, так и со стороны Черного, так как Австрия после поражения в Германии и Италии перенесет «центр своей политики» на Ближний Восток. Следует учесть, утверждали «Московские ведомости», что война резко нарушила все «политическое равновесие» в Европе и породила новый порядок вещей. В связи с этим России следует постоять за свои права: вернуть себе Южную Бессарабию, добиваться пересмотра Парижского мира, усиливать свое влияние среди славян Австрийской империи и не допускать дальнейшего роста прусского могущества, если только Пруссия не окажет поддержки России на Ближнем Востоке¹.

Хотя России нечего «опасаться сейчас» вторжения со стороны Пруссии, писали «Московские ведомости», «здоровая политика» не может не учитывать, что, став во главе всей Германии, Пруссия сделается опасной для России, и последняя «не может не принимать мер» к возможно большему обеспечению себя с этой стороны². К противодействию прусской политике призывал и либеральный «Голос», в сотый раз заявлявший, что Россия не может отдать в руки Пруссии «ключи Балтийского моря» и позволить создать на своей границе «громадное военное государство»³. Разумеется, ни «Голос», ни «Московские ведомости» не имели в виду вооруженного вмешательства, понимая, что одна Россия не может выступить против Пруссии. Тем не менее они считали, что царское правительство должно принять активное участие в послевоенных переговорах и по возможности стараться не допускать осуществления прусских планов.

«Голос» отмечал, что само по себе объединение Германии в единое национальное государство не вызвало бы возражения со стороны «русского общества», если бы не агрессивные планы Пруссии и немецких либералов⁴. «Голос», как и «Московские ведомости», утверждал, что России следует опасаться не только за свои интересы на Балтийском море, но за Польшу и прибалтийский

¹ См. «Московские ведомости» № 140, 141, 150, 1866 г.

² См. «Московские ведомости» № 150, 1866 г. См. также «Русский вестник», т. 64, стр. 420.

³ «Голос» № 16, 1864 г.; № 184, 1866 г.

⁴ См. «Голос» № 184, 187, 193, 1866 г.

край. Проведение крестьянской реформы в прибалтийских провинциях и меры по их ассимиляции после 1863 г. вызвали недовольство прибалтийского дворянства, желавшего сохранить у себя средневековые, феодальные порядки. Борьбу против этих сепаратистских стремлений прибалтийских баронов возгавили «Московские ведомости» и орган военного министерства «Русский инвалид». Катков подчеркивал склонность прибалтийского дворянства к «немецкому сепаратизму», а «Русский инвалид» — намерение этого дворянства сохранить «беспредельную» власть над финским, латышским и русским населением в крае. Точку зрения «Русского инвалида» разделяли и «С.-Петербургские ведомости»¹. Прибалтийская аристократия имела мощную поддержку среди самых ярых реакционеров при дворе; шеф жандармов князь В. А. Долгоруков потребовал от Д. А. Милютина прекращения нападков на «немцев», но «Московские ведомости» и другие газеты не унимались. Бисмарк, который стремился привлечь на свою сторону русскую прессу, пытался через прусского военного агента Швейница, а затем и прусского посла князя Рейса воздействовать на Каткова, прося его «не увлекаться страстями» и «не сеять раздора между двумя нациями»².

«Нельзя поручиться», — писал «Голос», — что Пруссия «завтра же... не предъявит претензий на Остзейские провинции, на порт рижский...» в придачу к Кильской гавани. ««Drang nach Osten» сделался лозунгом нынешних бюргеров»; продолжающееся онемечивание эстов и латышей «кажется им авангардной победой». Не мешало бы «подумать об этом!» — восклицала газета³.

Немецкая печать, защищавшая интересы прибалтийского дворянства, подняла яростную кампанию против «травли немецкой национальности» и принялась вопить о «притеснениях» в прибалтийском крае в отношении протестантов, требуя свободы обратного перехода в люте-

¹ См. П. А. Зайончковский, Д. А. Милютин. Биографический очерк (в кн. «Дневник Д. А. Милютина», т. I, М., 1947, стр. 34, 35). См. «С.-Петербургские ведомости» № 215, 1864 г.

² Швейниц и князь Рейс вели переговоры с Катковым через видного цензурного деятеля 60-х годов Е. М. Феоктистова (Е. М. Феоктистов, За кулисами политики и литературы, стр. 314—315).

³ См. «Голос» № 193, 234, 1866 г. Аналогичное мнение см. в книге цензора А. В. Никитенко, Дневник, изд. 1956 г., т. 3, стр. 41.

ранство из православия. Бисмарк заявил Убри о неизбежности обсуждения этого вопроса в прусском ландтаге и сообщил о том же в Петербург¹. В ответ на это Убри предписано было предостеречь Пруссию от вмешательства во внутренние дела России, и Бисмарк вынужден был принести Горчакову извинения².

В 1866 г. и позднее положение в прибалтийских губерниях продолжало занимать правящие круги России. Д. А. Милютин в своих воспоминаниях отмечал, что в прибалтийских провинциях приходится бороться с «местными сепаратистскими стремлениями» дворянства³, а победы Пруссии могли еще более усилить эти настроения прибалтийских баронов⁴. Рассматривая этот вопрос с великодержавных позиций, «Московские ведомости» неустанно обвиняли прибалтийское дворянство в «немецком сепаратизме», а немецкую печать — в стремлении возбудить в прибалтийских губерниях агитацию, имеющую целью присоединение их к Германии. В связи с этим «Московские ведомости» и «Голос» призывали усилить русское влияние в прибалтийских губерниях и соединить их «теснейшей связью» с Россией⁵.

С разоблачением сепаратистских и ультраретроградных тенденций остзейской немецкой знати выступал известный славянофил и весьма умеренный деятель реформ 60-х годов Ю. Ф. Самарин. Еще в 1849 г. он написал по этому поводу «Письма из Риги», а после австро-прусской войны стал издавать за границей пам-

¹ Бисмарк Редерну 15 и 30 марта 1865 г., *O. Bismark, Die Gesammelten Werke, Bd. V, S. 132—135, 147—148.*

² Копия письма Горчакова Убри от 18 (6) мая 1865 г. (ЦГАДА, р. XXX, д. 9/27, стр. 101—108) и Бисмарк Горчакову, 27 марта 1865 г., «Красный архив», т. 6 (61), М., 1933, стр. 15—17.

³ См. Д. А. Милютин, Воспоминания. 1866 г., Р. о. Гос. публ. б-ки им. В. И. Ленина, ф. Милютина, д. 7847, стр. 171. В 1866 г. полковник А. К. Гейнс, находясь в Средней Азии, записал в своем дневнике, что Садовая создает для России прибалтийский вопрос, который «станет на очередь», когда Северная Германия «будет в силах выставить в поле миллионную армию» (*А. К. Гейнс, Собрание литературных трудов, т. II, СПб., 1898, стр. 213.*)

⁴ Эмигрант П. В. Долгоруков прямо высказывал опасения, что Пруссия «рано или поздно не преминет предъявить притязания на Остзейские провинции». (*П. В. Долгоруков, Петербургские очерки. 1860—67, М., 1934, стр. 281.*)

⁵ См. «Московские ведомости» № 150, 1866 г.; «Голос» № 234, 1866 г.

флеты под названием «Окраины России», выступая в них за высвобождение эстов и латышей из-под влияния немецкой знати¹.

И. С. Аксаков ратовал за предоставление крестьянам прибалтийских провинций тех же прав, что и в русских губерниях², и издевался над «защитницей прусских интересов», немецкой газетой русской императорской Академии наук — «Санкт-Петербургер Цайтунг», корреспонденты которой «отправляются на поклонение, словно в мекку, в конюшню прусского короля и с умилением и признательностью лобызают кобылу его величества, бывшую под ним в день сражения при Садовой»³.

Резкие выступления влиятельных русских газет обратили на себя внимание прусской печати. Кёльнская газета отмечала, что русская журналистика говорит о Пруссии «опасным языком», и всячески уверяла, что со стороны Пруссии России не грозит никакой опасности. В ответ на это «Русский вестник» заявлял, что прусские газеты стремятся «усыпить бдительность России»⁴.

В выступлениях «Голоса», «Московских ведомостей» и других газет легко заметить нотки недовольства пассивностью русской внешней политики и опасения того, что царское правительство станет поддерживать Пруссию. Наметившиеся разногласия между правительственным курсом и органами печати нашли выражение и в резкой полемике «Московских ведомостей» с инспирированной царским правительством брюссельской газетой «Le Nord», недовольной «шумными возгласами» русской печати против Пруссии. «Московские ведомости» были встревожены высказываниями некоторых английских газет, писавших накануне миссии Мантейфеля о возможности союза Пруссии с Россией. Катков заявил, что «в настоящее время» подобный союз «был бы равносителен отречению России от себя самой и от собственных интересов»⁵. Опасения относительно последствий усиления Пруссии после Садовой высказывали и другие

¹ Шесть выпусков «Окраин России» вышли в свет в Берлине в 1867—1876 гг.

² См. «День» № 47—48, 9 декабря (27 ноября) 1865 г.

³ «Москва» № 136, 5 октября (23 сентября) 1867 г.

⁴ «Русский вестник», т. 64, стр. 420.

⁵ «Московские ведомости» № 185, 1866 г.

известные русские общественные деятели буржуазно-помещичьего лагеря, в частности поэт и дипломат Ф. И. Тютчев, близкий по своим идеям к славянофилам. Но Тютчев, как и все, не считал возможным самостоятельное вооруженное вмешательство России в австро-прусскую распрю. Действия царской дипломатии Ф. Тютчев находил слабыми и глупыми и полагал, что России незачем сближаться ни с Пруссией ни с Австрией и следует обратить свои силы на Ближний Восток. Влияние на русскую политику династических связей царской фамилии с немецкими дворами он считал вредным для России и с иронией называл петербургский двор «сокращенной Германией». С полной ясностью он видел неизбежность в будущем франко-прусской войны и провала политики Наполеона III¹.

Важно отметить, что после Садовой в связи с обсуждением итогов австро-прусской войны некоторые русские газеты стали все чаще высказываться за сближение России с Францией. «Весть», еще недавно призывавшая другие государства сплотиться против «революционной» политики Наполеона III, теперь заявляла, что Россия могла бы сблизиться с Францией, если последняя не «запросит за это слишком дорогую цену», и добавляла, что «если Наполеон III не поймет, что наступила пора сблизиться с Россией», то Бисмарк станет повелителем Европы².

«Московские ведомости» в период открытия переговоров в Петербурге с Мантейфелем также писали, что «интересы России в настоящее время» гораздо более совпадают с интересами Франции, нежели Пруссии или какой-либо другой из остальных великих европейских держав. «Если это еще не совсем понятно в Париже, то дальнейший ход событий не замедлит вразумить непонимающих». Газета указывала далее, что Франция сама находится накануне столкновения с Германией, и «французская политика живет, чем когда-либо, должна почувствовать, какую цену имеет для нее доброе согласие с Россией»³.

¹ См. письма Ф. И. Тютчева за 1866 г., «Старина и новизна», 1916, кн. 21, стр. 215—219, 221. В рассматриваемые годы Ф. И. Тютчев состоял старшим цензором при особой канцелярии Министерства иностранных дел.

² См. «Весть» № 61, 21 (8) августа 1866 г.

³ «Московские ведомости» № 164, 167, 1866 г.

Либеральный «Голос» тоже призывал осознать опасность, которую несет с собой создание на границах Франции и России «огромного военного государства»¹ во главе с Пруссией. Однако эти высказывания не получили в русской печати дальнейшего развития, так как враждебность к России политики Наполеона III практически исключала всякую возможность сближения между этими странами. Попытки Наполеона III достичь соглашения с Пруссией с целью получения компенсаций на левом берегу Рейна, а затем сближение его с Австрией после Садовой лишней раз убеждали в бесплодности подобных стремлений.

В связи с этим внимание помещичье-буржуазной печати все более сосредоточивалось на компенсациях, которые Россия могла бы потребовать за свой нейтралитет во время войны и согласие на изменение карты Германии. «Московские ведомости» писали, что Россия «могла бы дать охотно свое согласие» на предполагаемые Пруссией перемены, если бы последняя «склонилась в пользу политических комбинаций, непосредственно выгодных России». В качестве основного требования русские газеты выдвигали вопрос об отмене Парижского мира 1856 г. В июле Катков предлагал воспользоваться провозглашением Карла Гогенцоллерна наследным князем Румынии, что было прямым нарушением Парижского трактата и потребовать возврата Южной Бессарабии².

Выступления других газет по этому вопросу были не менее выразительны. Они носили характер открытой пропаганды за немедленную отмену этого трактата. Так, например, «Голос» в начале августа открыто призывал воспользоваться ломкой трактатов, которая происходит в Европе, для отмены Парижского мира 1856 г. «Голос» подчеркивал, что восстановление прав России на Черном море особенно важно «теперь, когда перед нашими глазами запирают и Балтийское море» ключами, которыми овладела Пруссия³.

Вопрос этот приобрел еще большее значение в связи с обострением летом 1866 г. положения на Ближнем Востоке вследствие восстаний на Крите. Эти события

¹ «Голос» № 177, 1866 г.

² См. «Московские ведомости» № 141, 150, 155, 160, 1866 г.

³ См. «Голос» № 205, 1866 г.

совпали с поражением Австрии в Германии и Италии и вызвали сильное возбуждение и тревогу в русских помещичье-буржуазных кругах, опасавшихся, что Австрия и западные державы воспользуются осложнениями на Ближнем Востоке в собственных интересах, без согласия и участия России. Многие считали, что этому может способствовать пассивная политика России, рассматриваемая западными державами как признак слабости и потому побуждавшая их к действию. Цензор А. Никитенко писал в своем дневнике: «В Европе (по милости нашей пассивной и вялой политики), кажется, укореняется мысль, что с нами справиться нетрудно»¹.

В августе 1866 г. по поводу Критского восстания русские газеты начали писать о том, что Австрия стремится расширяться на Восток, а Франция тоже старается воспользоваться событиями на Балканах в своих интересах². «Московские ведомости» указывали на солидарность западноевропейских держав, которые попытаются поскорее «разрешить» восточный вопрос, пока Россия кажется им слабой и «не совсем готовой к действию».

Следует отметить, что в оценке значения этих событий для России в русской прессе не наблюдалось почти никаких разногласий. Все газеты, консервативные и либеральные, в один голос заявляли, что, если осложнится восточный вопрос, Россия будет готова принять вызов и выступит во что бы то ни стало³. «Мы не отступим перед участием в войне», несмотря ни на какие жертвы, писали «С.-Петербургские ведомости», хотя и считали, что «в русском обществе» преувеличивают «сейчас» возможность обострения восточного вопроса⁴. «Московские ведомости» больше подчеркивали моральное влияние России на Ближнем Востоке.

В это время «Московские ведомости» снова обратились к мысли о возможности сближения с Пруссией, если та поддержит Россию в восточном вопросе. Катков не раз писал, что если бы Пруссия стала действовать

¹ А. В. Никитенко, Дневник, т. 3, изд. 1956 г., стр. 41.

² См. «Московские ведомости» № 174, 176, 188, 1866 г.; «Голос» № 211, 223, 1866 г.; «С.-Петербургские ведомости» № 172, 1866 г.

³ См. «Московские ведомости» № 174, 176, 188, 1866 г.; «Голос» № 223, 1866 г.

⁴ См. «С.-Петербургские ведомости» № 161, 172, 1866 г.

заодно с Россией по вопросам, которые стоят теперь на очереди, то она могла бы рассчитывать на содействие России в германских делах. Осенью 1866 г., после посещения Петербурга прусским кронпринцем, когда во французской печати стали распространяться слухи о русско-прусском союзе, «Московские ведомости» заявляли, что Россия должна заручиться обещанием помощи со стороны Пруссии в восточном вопросе¹, а именно в деле отмены Парижского мира 1856 г. Если же Россия и теперь вынуждена будет «устраниться от всякого действия по делам Востока, союз наш с Пруссией, при таких обстоятельствах, был бы не союзом, а разве службой, которую мы взяли бы на себя без всякой взаимности с ее стороны, и быть может в ущерб интересам и безопасности нашего государства на будущее время»². Таким образом, «Московские ведомости» пропагандировали ту же точку зрения, на которую встало царское правительство во время переговоров с Мантейфелем. «Голос» тоже не опровергал толков французской печати о русско-прусском сближении на почве восточного вопроса и выражал пожелания, чтобы эти связи были прочнее, активнее в целях «политического и общественного спокойствия Европы». Под последним газета подразумевала сопротивление французской агрессии и борьбу с революционным движением³.

Изучение русской помещичье-буржуазной прессы в 1864—1866 гг. позволяет сделать следующие выводы: русские газеты и журналы на первое место выдвигали задачи внутреннего развития России, т. е. проведение буржуазных реформ «сверху» и необходимость воздержания от военного вмешательства в дела Западной Европы.

В области внешней политики важнейшим вопросом они единодушно признавали ближневосточную проблему, и в частности отмену Парижского мира 1856 г. Но сознание экономической и военной слабости России и занятость внутренними реформами вынуждали русских помещиков и буржуазию не желать в это время обострения восточного вопроса и все планы на этот счет

¹ См. «Московские ведомости» № 155, 221, 1866 г.

² «Московские ведомости» № 221, 1866 г.

³ См. «Голос» № 311, 1866 г.

откладывать на будущее при условии недопущения там каких-либо невыгодных для России изменений.

В вопросе объединения Германии русская помещичье-буржуазная печать занимала антиреволюционную и противоречивую позицию.

С одной стороны, русская пресса под влиянием широкого объединительного движения в Германии вынуждена была признать правомерность и необходимость объединения Германии в единое национальное государство, причем и консервативные и либеральные органы склонялись к поддержке прусского пути объединения, лишь бы не допустить решения этого вопроса «снизу», путем революции. При этом русские либералы считали необходимым проведение прусским правительством буржуазных реформ внутри страны.

С другой стороны, возрастание мощи агрессивной Пруссии внушало русским помещикам и буржуазии большие опасения за свои интересы на Балтийском море, в Польше и Остзейском крае и побуждало их ратовать за поддержание статус-кво в Германии. Эти опасения оказали решающее значение на их позицию во время войн Пруссии с Данией и Австрией. Одобряя нейтралитет России, русская пресса была тревогу по поводу усиления Пруссии и требовала активного дипломатического противодействия со стороны царского правительства с целью не допустить нарушения «европейского равновесия».

В 1866 г. недовольство политикой царского правительства, занявшего после Садовой благоприятную для Пруссии позицию, стало явно высказываться на страницах некоторых влиятельных газет, выражавших склонность к сближению с Францией. Но эти расхождения между политикой царского правительства и помещичье-буржуазным общественным мнением лишь намечались и не получили в 1866 г. полного развития. Враждебная политика Второй империи к России, практически исключавшая возможность сближения между этими государствами, попытки Наполеона III достичь сговора с Бисмарком для получения компенсаций, а также обострение восточного вопроса — все это привело к тому, что помещичье-буржуазная печать в лице своих наиболее влиятельных органов стала высказываться за сближение с Пруссией на условиях поддержки с ее стороны от-

мены наиболее тяжелых для России статей Парижского мира 1856 г., т. е. проповедовать ту точку зрения, на которую встало в итоге царское правительство.

Русская помещичье-буржуазная печать в основном поддерживала в 1864—1866 гг. политику царского правительства в отношении войн Пруссии за объединение Германии «железом и кровью». Эта печать свидетельствует об общности основной внешнеполитической платформы всего помещичье-буржуазного лагеря, несмотря на весьма заметные различия точек зрения между умеренными либералами и крайними крепостниками-ретроgrадами по отдельным вопросам. Вместе с тем в 1866 г. явно нарастало недовольство помещичье-буржуазной печати дальнейшим усилением Пруссии и упадком международного влияния царской России. В последующие годы тревога русской помещичье-буржуазной печати по поводу создания в центре Европы мощного агрессивного милитаристского германского государства во главе с Пруссией возросла еще больше и особенно усилилась после франко-прусской войны 1870—1871 гг. и образования Германской империи.

РУССКИЕ РЕВОЛЮЦИОННЫЕ ДЕМОКРАТЫ И ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ ПЕЧАТЬ 60-х годов О ПРОБЛЕМЕ ОБЪЕДИНЕНИЯ ГЕРМАНИИ И ВОЙНАХ ПРУССИИ

1. А. И. Герцен о прусских войнах и проблеме объединения Германии в 60-х годах XIX в.

Против консервативных и либеральных течений, враждебных народу и отстаивавших интересы различных групп русских помещиков и буржуазии, выступали русские революционные демократы, выражавшие в своих идеях нараставшую революционность передовой части народных масс России, и прежде всего революционность русского крестьянства.

В ту пору, когда на смену дворянскому периоду русского революционного движения пришел период разночинский, продолжал свою деятельность А. И. Герцен — представитель поколения «дворянских, помещичьих революционеров первой половины прошлого века»¹.

Русские революционные демократы сумели с большой силой и глубиной выразить стремления и интересы трудового русского народа и оказали могучее влияние на все развитие передовой общественной мысли и революционного движения. Они отличались глубочайшей преданностью интересам народа, пламенной защитой его прав, постоянным стремлением к раскрепощению страны. Они всегда исходили из сознания, что есть две России: Россия правящих верхов и Россия народа, трудящихся масс, передовых борцов за свободу. Непримируемая борьба русских революционных демократов с помещичье-буржуазным либерализмом, действенный характер их материалистического мировоззрения, высокий революционный патриотизм и беспощадное осуждение ими национального угнетения свидетельствуют о том,

¹ В. И. Ленин, Памяти Герцена, Соч., т. 18, стр. 9

что они были последовательнее и революционнее западноевропейских буржуазных демократов 40—60-х годов.

Крупнейшим представителем русской революционной демократии на международной арене был Герцен. Его революционно-демократическое мировоззрение явилось великим достижением русской революционной мысли середины XIX в. В. И. Ленин подчеркивал, что уже в 40-х годах XIX в., в условиях крепостной России, Герцен «сумел подняться на такую высоту, что встал в уровень с величайшими мыслителями своего времени», что уже тогда он был «демократом, революционером, социалистом»¹.

Герцену были свойственны колебания и отступления от демократии к либерализму. Мировоззрение его формировалось в 40-х годах XIX в. в условиях отсталой крепостнической России. В 1847 г., когда Герцен покидал Россию, он еще не видел ясно революционного народа. Этим объясняются его колебания.

«Однако, справедливость требует сказать,— указывал В. И. Ленин,— что, при всех колебаниях Герцена между демократизмом и либерализмом, демократ все же брал в нем верх»². «Не вина Герцена, а беда его, что он не мог видеть революционного народа в самой России в 40-х годах»,— писал В. И. Ленин. Когда же Герцен увидел его в 60-х годах, «он безбоязненно встал на сторону революционной демократии против либерализма»³.

Страстная ненависть к самодержавно-крепостническому строю России и беспредельная любовь к русскому народу, глубокая вера в его великое будущее помогли Герцену преодолеть ограниченность дворянских революционеров, порвать с либеральными иллюзиями и встать на путь последовательной революционной крестьянской демократии. Герцен стал глашатаем крестьянской революции, и его мировоззрение отражало революционность русского крестьянства.

Основу политических взглядов Герцена составлял революционный демократизм и социализм. В конце жизни под воздействием подъема рабочего движения в Европе Герцен обратил свои взоры к I Интернационалу, создан-

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 18, стр. 9—10.

² Там же, стр. 12.

³ Там же, стр. 14.

ному и руководимому Марксом. Но Герцен не смог стать на позиции марксизма, осознать всемирно-историческую роль рабочего класса. Вплотную подойдя к диалектическому материализму, он остановился перед материалистическим пониманием истории. Он пришел к теории «русского социализма», который при всей его революционности был утопическим. В этой теории «русского социализма», т. е. в освобождении крестьян с земель и общинном землевладении, не было, как указывал Ленин, «ни грана социализма»¹. Его «социализм» «принадлежал к числу тех бесчисленных в эпоху 48-го года форм и разновидностей буржуазного и мелкобуржуазного социализма, которые были окончательно убиты июньскими днями». Отсюда вытекала «духовная драма Герцена», его глубочайшее разочарование в буржуазной демократии. «Духовная драма» Герцена была «порождением и отражением той всемирноисторической эпохи, когда революционность буржуазной демократии уже умирала (в Европе), а революционность социалистического пролетариата еще не созрела»².

Революционный демократизм Герцена нашел яркое выражение в его отношении к буржуазно-национальным движениям и войнам 40—60-х годов XIX в. Воззрения Герцена по этому вопросу сформировались еще во время революций 1848—1849 гг. Уже тогда Герцен выступил защитником всех угнетенных и поработенных народов и горячо приветствовал их национально-освободительную борьбу. Он с восторгом встретил национально-освободительное движение в Италии, где «собственными глазами» видел «начало великого восстания» и глубоко сокрушался по поводу его жестокого подавления, в результате чего в Италии установилось «удвоенное иго», погрузившее народ «в еще большее рабство»³.

В 1848 г. Герцен стоял за уничтожение Австрийской империи и освобождение поработенных ею народов. Ему ненавистно было ее «искусственное единство», которое «может держаться только насилием». «Что Вена за центр империи, к которой притянуты на вожжах

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 18, стр. 11.

² Там же, стр. 10.

³ А. И. Герцен, Письма из Франции и Италии, С того берега, М.—Л., 1931, стр. 276.

итальянцы, немцы, венгерцы, славяне?»¹ — писал он. Герцен приветствовал «огромную по смыслу и последствиям» революцию в Вене, надеясь, что она поведет к распадению Австрийской империи². Сочувствуя объединительным стремлениям немецкого народа, Герцен уже тогда бичевал реакционную политику Пруссии и других германских государств. Он писал, что ему «жаль Германию, которая встала во весь рост для того, чтобы упасть к ногам своих тридцати помещиков»³.

В 1848 г. Герцен, наблюдая революции во Франции, Италии и Германии, увидел подлинное лицо западноевропейской контрреволюционной буржуазии. Кровавая жестокость, с какой Учредительное собрание из «осерчалых лавочников» расправлялось с восставшим народом в июньские дни в Париже, предательская политика в отношении народа германской и итальянской буржуазии окончательно убедили Герцена в том, что буржуазия и народ — это «два враждебные стана»⁴. Сложившаяся в условиях революции 1848 г. революционно-демократическая точка зрения Герцена на буржуазно-национальные движения и войны получила свое дальнейшее развитие в 50—60-х годах XIX в.

Герцен был идеологом политического равноправия и независимости народов и одним из первых среди русских общественных деятелей выступил в защиту прав всех угнетенных народов.

Горячее сочувствие и поддержку Герцена встречали не только угнетенные «петербургским мертвящим деспотизмом» народы России, но и задавленные гнетом «вседушающей Австрии» славяне, венгры, итальянцы, негры в США, подвергавшиеся жестокой расовой дискриминации. «Двух мер у нас нет, — писал он, — наши убеждения не зависят ни от географической долготы и широты, ни от патриотической алчности и скопидомства, а потому мы так же братски приветствуем греков на Крите, как приветствовали в 1863 году поляков на Висле»⁵.

¹ А. И. Герцен, Письма из Франции и Италии, С того берега, М.—Л., 1931, стр. 205.

² Там же, стр. 111.

³ Там же, стр. 277.

⁴ Там же, стр. 134, 255.

⁵ А. И. Герцен, Полн. собр. соч. и писем, под ред. М. К. Лемке, т. XIX, Пгр., 1919—1925, стр. 259—260.

Герцен, как и другие русские революционные демократы, горячо желал победы венгерской революции 1848—1849 гг. Интервенция царизма против революционной Венгрии вызвала у него глубочайшее возмущение. «Когда Венгрия восстала,— писал он,— Австрия дышала на ладан и совсем перестала бы дышать, если бы не преступная рука Николая»¹.

Герцен твердо стоял на позиции признания равноправия и суверенитета всех наций и государств, независимо от того, являются ли они большими или малыми, и решительно протестовал против вмешательства во внутренние дела их со стороны другого государства. Также решительно выступал Герцен против насильственного насаждения «культуры» так называемых цивилизованных наций среди малых народов.

Беспощадной критике со стороны Герцена было подвергнуто стремление австро-германских националистов распространить свое владычество на юго-восток под предлогом выполнения «цивилизаторской» миссии. «Немецкие публицисты,— писал он,— выдумали для Австрийской империи всемирно-историческое *призвание*, она, видите, именно состоит в *образовании полу-дикого юго-востока Европы*... Королевско-имперская цивилизация состоит в постоянном гнете всего народного и в *онемечивании*. Но ни итальянцы, ни мадьяры, ни славяне не хотят вовсе образоваться в немцев... Мы знаем, что значит насильно образовывать, это — одна из гибельнейших идей, в силу которой бездушной дрессировке и фельдфебельской выправке дается вид *благоденствия*...»² Бичуя Австрийскую империю и австрийский гнет над населявшими ее народами, Герцен писал: «Ни славяне, ни мадьяры не составляют ни сателлитов, ни даже попутчиков германскому миру. Славяне — это *грядущая* часть человечества, вступающая в историю. Мадьяры составляют какую-то самобытную случайность, они имеют столько же прав на независимость, сколько Швейцария, сколько Греция, сколько Молдо-Валахия»³.

Являясь врагом космополитизма, буржуазного национализма и расизма, Герцен был проникнут революционно-демократическим патриотизмом. Он был полон

¹ А. И. Герцен, Соч., т. X, стр. 6.

² Там же, стр. 5.

³ Там же, стр. 8.

сочувствия к передовым общественным силам других стран и народов, готовности помогать им и сотрудничать с ними. Герцен всегда выступал против национальной исключительности, высмеивая славянофилов за враждебность их к мадьярам и немцам. Ему чужды были «узкие народные ненависти», которые «ненавидят, не рассуждая»¹.

Подлинный русский патриот Герцен ненавидел официальную Россию Зимнего дворца, но беспредельно любил свою родину и свой народ. «Я страшно люблю Россию и русских»,— восклицал он в письмах «К друзьям»². Герцен был убежден в том, что настоящий патриотизм не может ужиться с неприязнью к другим народам, с примирительным отношением к национализму и самодержавно-помещичьему строю.

«Нельзя начинать эру свободы в своей родине, затягивая веревку на шее соседа; нельзя себе требовать прав и теснить во имя материальной силы и политических фантазий другой народ»³,— в этих словах сказалась близость Герцена к точке зрения основоположников марксизма в национальном вопросе. Вот что писал Энгельс в письме к Марксу по поводу завоевания Англией Ирландии: «На примере ирландской истории можно видеть, какое это несчастье для народа поработить себе другой народ. Все английские свинства ведут свое происхождение от ирландской Pale⁴. Я еще должен изучить эпоху Кромвеля, но мне кажется несомненным, что дела в Англии приняли бы другой оборот, если бы не было необходимости военного господства и создания новой аристократии в Ирландии»⁵.

Сопоставляя эти высказывания основоположников марксизма и революционных демократов, нельзя, разумеется, забывать и о том, что марксизм, как революционная теория пролетариата, с присущим ему пролетарским интернационализмом, был качественно иным явлением, отличным от идей революционных демократов.

С революционно-демократических позиций оценивал

¹ А. И. Герцен, Соч., т. IX, стр. 468—469.

² А. И. Герцен, Новые материалы, М., 1927, стр. 45.

³ А. И. Герцен, Соч., т. XV, стр. 514.

⁴ Название восточной, еще в средние века занятой англичанами, части Ирландии.

⁵ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XXIV, стр. 240—241.

Герцен буржуазно-национальные движения и войны середины XIX в. и отношение к ним европейских держав. Революционный демократ, Герцен стоял за право каждого народа самому решать свою судьбу. Он возмущался по поводу «насильственных соединений и расторжений» народностей и протестовал против насильственного удержания любой нации в рамках единого многонационального государства.

Герцен приветствовал буржуазно-национальные движения, но всегда заявлял, что национальное движение и народность, как знамя, как боевой клич только тогда окружаются ореолом, «когда народ борется за независимость, когда свергает иноземное иго»¹. Те же национальные движения, которые сочетались с захватническими целями, находили у Герцена решительное осуждение.

Но Герцен не останавливался на осуждении буржуазного национализма. Он настаивал на необходимости соединения борьбы за национальную независимость с революционной борьбой за социальное освобождение народов. Герцен выступил против того, чтобы во имя национальной или этнической общности «предавались забвению вопросы революционные и социальные» и чтобы национальными признаками «заменились вопросы революционные и социальные» и затмились умы народов и людей до того, что во имя их могли встречаться в том же стане Гарибальди, Бисмарк, греки из Кандии и греки из III отделения»².

По мнению Герцена, вопрос национальный является «только формально революционным, то есть по отношению к чужеземному игу», ибо «одна независимость ничего не говорит: это — понятие отрицательное». «Разве можно быть независимее России?» — спрашивает он, имея в виду сочетание этой независимости с гнетом царизма.

Борьба за национальную независимость, продолжал Герцен, вызывает горячее сочувствие у других народов, но она не может стать «своим делом для чужих» и неизбежно становится частным делом каждого отдельного

¹ А. И. Герцен, Былое и думы, М., ГИХЛ, 1937, т. II, стр. 375—376.

² А. И. Герцен, Соч., т. XIX, стр. 353.

народа. Интересы же революции и социализма «принадлежат всем»¹.

Герцен резко критиковал тех западноевропейских буржуазных демократов, которые, отодвигая на второй план вопросы социального и революционного преобразования страны, шли на соглашение с реакционными силами ради достижения национального единства. Касаясь вопроса итальянского объединения, Герцен указывал, что забвение социальных и демократических задач со стороны руководителей этого движения, мелкобуржуазных демократов, привело к тому, что Мадзини и Гарибальди пошли на уступки Виктору-Эммануилу и Кавуру.

Вопрос о национальной независимости Герцен подчинял общим задачам борьбы за социальное освобождение народов и совершенно правильно считал, что, чем более национальное движение принимает революционный и демократический характер, тем более оно содействует социальному освобождению. В этом вопросе русские революционные демократы были последовательнее западных буржуазных демократов и близко подходили к идеям классиков марксизма, хотя и не смогли, в отличие от них, стать на точку зрения революционного пролетариата. Маркс и Энгельс, подчиняя национальный вопрос социальному, исходили из интересов пролетарской революции, Герцен же — из интересов своего крестьянского утопического социализма.

В вопросе о национальной независимости Герцен правильно исходил из необходимости предоставления нациям права на самоопределение вплоть до государственного отделения. Право на самоопределение Герцен признавал за всеми народами, сохранившими свой национальный быт, религию и язык. По его мнению, независимой может быть не только Польша, но и Украина, Белоруссия, Литва, Финляндия, Грузия, Венгрия и Италия.

Однако необходимость отделения Герцен признавал лишь для тех народов, которые были угнетены реакционными государствами. И наоборот, свободные государства должны не отделяться друг от друга, а объединяться в добровольные федерации для дальнейшего развития

¹ А. И. Герцен, Былое и думы, т. IV, стр. 188.

и сопротивления агрессивным планам реакционных государств, ибо разобщение, например, славян привело к завоеванию их земель германскими колонизаторами. Свободная федерация смогла объединить и славян и другие разноплеменные свободные народы, славян, венгров, румын, ибо «Разноплеменность в вольном союзе, в конфедерации ничего не значит»¹.

С позиций революционного демократа Герцен рассматривал все буржуазно-национальные движения и войны 50—60-х годов. При этом важно отметить, что отношение Герцена к объединению Германии в основном совпадало с его точкой зрения на во многом сходный процесс объединения Италии.

Герцен высоко оценивал деятельность Гарибальди, но в то же время критиковал его за отступления от революционно-демократических принципов, за то, что он во имя национального единства Италии действовал «в одном стане» с Кавуром и Бисмарком. Таким образом, Герцен был решительным противником объединения Италии «сверху», под властью помещиков и либеральной буржуазии, и стоял за демократический, революционный путь ее объединения. Но, критикуя политику вождей итальянского национально-освободительного движения, отмечая буржуазную ограниченность и половинчатость их программы, Герцен вместе с тем конкретно не пояснял, каким образом можно было добиться создания в Италии демократической республики, как это сделал другой великий русский демократ — Н. Г. Чернышевский, писавший, что победы революции в Италии можно было достичь лишь путем вовлечения в движение народных масс.

Сторонник национальной независимости и самоопределения всех народов, Герцен приветствовал объединительное движение в Германии, но сурово осуждал агрессивные замыслы прусского юнкерства и германской буржуазии, стремление их к порабощению чужих народов, прежде всего славян.

Герцена возмущало то, что еще Франкфуртский «революционный» парламент 1848 г. под предлогом за-

¹ А. И. Герцен, Соч., т. X, стр. 8, 239, и т. IX, стр. 599. См. об этом О. Л. Геккер, Проблемы европейской политики и внешней политики России середины XIX века в освещении Герцена. Кандидатская диссертация. М., 1951 (Гос. публ. б-ка им. В. И. Ленина).

щиты немецких границ выступил против освобождения поработанных народов: чехов, поляков, венгров, итальянцев. «Первое свободное слово, сказанное после веков политического молчания в революционной Германии 1848 года,—отмечал Герцен,—было не в пользу, а против притесненных и слабых народностей»¹. А разве «воинственный» франкфуртский «Конвент»,—иронически продолжал Герцен—«не рукоплескал» австрийским солдатам в Ломбардии, не притеснял познанских поляков? ²

Как известно, Франкфуртский парламент защищал политику угнетения других национальностей, которую неизменно проводили германские правители. Его агрессивная и реакционная антиславянская политика ярко проявилась в период восстания в Познани и пражского восстания. Парламент одобрил подавление этих восстаний и высказался за включение в будущую Германию всех славянских земель, ранее завоеванных немцами, а также итальянских владений. Эти позорные решения Франкфуртского парламента поддерживали и представители мелкобуржуазной левой—«левые радикалы», которые ссылались на «исторические права» Германии в отношении этих земель, поддерживая, таким образом, право завоевания³.

К. Маркс и Ф. Энгельс резко осудили агрессивные и националистические стремления германской буржуазии, отвлекавшие немецкий народ от борьбы с контрреволюцией внутри своей страны. К. Маркс писал: «Несмотря на патриотический шум и завывания почти всей немецкой печати, «Новая Рейнская газета» с первого же момента выступила в защиту поляков в Познани, итальянцев в Италии, чехов в Богемии»⁴. «Германия,—указывал Маркс,—станет свободной в той же мере, в какой даст свободу соседним народам»⁵.

В статье «Пражское восстание» Маркс писал: «Революционная Германия должна была, особенно в отношении соседних народов, отречься от всего своего прошлого. Вместе со своей собственной свободой она должна была

¹ А. И. Герцен, Соч., т. IX, стр. 80.

² См. там же, стр. 79.

³ См. «Революции 1848—1849 гг.», т. I, АН СССР, М., 1952, стр. 612—617.

⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. VI, стр. 242.

⁵ Там же, стр. 238.

провозгласить свободу тех народов, которые доселе ею угнетались. А что *сделала* революционная Германия? Она совершенно подтвердила и освятила старое угнетение Италии, Польши, а затем Богемии при помощи немецкой военщины. Кауниц и Меттерних совершенно оправданы»¹.

Важно отметить, что оценка Герценом политики Франкфуртского парламента в национальном вопросе в основном совпадала с позицией в этом вопросе Маркса и Энгельса.

Герцену претили притязания германских буржуазных националистов «на всемирно-историческое первенство», их исключительный «узенький» национализм, прикрытый космополитическими фразами. Герцен разоблачал немецких «космопатриотов»², он понимал, что космополитизм был лишь оборотной стороной буржуазного национализма и прикрывал стремление германских националистов господствовать над другими народами: «все они,— писал он о немецких националистах,— ...в теории космополиты и в то же время... исполнены самым раздражительным, самым исключительным и худо скрывающим свои притязания патриотизмом»³. Они готовы принять всемирную республику, стереть границы межгосударственные, но чтоб Триест и Данциг принадлежали Германии»⁴. Герцен критиковал немецких демократов, «кичащихся своим *космополитизмом*» и в то же время питавших «злую ненависть не только ко всему русскому, но ко всему славянскому...»⁵

Идеи дружбы народов и революционный патриотизм Герцена проявились в резких выступлениях против всех, кто пытался разжечь националистические и шовинистические чувства и расистские предубеждения. «Ничто,— писал он,— не отклоняет революции в такой степени от ее большой дороги, как мания классификаций и зоологических предпочтений рас»⁶.

С неподражаемым сарказмом разоблачал русский

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. VI, стр. 185.

² А. И. Герцен, Соч., т. IX, стр. 71.

³ Под «патриотизмом» в данном случае А. И. Герцен подразумевал национализм.

⁴ А. И. Герцен, Соч., т. IX, стр. 79.

⁵ Там же, стр. 469.

⁶ А. И. Герцен, Соч., т. XXI, стр. 81.

революционный демократ ограниченность и агрессивность шовинистической идеологии немецкой буржуазии и юнкерства. Отмечая оживление национального движения в Германии во время войны 1859 г., Герцен подчеркивал его националистический, враждебный итальянскому движению характер, отмечая, что «немецкий патриотизм был тогда в периоде злейшей ярости», и все исчезало «перед патосом национальной гордости, хотевшей во что бы то ни стало удержать чужой квадрилатер»¹.

Особенное возмущение вызывало у Герцена стремление немецких шовинистов во что бы то ни стало включить в объединенную Германию славянские земли, как населенные якобы низшими народами, которые не в состоянии собственными силами подняться до современного уровня цивилизации, т. е. усвоить «немецкую культуру». Герцен разоблачал эти клеветнические измышления немецких националистов и показал, что так называемая неспособность славян к усвоению «цивилизации» есть не что иное, как нежелание их онемечиться, что доказывает не «дикость» славян и не «низшую, неразвившуюся до них натуру», а богатство сил, «залог нашего *будущего развития!*»²

Герцен был сторонником объединения Германии. Он признавал, что «потребность объединения» в Германии является общенациональной насущной задачей страны, к осуществлению которой немцы стремятся «всеми силами». В Германском союзе и его сейме он не видел даже подобия единства и писал, что «Бессильная и безобразная франкфуртская диета, как пустое блюдо, только показывает, что тут могли бы быть яства, но их нет»³. Но Герцен не вник в экономические причины, сделавшие задачу объединения Германии в буржуазное национальное государство исторически необходимой. Обходя вопросы экономического развития страны, Герцен не видел в силу этого капиталистической экономической основы объединения, вскрытой с полной ясностью в произведениях основоположников марксизма.

¹ Т. е. «четвероугольник» крепостей (Мантуя, Верона, Пескьеры и Леньяго). А. И. Герцен, «Былое и думы», т. IV, стр. 262—263.

² А. И. Герцен, Соч., т. X, стр. 7—8.

³ Там же, стр. 239. (Игра слов: «диэт» по-французски значит «сейм». — Прим. авт.)

Как известно, после 1848 г., несмотря на незавершенность революции и наличие вследствие этого множества феодальных пережитков, бурный рост капиталистической промышленности, сельского хозяйства, транспорта и торговли привел к тому, что Германия к началу 60-х годов далеко двинулась вперед по пути капитализма.

Развитие капитализма в сельском хозяйстве в Германии шло «по прусскому пути», сущность которого состояла, как указывал В. И. Ленин, в том, что «крепостное помещичье хозяйство медленно перерастает в буржуазное, юнкерское, осуждая крестьян на десятилетия самой мучительной экспроприации и кабалы, при выделении небольшого меньшинства «гроссбауэров» («крупных крестьян»)»¹.

Однако политическая раздробленность страны мешала ее дальнейшему капиталистическому развитию. И это была одна из важнейших причин, обусловивших потребность объединения Германии. В. И. Ленин указывал, что «...Национальным вопросом *вполне* утвердившегося буржуазного развития Германии было объединение и т. п., но не аграрный вопрос...»²

Остановившись перед историческим материализмом, Герцен, в отличие от основоположников марксизма, не смог правильно вскрыть экономическую необходимость объединения Германии в буржуазное национальное государство и связать политические причины борьбы за это объединение с их экономической основой. Стремление немцев к единству Герцен объяснял лишь тем, что они в разобщении видели свою слабость, а также страхом перед соседями, желанием достичь политического значения среди других народов и завоевать соседние земли.

Не вникая в экономическую основу буржуазно-национальных движений, Герцен тем не менее считал их исторически необходимыми. Он выступал за развитие их по революционно-демократическому пути, сближаясь в этом вопросе с основоположниками марксизма и стоял неизмеримо выше таких специфических прусских вульгарных буржуазных демократов, как, например, Ласаль.

Исходя из необходимости сочетания национального движения с борьбой за социальное освобождение, Гер-

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 13, стр. 216.

² В. И. Ленин, Соч., т. 16, стр. 103.

цен связывал потребность Германии в национальном единстве с насущнейшей необходимостью демократического преобразования страны.

Герцен не мог поэтому согласиться с немецким эмигрантом поэтом-демократом Кинкелем, утверждавшим еще в 1863 г., что Германия уже близка к свободе, едина, демократична¹. Герцен заклеил позором тех германских демократов, которые, игнорируя задачи социального преобразования страны, поддерживали реакционный путь объединения Германии, под главенством Пруссии.

Германские буржуазные демократы, писал Герцен, став на одну платформу с реакционерами, изменили тем самым своим революционно-демократическим идеям.

Таким образом, Герцен стоял за объединение Германии «снизу» на демократической основе и желал, чтобы единая, демократическая Германия объединила только немецкую нацию и заменила собой все большие и малые германские государства. Пруссия, писал он, — «государство без отечества», и она должна была первая «распуститься в немецкое *«gesammtes Vaterland»*². Что касается других народов, входивших в состав Австрии и Пруссии, то Герцен требовал их безусловного национального освобождения и выделения из пределов Германии с предоставлением им полной самостоятельности.

Герцен нигде не изложил в законченном виде свой взгляд на то, в какой форме было бы желательным и наиболее прогрессивным объединение Германии в единое национальное государство, но его отдельные отрывочные высказывания дают полную возможность установить, какой точки зрения он придерживался по этому вопросу. Отстаивая в принципе федеративное государство, которое он всегда противопоставлял централизованному, Герцен признавал, что «Потребность единства в Италии и Германии идет гораздо дальше федерализации»³. Из этого видно, что Герцен понимал необходимость создания единого германского государства. Если учесть, что Герцен с величайшим отвращением отно-

¹ См. А. И. Герцен, Соч., т. XVI, стр. 137.

² А. И. Герцен, Соч., т. XIX, стр. 107.

³ А. И. Герцен, Соч., т. X, стр. 238.

сил к монархической форме правления, и в частности к прусской монархии, то станет очевидным, что он имел в виду демократическую республику.

Но, решительно выступая против объединения Германии «сверху», под властью реакционной Пруссии, Герцен вместе с тем недооценивал возможность объединения «снизу», путем революции. Роли пролетариата как революционной силы он не понимал, а немецких трусливых буржуазных демократов, проникнутых национализмом и шовинизмом, Герцен глубоко презирал и никогда не верил в их революционность, высмеивая их готовность рукоплескать победам Бисмарка и прусской армии, «замене глупых и слабых правительств сильным военным деспотизмом»¹.

Герцен не раз указывал на революционность положения в Германии, а накануне австро-прусской войны 1866 г. допускал даже возможность революционных событий: «ждут войны, а дождутся в Германии взрыва»², — писал он, но совершенно не касался вопроса о движущих силах германской революции и возможной роли в этом «взрыве» немецкого пролетариата. Лишь к концу 1867 г. Герцен стал учитывать наличие в Германии новой силы — организованного рабочего движения, которое он горячо приветствовал.

Но, присматриваясь к деятельности I Интернационала и движению немецких рабочих, отмечая, что настала пора «подъема с удесятенной силой социальных вопросов по всей Европе...»³, Герцен все же не дошел до осознания исторической революционной роли пролетариата и лишь подходил к этому вопросу в последний период своей деятельности.

Как решительный противник объединения Германии «сверху», Герцен неустанно разоблачал одинаково реакционные планы «малогерманцев» и «великогерманцев». Германия, писал он по адресу «малогерманцев», стремится всеми силами к прусскому казарменно-доктринерскому единству только потому, что оно степенью выше австрийского, пропитанного ладаном, гниющего, порочного и живущего конформативами⁴.

¹ А. И. Герцен, Соч., т. XIX, стр. 104.

² А. И. Герцен, Соч., т. XVIII, стр. 416.

³ А. И. Герцен, Соч., т. XXI, стр. 207.

⁴ А. И. Герцен, Соч., т. X, стр. 239.

Реакционный режим «всепожирающей» Пруссии был ненавистен ему так же, как и господство «всеудушающей» полуфеодальной Австрии. Герцен хорошо понимал, что победа любой из них приведет к увековечению реакции в Германии. Наблюдая борьбу между Австрией и Пруссией за гегемонию в Германии, он горячо желал поражения как одной, так и другой, сходясь в этом вопросе с основоположниками марксизма.

Маркс и Энгельс вели решительную борьбу против реакционного пруссачества и полуфеодальной реакционной Австрийской империи. Они указывали, что *«лишь из распада так называемых великих германских держав может возникнуть единство Германии»*¹.

Осуждение и разоблачение агрессивной и реакционной политики Австрии и Пруссии, горячий протест против их господства в Германии пронизывают все высказывания Герцена по германскому вопросу.

Герцен ненавидел Австрийскую империю как олицетворение реакции и национального угнетения, как душещипательницу славян, венгров, итальянцев. Австрия — не народ, писал он, а «полицейская мера, сводная администрация, она ни к чему живому не примыкает, не покоится на себе; без частей ее нет, это величайший исторический призрак, который когда-либо существовал. Тут все — ложь. Римская империя — в Германии, Германская империя — состоящая преимущественно из славян, итальянцев, мадьяр; избирательное правительство, переходящее по наследству; связь нескольких народностей, основанная на перекрестном отвращении их друг от друга. Тут нет ничего органического: отнимите Ломбардию справа и придайте слева Молдо-Валахию — и так хорошо; отнимите Галицию и прибавьте Сербию — и это недурно; die Staats-Kanzlei пойдет своим порядком. Империя Австрийская не имеет никакой будущности; когда ее *отменят*, тогда только люди настоящим образом удивятся, как могла существовать такая нелепость, сшитая из лоскутков конгрессами и упроченная глубокими дипломатическими соображениями...»²

Герцен считал, что «гибель Австрии — единственное условие жизни народов, скованных ею воедино»³.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 5, стр. 399.

² А. И. Герцен, Соч., т. IX, стр. 463—464.

³ Там же, стр. 463.

Именно с этой точки зрения он оценивал и войну 1859 г. «...Надобно пользоваться этой войной для разрушения Австрии, не делаясь бонапартистом», — вот, по мнению Герцена, самый верный взгляд на эту войну. Весь вопрос в том, писал он в это время, «...растворятся ли, наконец, двери этой полурассевшей и покачнувшейся *бастилии народов*, готовых ринуться вперед, или старая дипломатия оставит подшибленного коршуна, изгнанного из Ломбардии, заедать чудные земли от Адриатики до Дуная?»¹

С еще большей резкостью отзывался Герцен о Пруссии, всячески осуждая ее антинародную, реакционную политику. «Военной семинарией рода человеческого, эскерцизгаузом философии и аванпостом петербургской управы благочиния»² называл Герцен прусскую монархию и отмечал, что война 1866 г. усилит в Германии «централизованный деспотизм» Пруссии³, с «незыблемостью» ее «бюрократического и казарменного склада»⁴.

Беспощадно разоблачая реакционность пути объединения Германии «сверху», под господством Пруссии или Австрии, Герцен вместе с тем правильно понимал, что сам по себе факт объединения, даже под властью одной из этих реакционных держав, все же означал бы «очевидный прогресс», ибо «каждая снятая застава, — писал он, — растворяет дверь международному обмену и сближению»⁵.

Таким образом, отношение Герцена к буржуазно-национальным движениям и войнам и, в частности, к объединению Германии было во многом близко к позиции Маркса и Энгельса, последовательно отстаивавших революционный путь объединения Германии — в единую, всенемецкую, демократическую республику. Близко подходила позиция Герцена и к точке зрения последователей Маркса и Энгельса — А. Бебеля и В. Либкнехта. Великий русский революционер и демократ Герцен был несравненно выше и последовательнее такого немецкого буржуазного демократа, как Лассаль, который занимал в вопросах буржуазно-национальных движений и войн антиреволюционную позицию.

¹ А. И. Герцен, Соч., т. IX, стр. 582; т. X, стр. 4.

² А. И. Герцен, Соч., т. XVI, стр. 110.

³ См. А. И. Герцен, Соч., т. XIX, стр. 9, 11.

⁴ «Колокол» № 70, 1 мая 1860 г.

⁵ А. И. Герцен, Соч., т. X, стр. 239.

Как известно, Ф. Лассаль не верил в силы рабочего класса и народных масс и все свои надежды относительно объединения Германии возлагал на прусское правительство. Он стоял за объединение Германии «сверху», вокруг реакционной Пруссии, путем династических войн.

В 1863 г. Лассаль вступил в тайные сношения с Бисмарком и обещал ему поддержку в деле объединения Германии под властью Пруссии, если Бисмарк осуществит введение всеобщего избирательного права. Маркс и Энгельс вели решительную борьбу против этой вредной, оппортунистической и предательской линии Лассалья в деле объединения Германии.

Сокрушительной критике подверг Герцен политику немецких либералов, и в частности прусских «прогрессистов», как пособников реакционного пути объединения Германии. Он беспощадно разоблачал трусость германской буржуазии, ее холопство перед монархией Гогенцоллернов и юнкерством, ее шовинизм и агрессивные намерения.

Герцен хорошо понимал, что о какой-либо революционности прусских «прогрессистов» не могло быть и речи и что их рабская бессильная оппозиция вытекала из неспособности ни на какие революционные действия и ограничивалась лишь пустыми словесными упражнениями в прусском ландтаге. Герцен сразу подметил и агрессивность немецкой либеральной буржуазии, которая охотно пошла на примирение с политическим преобладанием юнкерства и отказалась от своих либеральных требований ради увеличения «любезного отечества», что в конечном счете определило успех реакционной политики Бисмарка «железа и крови».

Герцен видел, что ничтожество и трусость оппозиции «прогрессистов» были ясны Бисмарку, действовавшему напролом, не считаясь с ландтагом. «...Бисмарк,— писал Герцен,— не хуже Наполеона оценил своих филистеров; на лавках Франкфуртского парламента ему был досуг их раскусить. Он понял, немцам политическая свобода столько же нужна, сколько реформация им дала религиозной, что и эта свобода им нужна только *der Theorie nach*, что они власти повиноваться привыкли... он понял то, что в настоящую минуту немцы снедаемы завистью к Франции, ненавистью к России, что они бредят о том, чтобы быть сильным государством, сплотиться... зачем?..

Немцы не для своего освобождения хотели единства, а с агрессивной целью».

Бисмарк учел, что за осуществление буржуазно-национальных объединительных стремлений и агрессивных целей германской буржуазии она откажется от своего либерализма: «Опозоривши, унизивши народное представительство в Берлине до той степени, до которой в истории нашего века не доходило ни одно правительство, он присмотрелся: народ молчит. А ...если так ...— патристический вопрос о Шлезвиг-Голштейне вперед, и давай бить датчан. Вся Германия рукоплескала неравному бою. Немецкие выходцы в Лондоне, в Нью-Йорке, Париже праздновали победы *Австрии и Пруссии*. После этого опыта нечего было бояться, нечего церемониться,— маска долой, и Бисмарк из Германии пошел сколачивать империю пруссаков, употребляя на пыжи клочья изорванной конституции»¹.

Войну Австрии и Пруссии с Данией Герцен правильно расценивал как первый этап объединения Германии «железом и кровью». Никакие ухищрения Бисмарка для маскировки истинных целей войны, в том числе и «искусственный» союз с Австрией, не могли скрыть от него настоящее положение вещей, как не могли обмануть его и восторженные вопли немецких буржуазных демократов и либералов, приветствовавших войну с Данией как «великое» патристическое дело, способствовавшее объединению германской нации в единое национальное государство и совершенно игнорировавших тот факт, что объединение совершается под прусским реакционным господством.

Характеризуя международное положение в Европе в 60-х годах, Герцен понимал, что противоречия между европейскими державами, желавшими использовать Пруссию против своих соперников, способствовали выдвижению и усилению мощи юнкерско-буржуазной Пруссии и развязали ей руки для войны с Данией в 1864 г. и с Австрией в 1866 г. Важнейшую причину пособничества европейских держав Пруссии Герцен видел в том, что реакционные европейские правительства заняты были подавлением революционного движения внутри своих стран и желали не допустить революции в Герма-

¹ А. И. Герцен, Соч., т. XIX, стр. 112—113.

нии. «Меры на подавление революции,— писал он,— поглощают всю внутреннюю деятельность правительств»¹.

Герцен выступил против «воскрешения смердящего в гробе» реакционного «Священного союза» между царской Россией, Австрией и Пруссией, о чем кричала в то время европейская пресса. Его особенное возмущение вызывали слухи о взаимной гарантии этими державами их польских владений.

Герцен подчеркивал, что Россия не может найти в немецких реакционных правительствах надежных союзников, так как немецкие националисты видят в России, а вслед за ней и в Польше препятствие для немецкой экспансии на Востоке.

Герцен и Огарев бичевали царское правительство, связанное идеологически и династически с реакционными немецкими дворами, за его стремление окружать себя тупыми и реакционными остзейскими дворянами, ненавидевшими русский народ и русскую культуру. Остзейские немцы, писал Огарев, «втерлись в русскую администрацию, в русскую службу, на которой являются самыми хищными чиновниками и самыми бездушными формалистами»². Именно таких немцев и им подобных имел в виду Герцен, когда писал о «высокомерной ненависти немцев ко всему русскому», о немце-«формалисте», прислужнике царского правительства, «враге русского народа»³. Отсюда термин Герцена о «внешних и внутренних немцах» в России. Но, критикуя немцев-националистов и бюрократов, Герцен был далек от принижения немецкого народа. Напротив, он высоко ценил его и его талантливых представителей, внесших огромный вклад в мировую культуру и не раз высказывался о своем большом уважении ко многим германским деятелям⁴.

В 1864 г. после Киссингенского свидания Герцен опасался возрождения «Священного союза».

Одну из причин реакционного сотрудничества царизма с Пруссией и Австрией Герцен правильно усматривал в реакционных разделах Польши и писал, что «Раздел Польши, как камень, привязанный к шее, стягивает Россию на дно немецкого болота...», т. е. в объятия прус-

¹ А. И. Герцен, Соч., т. XVII, стр. 413.

² См. «Колокол» № 7, 1 января 1858 г.

³ А. И. Герцен, Соч., т. IX, стр. 129.

⁴ См. «Колокол» № 70, 1 мая 1860 г.

ской реакции, ибо «этот союз делается, чтобы стереть имя польское с лица земли»¹. То же самое отмечал и Огарев. «Петербургское правительство,— писал он,— обязывается охранять немецкие границы ради порабощения Польши»². Но «дружбу» царизма с Пруссией Герцен считал недолговечной и писал, что этот «искусственный мир» России с Пруссией и Австрией в шлезвиг-голштинском вопросе «может также продолжаться, как естественный бой начаться»³.

Австро-прусская война 1866 г. не была для Герцена неожиданной, хотя он и не желал ее. Называя эту войну «кровавой кутерьмой» и «кровавым безумием», Герцен подчеркивал ее антинародный с обеих сторон характер. «...Немец на немца восстает, и оба знают, что, который бы ни победил, всем немцам будет хуже»,— писал он в это время. Особенно его возмущало то, что «...краты, долматы, русины, хорваты, словом, наши двоюродные братья славяне будут драться *против всех и за всех*, только *не за себя*...»⁴

В своем отношении к обеим воюющим сторонам Герцен в 1866 г. до конца оставался на революционно-демократических позициях. Как известно, Герцен горячо желал объединения Италии и присоединения к ней Венеции, изнывающей под гнетом Австрийской империи. Но, несмотря на это, он не считал возможным и целесообразным с точки зрения интересов европейского революционного движения желать прусско-итальянской победы: «...можно любить Италию и должно желать, чтобы Венеция к ней присоединилась,— писал Герцен,— но из этого вовсе не следует, что война не неуместна и что можно желать победу Пруссии», ибо «от победы прусско-итал[ьянской] может быть лучше Италии, но, наверное, хуже всей Европе»⁵.

Как революционный демократ, Герцен исходил из необходимости поражения в этой войне как Австрии, так и Пруссии: «...принимая войну за неотразимый факт, мы от души желаем избавления Венеции, желаем гибели

¹ А. И. Герцен, Соч., т. XVII, стр. 303.

² «Общее вече» (прибавление к «Колоколу») № 29, 15 июня 1864 г.

³ А. И. Герцен, Соч., т. XVII, стр. 412.

⁴ А. И. Герцен, Соч., т. XIX, стр. 2—3.

⁵ Там же, стр. 9.

Австрии, но с тем вместе гибели Пруссии... Далее наши скромные желания не идут. Да и большего эта война дать не может»¹, — писал он в начале 1866 г. Такая точка зрения была единственно правильной и до конца последовательной. Маркс и Энгельс ставили вопрос об использовании австро-прусской войны в целях революции в Германии и желали поражения как австрийского, так и прусского правительств.

Этим желаниям Герцена не суждено было сбыться. Австро-прусская война закончилась полным разгромом Австрии, но победой ненавистой Пруссии. «Как я был прав, проклиная эту войну! — писал Герцен спустя восемь дней после Садовой. — Конечно, хорошо, что Австрия ранена смертельно, но я еще больше ненавижу подлое отечество юнкерства...»²

Важнейшим результатом австро-прусской войны 1866 г. Герцен совершенно правильно считал утвердившееся господство юнкерско-буржуазной Пруссии в Германии, судьбы которой перешли в руки Гогенцоллернов. Он отмечал, что и в Европе «прусский бонапартизм, сгубивший последнюю свободу Германии ее единством»³, выдвинулся на первое место, отодвинув «на второй план»⁴ наполеоновскую Францию.

Герцен указывал, что бонапартистская Вторая империя в целях укрепления реакции сама содействовала возвышению Пруссии и ее победам, подготовив тем самым падение своего собственного преобладания в Западной Европе.

Бисмарк использовал эту позицию Франции. «Как только немцы убедились, — писал Герцен, — что французский берег понизился, что страшные революционные идеи ее поветшали, что бояться ее нечего, — из-за крепостных стен прирейнских показалась прусская каска. Франция все пятилась, каска все выдвигалась. Своих Бисмарк никогда не уважал, он наострил оба уха в сторону Франции, он нюхал воздух оттуда, и, убедившись в прочном понижении страны, он понял, что время Пруссии настало. Понявши, он заказал план Мольтке, зака-

¹ А. И. Герцен, Соч., т. XIX, стр. 3.

² Там же, стр. 11.

³ А. И. Герцен, Соч., т. XX, стр. 105.

⁴ См. А. И. Герцен, Былое и думы, т. V, стр. 399.

зал иголки оружейникам...»¹ и осуществил свою программу объединения Германии «железом и кровью».

Теперь Пруссия, писал Герцен, «окрасив в один цвет пестрые лоскутья немецкого отечества... будет предписывать законы Европе до тех пор, пока законы ее будут предписывать штыком и исполнять картечью, по самой простой причине: потому что у нее больше штыков и больше картечи». Герцен понимал, что новые войны принесут «моря крови и горы трупов». «А, господа консерваторы,—восклидал он,—вы не хотели даже и такой бледной республики, как февральская, не хотели подслащенной демократии, которую вам подносил кондитер Ламартин. Вы не хотели ни Маццини-стойка, ни Гарибальди-героя. Вы хотели порядка. Будет вам за то война семилетняя, тридцатилетняя... Вы боялись социальных реформ,—вот вам фениане с бочкой пороха и зажженным фитилем. Кто в дураках?»²

С тяжелым чувством пишет Герцен об укреплении реакции в Европе, наступившей вследствие того, что задачи национального объединения осуществлялись «сверху», посредством создания реакционных «милитарных» государств. Он делал вывод, что на ближайшее время «централизованный деспотизм и централизованная бюрократия Франции и Пруссии» убьют всякое проявление прогресса и свободы и что между вооруженными до зубов двумя армиями нет «места для республики», ибо «под оружием не размышляют»³.

Но Герцен не верил в длительное господство реакционных сил в Европе и в Германии. «Я не верю,—писал он в марте 1867 г.,—чтобы судьбы мира оставались надолго в руках немцев и Гогенцоллернов. Это невозможно, это противно человеческому смыслу, противно исторической эстетике»⁴.

Отмечая усиление реакционной милитаристской Пруссии, Герцен уже тогда предвидел неизбежность новых войн, и особенно войны между Пруссией и Францией, но он надеялся, что война эта ускорит победу социальной революции в Европе, а потому считал необходимым «проповедовать войну, а не мир, чтобы воинствен-

¹ См. А. И. Герцен, *Былое и думы*, т. V, стр. 398—399.

² Там же, стр. 399, 447.

³ А. И. Герцен, *Соч.*, т. XX, стр. 139.

⁴ А. И. Герцен, *Былое и думы*, т. V, стр. 399.

ное напряжение разрешилось в пользу прогресса и свободы»¹, и тогда «за прусской волной поднимется уже другая, не очень заботясь, нравится это или нет классическим старикам»².

Не понимая того, что главным противником буржуазии стал пролетариат, Герцен все же был уверен в наступлении социальной революции.

В конце 60-х годов под воздействием подъема европейского революционного движения, идя по пути развития своих революционно-демократических воззрений, Герцен сочувственно следил за ростом рабочего движения, за деятельностью I Интернационала и забастовками рабочих во всех странах. В. И. Ленин отмечал, что в 60-х годах «...Герцен обратил свои взоры не к либерализму, а к *Интернационалу*, к тому Интернационалу, которым руководил Маркс,— к тому Интернационалу, который начал *«собирать полки»*, пролетариата, объединять *«мир рабочий»*, «покидающий мир, мир пользующихся без работы»³.

В 1868 г. по поводу клеветнических статей Каткова о «Колоколе» Герцен писал: «Легко сказать с видом школьного учителя: «Времена социализма прошли». И это на другой день после брюссельского конгресса, жевневской забастовки, в двух шагах от движения немецких рабочих, среди подъема с удесятеренной силой социальных вопросов по всей Европе...»⁴ Но пойти по пути рабочего движения, осознать всемирно-историческую революционную роль пролетариата, стать на позицию марксизма Герцен, как уже было отмечено, не смог. Он «остановился перед историческим материализмом»⁵.

2. Н. Г. Чернышевский и Н. А. Добролюбов о буржуазно-национальных движениях и войнах 50—60-х годов в Западной Европе

В то время как в русской эмигрантской революционной печати стал раздаваться голос Герцена, в самой России вслед за В. Г. Белинским выдвинулось

¹ А. И. Герцен, Соч., т. XX, стр. 139.

² А. И. Герцен, Былое и думы, т. V, стр. 399.

³ В. И. Ленин, Соч., т. 18, стр. 11.

⁴ А. И. Герцен, Соч., т. XXI, стр. 207.

⁵ В. И. Ленин, Соч., т. 18, стр. 10.

новое поколение революционеров-разночинцев, представленное Н. Г. Чернышевским, Н. А. Добролюбовым и их последователями. «Падение крепостного права,— указывал В. И. Ленин,— вызвало появление разночинца, как главного, массового деятеля и освободительного движения вообще и демократической, бесцензурной печати в частности»¹.

Чернышевский превзошел Герцена последовательностью революционного демократизма и вел непримиримую борьбу с либералами. Материалистическое мировоззрение Чернышевского явилось высшим достижением домарксовской философии. Не допуская ни малейших уступок помещичье-буржуазному либерализму, Чернышевский видел в демократической революции единственное средство уничтожения феодально-монархического строя. На тех же позициях стоял Добролюбов, страстно желавший народного восстания против самодержавного правительства.

По своей непримиримости в борьбе с либерализмом, со всеми формами национального угнетения и по своему высокому революционному патриотизму Чернышевский и Добролюбов еще выше, чем Герцен, поднялись над колебавшимися в сторону либерализма буржуазными демократами Запада, не говоря уже об официальной науке Западной Европы. Основоположники марксизма высоко ценили идеи русских революционных демократов. Ф. Энгельс писал, что историческая и критическая школа в русской литературе, давшая Добролюбова и Чернышевского, «стоит бесконечно выше всего того, что создано в Германии и Франции официальной исторической наукой»².

Еще во время революции 1848 г. в своем «Дневнике» Чернышевский выразил горячее сочувствие демократической революции и демократическому направлению буржуазно-национальных движений и резко осудил внешнюю политику Австрии, Пруссии и русского царизма, предпринявшего контрреволюционную интервенцию в Венгрию.

Н. Г. Чернышевский бичевал завоевательную и реакционную внешнюю политику царизма и едко высмеивал

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 20, стр. 224.

² «Переписка К. Маркса и Ф. Энгельса с русскими политическими деятелями», Госполитиздат, 1951, стр. 277.

захватнические устремления панславистов в отношении Константинополя. Об этом говорят не только комментарии к истории крымского вторжения по Кинглеку¹, но и многие другие высказывания Чернышевского. Особенно язвительно отозвался он о «завоевательной хлестаковщине» И. Аксакова и других славянофилов и панславистов, отмечая, что Константинополь и завоевания вовсе не нужны русскому народу. «Мы,— писал он в 1862 г.,— постоянно исполняли в обратном смысле знаменитое предсказание, которым всегда характеризовалось благосостояние: «перекуют мечи в плуги и копья в серпы»; у нас постоянно ковались мечи и копья из железа, которому следовало идти на плуги и серпы, потому-то нам до сих пор нечем пахать землю»². В то же время Н. Г. Чернышевский приветствовал освободительную борьбу балканских народов против турецкого ига³. Известно, что болгарские революционные демократы Х. Ботев и В. Левский восприняли многие его идеи.

Чрезвычайно большую ценность представляют статьи «Современника» о буржуазно-национальных движениях и революционных событиях в Западной Европе. Описание и анализ этих движений и событий давались в «Современнике» особенно подробно с целью революционного воздействия на читателей и разоблачения соглашательской сущности и антинародности помещичье-буржуазного либерализма.

Чернышевский и Добролюбов с огромным вниманием следили за развитием буржуазно-национальных движений на Западе и умели, даже в условиях царской цензуры, доводить до читателя революционную проповедь. Своими многочисленными обзорами положения в западных странах и анализом политических событий на Западе они пропагандировали революционно-демократические идеи среди читателей и ставили своей целью помочь им осмыслить с позиций революционного демократизма опыт освободительной борьбы других народов.

В статье «Гонители земства и аннибалы либерализма» В. И. Ленин указывал, что Чернышевский умел

¹ Отметим, однако, что в «Рассказе о Крымской войне по Кинглеку» Чернышевский не касается совсем агрессивных целей Англии.

² Н. Г. Чернышевский, Полн. собр. соч., т. X, М., 1951, стр. 488—489.

³ См. Н. Г. Чернышевский, Полн. собр. соч., т. V, стр. 643 и др.

«...и подцензурными статьями воспитывать настоящих революционеров», что он «умел влиять на все политические события его эпохи в революционном духе, проводя— через препоны и рогатки цензуры — идею крестьянской революции, идею борьбы масс за свержение всех старых властей»¹.

Но в 60-х годах Чернышевский и Добролюбов не смогли продолжать свою революционную борьбу против самодержавно-крепостнического строя. В 1861 г. ранняя смерть оборвала деятельность Добролюбова, а Чернышевский в 1862 г. был арестован царским правительством.

Таким образом, они уже не смогли непосредственно откликнуться на события, происходившие в 1864—1866 гг. в Германии и высказать свое отношение к проблеме ее объединения и войнам Пруссии. Вопрос об объединении Германии еще не выдвинулся в последние годы их публицистической деятельности на первый план в европейской политике. У Добролюбова мы не находим высказываний об объединении Германии, а Чернышевский лишь приступил в 1859 г. к освещению этого вопроса и не успел полностью развить свою точку зрения.

Однако было бы совершенно неправильно отказаться на этом основании от рассмотрения в настоящей работе взглядов Чернышевского и Добролюбова на буржуазно-национальные движения Западной Европы, которые они с полной ясностью выразили в статьях о национально-освободительной борьбе итальянцев и других народов, угнетаемых Австрийской империей.

Важно отметить, что Чернышевский и в дальнейшем в самых тяжелых условиях каторги продолжал развивать свою точку зрения по этому вопросу, оставаясь верным своим революционно-демократическим взглядам.

Анализируя буржуазно-национальные движения 50-х и начала 60-х годов в Италии и многонациональной Австрийской империи, великие русские революционные демократы дали теоретическую основу для выступлений русской демократической печати 60-х годов по вопросу о войнах Пруссии за объединение Германии «сверху».

Великие революционные демократы Чернышевский и Добролюбов были поборниками национальной независимости и политического равноправия всех народов.

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 17, стр. 97.

«Удерживать в своей зависимости чужое племя, которое негодует на иноземное владычество, не давать независимости народу только потому, что это кажется полезным для военного могущества и политического влияния на другие страны,— это гнусно...»¹ — писал Чернышевский. Русские революционеры-демократы признавали за каждой нацией право устраивать свои дела как она хочет.

Руководящим принципом в отношениях между народами Чернышевский ставил взаимное уважение, независимость и равенство. Он гневно разоблачал расистские реакционные измышления о коренных различиях между народами, о неравноценности наций, отстаивая честь и достоинство каждого народа. Этой точке зрения Чернышевский остался верен до конца своей жизни. В статьях «О расах», «О классификации людей по языку», «Общий характер элементов, производящих прогресс» и др., написанных им в 80-х годах в связи с переводом «Всеобщей истории» Вебера, Чернышевский разоблачал реакционность и полную научную несостоятельность расовых «теорий», оправдывающих порабощение и эксплуатацию народов. Он вскрывал реакционную политическую сущность расизма, его классовый смысл. «Рабовладельцы были люди белой расы, невольники — негры; потому защита рабства в ученых трактатах приняла форму теории о коренном различии между разными расами людей»², — писал он.

С гневом и возмущением писал Чернышевский о надменной привычке австрийских немцев «смотреть на себя, как на племя, призванное господствовать над всеми землями нынешней Австрийской империи»³.

Чернышевский решительно выступал против всех проявлений шовинизма и национального гнета. Гнусными притеснителями, мучителями Италии называл он австрийцев и считал захват Австрией ломбардо-венецианских земель «самой возмутительной несправедливостью»⁴. Как и Герцен, Чернышевский бичевал Австрийскую империю. Он видел в ней олицетворение реакции и национального угнетения, «нелепость», которая «разоряет,

¹ Н. Г. Чернышевский, Полн. собр. соч., т. VI, 1939—1951, стр. 105.

² Н. Г. Чернышевский, Полн. собр. соч., т. X, стр. 809.

³ Н. Г. Чернышевский, Полн. собр. соч., т. VIII, стр. 567.

⁴ Н. Г. Чернышевский, Полн. собр. соч., т. VI, стр. 61, 230 и сл.

держит в порабощении, нищете и невежестве несколько десятков миллионов людей»¹.

Чернышевский много раз писал о «глубоком, страшном негодовании на австрийские притеснения во всех славянских областях империи»² и подчеркивал, что отношения между австрийцами и другими народами империи «были созданы вооруженной силой», вследствие чего австрийские правящие круги «принуждены были всегда оставаться на военном положении среди своих подданных немцев, славян и венгров». Он горячо желал разрушения Австрии, «низвержения австрийской тирании» и освобождения порабощенных народов «от тяжелого ненавистного ига»³.

Чернышевский сочувствовал борьбе поляков за национальное освобождение. В. И. Ленин в статье «О праве наций на самоопределение» указывал на правильность позиций Чернышевского, «который тоже (подобно Марксу) умел оценить значение польского движения»⁴.

Признавая за всеми народами право «устраивать свою судьбу как им угодно», Чернышевский подчеркивал закономерность и прогрессивность буржуазно-национальных движений 50—60-х годов XIX в.

Стремление итальянцев к национальному единству Чернышевский называл «естественным чувством», существование которого «никогда не должно было подлежать сомнению». «Если уж нужны доказательства на то, что какой-нибудь народ хочет быть одним целым, хочет избавиться от разрозненности, в которую повергло его иностранное насилие, то итальянцы представили эти доказательства еще в 1848 г...» — писал Чернышевский. Он указывал далее, что «Италия хочет не просто свободы, а понимает невозможность свободы без основания могущественного национального государства...»⁵

Отстаивая права порабощенных народов на национальную независимость, Чернышевский и Добролюбов рассматривали этот вопрос не изолированно, а в тесной связи с освобождением социальным. Чернышевский ука-

¹ Н. Г. Чернышевский, Полн. собр. соч., т. VI, стр. 475.

² Там же, стр. 319.

³ См. Н. Г. Чернышевский, Полн. собр. соч., т. VIII, стр. 333; т. VI, стр. 323.

⁴ В. И. Ленин, Соч., т. 20, изд. 4, стр. 403.

⁵ Н. Г. Чернышевский, Полн. собр. соч., т. VI, стр. 387.

зывал, что «национальная независимость, конституционные права, свобода печатного слова и тому подобные вещи главную свою (цену) получают оттого, что служат средствами к обеспечению народу лучшего благосостояния, к облегчению лежащих на нем тягостей, и что масса дорожит ими ровно настолько, насколько они представляются ей способствующими улучшению ее материального быта...»¹

В этих словах Чернышевский ясно высказывает мысль, что само по себе национальное освобождение еще не решает вопроса об освобождении народных масс от гнета помещиков и монархии и что полного освобождения народные массы смогут добиться только собственными силами путем свержения феодально-монархического строя.

Таким образом, Чернышевский и Добролюбов стояли за необходимость органического слияния национально-освободительной борьбы с аграрной революцией, с ликвидацией помещичьего гнета над крестьянством, с борьбой за социальное и политическое освобождение народа, т. е. проповедовали идею развития национально-освободительного движения по революционному пути с целью не только свержения «чуженационального» гнета, но и осуществления широкой демократизации всего социального и политического строя. В этом вопросе Чернышевский и Добролюбов стояли на более последовательных революционно-демократических позициях, чем Герцен.

Большое внимание в своих высказываниях Чернышевский уделял вопросам суверенитета больших и малых народов, невмешательства других государств в их внутренние дела, буржуазно-национальным войнам. В определении характера войн революционный демократ Чернышевский вплотную подошел к пониманию глубокой противоположности войн справедливых и несправедливых. В этом его великая заслуга. Он осуждал завоевательные войны, которые ведутся с целью захвата чужих земель, порабощения других народов: «...разумна и полезна только та война,— писал он,— которая ведется народом для защиты своих границ. Всякая война, имеющая целью завоевание или перевес над другими нациями, не только безнравственна и бесчеловечна, но также

¹ Н. Г. Чернышевский, Полн. собр. соч., т. VI, стр. 365.

положительно невыгодна и вредна для народа, какими бы громкими успехами ни сопровождалась и к каким выгодным, по-видимому, результатам ни приводила»¹.

Осуждая захватнические войны, Чернышевский горячо приветствовал войны в защиту или за возрождение национальной независимости. В 1848—1849 гг. Чернышевский, тогда еще юноша, с пылким сочувствием следил за освободительным движением в Венгрии. В своем дневнике он писал о себе, что в теории он «красный республиканец и социалист», а на практике «друг венгров и для этого готов пожертвовать многим»². Чернышевский признавал справедливость национально-освободительных войн и обосновывал их необходимость. Он считал, что «без войны никакой народ ни от какого ига не освобождается»³.

Таким образом, Чернышевский боролся за такое решение национального вопроса, при котором каждый народ получил бы полную свободу и независимость. Он был сторонником мира и дружбы свободных народов. Однако Чернышевский, как и Герцен, не смог осознать историческую роль пролетариата; он не смог перейти на позиции пролетариата и в национальном вопросе, но он решал вопросы межнациональных отношений с революционно-демократических позиций, и его национальная программа соответствовала интересам народных, прежде всего крестьянских масс, выражая их чаяния и стремления.

Революционно-демократические позиции Чернышевского и Добролюбова определили их отношение к буржуазно-национальным движениям и войнам на Западе в 50—60-х годах XIX в.

Великие русские революционеры-демократы горячо приветствовали борьбу итальянского народа за свою независимость и объединение страны в единое национальное государство. Стремления к национальному единству и независимости Добролюбов называл «благородными», а их носителей — «лучшими людьми» Италии⁴.

¹ Н. Г. Чернышевский, Полн. собр. соч., т. IV, стр. 727.

² Н. Г. Чернышевский, Полн. собр. соч., т. I, стр. 297.

³ Н. Г. Чернышевский, Полн. собр. соч., т. VII, стр. 837.

⁴ Н. А. Добролюбов, Собр. соч., т. III, М., 1952, стр. 371. Об отношении к Гарибальди в России см. В. Е. Невлер, Д. Гарибальди и прогрессивные деятели России, «Вопросы истории» № 7, 1957 г.

Русские революционные демократы с самого начала были последовательными защитниками и пропагандистами революционно-демократического пути объединения Италии и непримиримыми противниками объединения «сверху». Чернышевский неоднократно подчеркивал, что освобождение Италии должно быть произведено «силою самой массы итальянского населения» и что искать защиты против Австрии нужно не в союзе «с иностранною реакцией», а «в своем народе»¹.

Чернышевский и Добролюбов на первое место в революционных движениях и национально-освободительной борьбе выдвигали решающую роль народных масс. Они показали, что отсутствие в программе итальянских революционеров аграрных требований лишило их прочной поддержки со стороны крестьян, и это содействовало тому, что объединение Италии завершилось под властью Савойской династии, а не в виде демократической республики.

Все это показывает, что русские революционные демократы в отношении национальных движений и войн 50—60-х годов проводили революционную линию, во многом близкую к позиции в этом вопросе Маркса и Энгельса. Но между позицией революционных демократов и основоположников марксизма отнюдь нельзя ставить знак равенства. У Герцена, Чернышевского и Добролюбова нельзя найти понимания классовой борьбы пролетариата. Национальный вопрос в Италии и других странах Запада революционные демократы не смогли связать с целями и задачами пролетариата и оставались на позициях революционного демократизма.

Русские революционные демократы близко подходили к позиции основоположников марксизма и в оценке роли Кавура, прозванного впоследствии «итальянским Бисмарком». Чернышевский и Добролюбов ясно видели, что политика Кавура, этого кумира русских либералов, отражала интересы помещиков и буржуазии и была направлена на удушение итальянского революционного движения. Они подчеркивали, что объединение Италии явилось в большей степени следствием не дипломатических ухищрений Кавура, а революционного подъема в Италии, результатами которого воспользовались в своих

¹ Н. Г. Чернышевский, Полн. собр. соч., т. VI, стр. 370—371.

интересах итальянские помещики и буржуазия, не допустив завершения объединения Италии «снизу», демократическим путем.

Эта критика была направлена не только против западных либералов, но и против либералов отечественных, восторженно оценивавших деятельность итальянского министра. Не случайно поэтому русская либеральная пресса, особенно «Русский вестник» и «Отечественные записки», начала бешеную кампанию против «Современника», печатавшего статьи Чернышевского и Добролюбова о Кавуре. «Ярость на нас за Кавура повсюду неописанная»¹, — писал Чернышевский Добролюбову в письме от 1 июля 1861 г.

В 1859—1960 гг. Чернышевский обратил серьезное внимание на оживление буржуазно-национального движения в Германии.

Причины раздробленности Германии Чернышевский еще ранее усматривал не в характере народа, а в исторических условиях его развития. Еще с раннего средневековья в Германии было несколько разобщенных между собой племен — фризцы, саксы, тюрингцы, аллеманы, баварцы и т. д. Позднее императоры отвлекали немецкий народ от внутренних задач завоеванием Италии и борьбой с папами, а «народ» был занят расширением пределов на Восток². Завоевательные походы в Италии, по мнению Чернышевского, оказали на историю германского народа особенно вредное влияние³. Прусская монархия Фридриха II тоже не содействовала единству Германии⁴.

Из этих рассуждений Н. Г. Чернышевского видно, что он упускал из виду экономические причины хозяйственного отставания и политической раздробленности Германии, состоявшие в перемещении с XVI в. важней-

¹ «Литературное наследие Н. Г. Чернышевского», М.—Л., 1928, т. II, стр. 388.

² Н. Г. Чернышевский, Лессинг, его время, его жизнь и деятельность, Полн. собр. соч., т. IV, М., 1948, стр. 11—12.

³ Находясь в ссылке и занимаясь переводом «Всеобщей истории» Г. Вебера, Чернышевский очищал ее текст от «похвал свирепостям, какие были делаемы немецкими войсками в Италии». Н. Г. Чернышевский, Статьи к переводам «Всеобщей истории» Вебера, Полн. собр. соч., т. X, стр. 902.

⁴ См. Н. Г. Чернышевский, Лессинг, его время, его жизнь и деятельность, Полн. собр. соч., т. IV, стр. 20.

ших торговых путей на Атлантический океан. Не видел Чернышевский и экономической основы национальных движений XIX столетия, но в данном случае важно подчеркнуть не это, а то, что раздробленность Германии он считал явлением, исторически обусловленным, преходящим и свидетельствующим об ее отсталости. «Нельзя,— писал он,— осуждать немцев за то, что они еще не слились в одну державу: не народ немецкий виноват в том, а географические и исторические отношения»¹.

Высказываясь с большой симпатией и явным одобрением об оживлении в 1859 г. национального движения «в пользу германского единства», Чернышевский отмечал, что «вместе с требованием большего единства возникло и неразрывно соединенное с ним в Германии требование большей политической свободы»².

Чернышевский не останавливался подробно на причинах, породивших потребность в объединении Германии. Как и Герцен, он ничего не писал об экономическом развитии страны. Обратив свое внимание, главным образом, на политическую сторону вопроса, Чернышевский писал, что опасность, которая, «по мнению немцев», грозила им со стороны Франции, «пробудила в апатической массе мысль о том, как беззащитна Германия при своей раздробленности» и напомнила ей о том, «какое жалкое положение занимает великая немецкая нация среди других народов по своей разрозненности между множеством правительств»³.

Но Чернышевский понимал, что раздробленность Германии приносит вред «общим выгодам и потребностям нации» и считал, что объединение страны в единое государство является «общим желанием» и насущной задачей всего немецкого народа. «В Германии жизненный вопрос — национальное единство»⁴,— писал он. Таким образом, Чернышевский считал объединение Германии основным вопросом ее дальнейшего развития.

Чернышевский прекрасно понимал, что переговоры между немецкими правительствами об организации сейма Германского союза с целью осуществления единства

¹ См. Н. Г. Чернышевский, Лессинг, его время, его жизнь и деятельность, Полн. собр. соч., т. IV, стр. 12.

² Н. Г. Чернышевский, Полн. собр. соч., т. VI, стр. 409.

³ Там же.

⁴ Н. Г. Чернышевский, Полн. собр. соч., т. V, стр. 743.

германской нации приведут лишь к «нескончаемой» и совершенно бесплодной дипломатической переписке¹.

Чернышевский не видел в то время у прусского правительства намерения начать ради объединения Германии под господством Пруссии «смертельную вражду» с другими немецкими правительствами, основанными на тех же принципах, как и оно². Чернышевский был тогда прав в этом утверждении, так как в 1859—1861 гг. прусское правительство еще не взяло курс на объединение Германии «сверху», «железом и кровью»,— курс этот был взят Бисмарком в 1862 г.

Чернышевский высказал убеждение, что «единство Германии при нерасположении к нему всех второстепенных правительств, не может быть осуществлено иначе, как революционными средствами»³. Вот почему он осуждал немецких патриотов и либералов, которые все свои надежды возлагали на патриотизм и мудрость немецких правительств, особенно прусского. «...Скажите же,— писал Чернышевский,— какого успеха могут ожидать люди, обращающиеся теперь к немецким правительствам с просьбою столь странную? По нашему мнению, пока движение в пользу немецкого единства будет сохранять свой нынешний характер, оно останется не более, как патриотически-либеральным пустословием»⁴.

С позиций революционного демократа Чернышевский беспощадно обличал трусость и половинчатость буржуазных либералов в прусском ландтаге, так называемых «прогрессистов», затеявших с правительством «конституционный конфликт» из-за кредитов на увеличение армии. Критикуя этих «половинных» либералов, которые «двоедушничают в каждом слове», Чернышевский подчеркивал, что их дряблая оппозиция не может угрожать прусской системе, но указывал, что немецкие дела тесно связаны с общеевропейским положением.

«...Настроение общественного мнения, из которого возник происходящий теперь в Пруссии спор,— писал Чернышевский,— навеяно на Пруссию заграничными событиями, итальянскими делами, видимо, шаткостью нынешнего положения во Франции и вообще тревожным,

¹ См. Н. Г. Чернышевский, Полн. собр. соч., т. VI, стр. 444.

² Там же, стр. 410.

³ Там же.

⁴ Там же, стр. 409—410.

возбуждающим нервы состоянием всего континента Западной Европы. Эта сторона самая любопытная и важная в нынешнем прусском движении. Будучи не больше, как отголоском глухого шума, усиливающегося на западноевропейском континенте, оно служит признаком готовящихся событий, от которых зависит и его собственная судьба. Если их наступление замедлится, конституционная партия в Пруссии снова подвергнется летаргической безнадежности, в которой лежало столько лет почти без всякого признака жизни. Но только начнись ураган на Западе, он захватит и Пруссию и в ней произведет ломку»¹.

Чернышевский резко осуждал агрессивный национализм немецкой либеральной буржуазии и непоследовательных буржуазных демократов, отстаивавших гнет Австрийской империи над итальянцами, поляками и другими славянскими народами. С отвращением писал он о немцах, которые во время итальянской войны 1859 г. кричали «о необходимости защищать итальянские владения Австрии» и о том, «что для всех немцев постыдно, если изгонят из Италии некоторых немцев, угнетающих Италию»². С беспощадностью разоблачал Чернышевский тех немецких буржуазных демократов, которые ратовали на словах за буржуазные политические свободы и республику, а на деле готовы были поддержать прусское правительство, и если бы только увидели, что оно намерено возглавить объединение «сверху», то «стали бы самыми горячими приверженцами этого монархического правительства»³. Слова эти показывают, что Чернышевский правильно понял трусость и холопство германских буржуазных либералов и демократов перед Пруссией и за несколько лет вперед предсказал полное примирение их с прусской монархией на базе достижения германского единства. На этом статьи Чернышевского по германским делам прервались, но идеи его нашли своих продолжателей в русской демократической печати середины 60-х годов.

Почти одновременно со статьями Чернышевского по германскому вопросу в журнале «Русское слово» появилась статья выдающегося русского просветителя демо-

¹ Н. Г. Чернышевский, Полн. собр. соч., т. VIII, стр. 644.

² Н. Г. Чернышевский, Полн. собр. соч., т. VI, стр. 272.

³ Н. Г. Чернышевский, Полн. собр. соч., т. V, стр. 743.

крата Д. И. Писарева «Система Меттерниха». В этой статье, написанной по поводу вышедших тогда в свет мемуаров и переписки князя Меттерниха, Д. И. Писарев резко осуждал его пресловутую систему, сущность которой сводилась к охране устоев космополитической феодально-абсолютистской реакции, к беспощадной борьбе со всеми проявлениями национально-освободительных и объединительных стремлений народов, к удушению революционных и конституционно-либеральных движений.

Интерес Писарева к системе Меттерниха возник не случайно, а в связи с развитием в Европе буржуазно-национальных движений, и тот суровый приговор, который он вынес системе Меттерниха в своей статье, представляет блестяще написанное, страстное обличение всей политики феодально-абсолютистской реакции. В своей статье Писарев заявляет, что писать о Меттернихе — значит «произносить суждение над целым типом политических деятелей, над целым направлением, над целой системой административных учреждений»¹.

Бичуя реакционную систему Меттерниха, Писарев высказывает горячее сочувствие национально-освободительной борьбе итальянцев и объединительным стремлениям немецкого народа, подчеркивая прогрессивный характер буржуазно-национальных движений. Писарев отмечал, что Меттерних «с высоты своего чиновнического величия» пытался «предписывать законы человеческой природе и человеческому разуму». «Германия,— говорит он,— географический термин; Италия — географический термин; требования народов — якобинские бредни»².

Бичуя систему «венских договоров 1815 г.», в результате которых Германия получила «свою теперешнюю физиономию», Писарев писал: «Усилия Меттерниха увенчались успехом; у Германии отнято единство, отнята возможность энергического, дружного действия; ее политическое значение ничтожно, потому что раздробленность ее доходит до крайних пределов...» Современное ему состояние Германии Писарев называл «неестественным положением»³ и считал, что Меттерних, ведя борьбу против объединения Германии, боролся «против того, что целый германский народ считал своей потребно-

¹ Д. И. Писарев, Полн. собр. соч., т. I, СПб., 1909, стр. 561.

² Там же, стр. 576.

³ Там же, стр. 574.

стью»¹. Крах системы Меттерниха в 1848 г. Писарев считал вполне закономерным и неизбежным. Гневная критика феодально-абсолютистской австрийской системы, горячее сочувствие национально-освободительному движению в Италии и национально-освободительному движению в Германии позволяют нам утверждать, что выдающийся русский демократ-просветитель Писарев подходил к проблеме объединения Германии с демократических позиций и считал национальное объединение в «федеративное государство» на демократической основе важнейшей, необходимой потребностью немецкого народа².

Блестящая статья Писарева до сих пор является лучшим из того, что было написано демократическими писателями о Меттернихе.

3. Демократическая печать середины 60-х годов о проблеме объединения Германии и войнах Пруссии

Буржуазные и дворянские историки фальсифицировали взгляды великих русских революционных демократов, желая ослабить влияние их идейного наследия. Помещичье-буржуазная историография стремилась создать видимость «одиначества» Н. Г. Чернышевского и Н. А. Добролюбова для того, чтобы распространить лживую легенду о «беспочвенности» их идей. Она замалчивала и всячески игнорировала деятельность их учеников и соратников: Н. В. Шелгунова, М. И. Михайлова, Н. и А. Серно-Соловьевичей, В. и Н. Обручевых, Г. З. Елисеева, М. А. Антоновича и других лиц, которые, несмотря на ошибки и колебания, продолжали пропагандировать многие принципы «Современника» периода Чернышевского и Добролюбова и являлись, таким образом, представителями лучшей, демократической части русского общества, выражавшей и отстаивавшей интересы трудового народа.

1864—1866 годы характеризовались спадом общественного движения. Сильнейшим ударом для революцион-

¹ Д. И. Писарев, Полн. собр. соч., т. I, стр. 580.

² Там же, стр. 574.

ного движения явился арест в 1862 г. признанного вождя революционной демократии Н. Г. Чернышевского. Были арестованы также и другие деятели демократического движения: Д. И. Писарев, Н. Серно-Соловьевич, М. Михайлов, Н. Обручев и др. Издание демократических журналов «Современника» и «Русского слова» было приостановлено на 8 месяцев.

Спад массового крестьянского движения и жестокие преследования со стороны царизма, который опирался на поддержку не только крепостников, но и либералов, перешедших из страха перед народной революцией на сторону правительства, тяжело отразились на революционно-демократическом движении. Работа революционных кружков и организаций, развернувшаяся в 1861—1862 гг., резко ослабла.

В этой обстановке роль демократической журналистики была особенно ответственной. Это была главная арена, на которой демократы могли возобновить борьбу со своими противниками, хотя возможности подцензурной печати в это время были значительно урезаны. Демократическое направление в русской периодике в эти годы было представлено двумя журналами: «Современником» и «Русским словом», снова начавшими выходить в свет с января 1863 г.

В отличие от предшествующих лет, «Современник», конечно, уже не был в 1863—1866 гг. таким боевым органом революционной демократии, каким он являлся при Чернышевском и Добролюбова. Революционно-демократическое движение было обезглавлено, и его органы утратили прежнюю четкость и определенность своей позиции. В силу этого журнал не имел прежнего значения, и его влияние на демократически настроенных читателей заметно уменьшилось.

Но, несмотря на ошибки и колебания, «Современник» 1863—1866 гг. остался верен основным демократическим принципам и в условиях усилившихся цензурных притеснений продолжал отстаивать революционное наследие Чернышевского и Добролюбова, ведя ожесточенную полемику с консервативной и либеральной прессой, стремившейся подорвать авторитет великих русских демократов Чернышевского и Добролюбова и очернить их идеи.

В центре внимания «Современника» как прежде, так и в 1863—1866 гг. стояли вопросы внутреннего развития России. Вместе с тем на его страницах находили яркое отражение и вопросы политики и общественной жизни стран Западной Европы. Возрожденный «Современник» обнаруживал интерес к развитию рабочего движения на Западе, в частности в Германии, в особенности в связи с созданием Марксом и Энгельсом I Интернационала.

Отмечая борьбу немецких рабочих против эксплуатации и политического угнетения, «Современник» рассматривал этот вопрос с демократических позиций, сочувствуя защите интересов рабочего класса. Журнал отмечал, что положение рабочих в Германии крайне бедственно и что их требования справедливы и законны. Резкой критике подверглась на страницах «Современника» вредная для рабочего движения агитация немецкого буржуазного экономиста Шульце-Делича, одного из вождей буржуазной партии «прогрессистов», выступившего в 60-х годах с пропагандой среди рабочих производственных товариществ, основанных на принципе «самопомощи». Этой теорией, писал журнал «...экономисты-либералы только морочат рабочих»¹, отвлекая их от борьбы за свои права и за повышение заработной платы.

Журнал беспощадно разоблачал прусских либералов — «прогрессистов», которые не стыдились глумиться «над всякой попыткой серьезно, а не на словах только, улучшить общественное положение рабочих» и подчеркивал, что «прогрессисты» могли дать рабочим только фиктивную свободу, на бумаге, пользоваться которой рабочие лишены возможности из-за своего экономического бесправия². Таким образом, «Современник» продолжал пропагандировать идеи Чернышевского о формальном характере буржуазных свобод и антинародной направленности буржуазного либерализма³.

Вместе с тем следует отметить, что «Современник» некритически подошел к оценке вредной деятельности Лассалья и лассальянцев в германском рабочем движении и впал в их идеализацию⁴.

¹ «Современник» № 2, 1865 г., стр. 335.

² См. там же, стр. 346—347.

³ См. статьи «Об улучшении быта рабочих в Германии» в № 8—9 «Современника» за 1863 г.

⁴ См. «Современник» № 2, 1865 г., стр. 329—341.

Сущность буржуазно-национальных движений «Современник» рассматривал с демократических позиций, отлично понимая их ограниченный, буржуазный характер и высказывался за неразрывную связь национального и социального освобождения. В статье «О народности в политике» Ю. Жуковский писал, что с 40-х годов XIX в. «появилась мода на национальности» и «модным термином» стало слово «национальность». Как на пример Ю. Жуковский указывал на Италию, отмечая, что освобождение и объединение ее в единое национальное государство принесло и выгоду «известной доле» итальянцев. Что касается итальянского народа, то он по-прежнему остался бесправным. Отсюда некоторое равнодушие народных масс к национальному делу, ибо «народ Италии станет за то только движение, которое принесет ему чисто народные гарантии, а иначе дело не обойдется без милитаризма или буржуазии...»¹ Ю. Жуковский идее «национальности» предпочитал принцип «народности» в политике². Критика «Современником» буржуазной ограниченности национально-освободительных и национально-объединительных движений являлась несомненно отражением идей Чернышевского и Добролюбова о необходимости органического сочетания национальной борьбы с борьбой за социальное освобождение народов. Вместе с тем автор статьи допускал извращение и вульгаризацию этих положений, доказывая, например, ошибочное утверждение, что «национальное начало антинародно со всех сторон»³, так как оно имеет чисто политическое содержание. И в дальнейшем журнал осуждал буржуазно-либеральных публицистов за то, что они видели в одной только «политике национальностей» великое благодеяние для человечества, и подчеркивал, что «эта модная политика, в которой столькие либералы видят последнее слово государственной мудрости, приводит,... по справедливому замечанию г. Жуковского только к образованию новых милитарных и буржуазных государств, ни на волос не изменяя и не улучшая социального положения трудящихся классов в этих государствах»⁴.

¹ «Современник» № 1, 1863 г., стр. 234.

² Там же, стр. 219.

³ Там же, стр. 225.

⁴ «Современник» № 12, 1863 г., «Политика», стр. 270—273.

Проблема объединения Германии и война Пруссии и Австрии с Данией нашли довольно широкое освещение на страницах «Современника», хотя журнал мало оставался на причинах и значении германского национально-объединительного движения. «Современник» совершенно не уделял внимания вопросам экономического развития Германии как основы немецкого единства и не ставил сколько-нибудь четко вопрос о двух возможных путях ее объединения.

Оценивая объединительное движение в Германии в 60-х годах, «Современник» с самого начала сумел подметить агрессивные стремления немецкой буржуазии, ее желание объединиться для захвата чужих земель, для того, чтобы добиться всемирного первенства, могущества на море. Журнал писал: «Немецкие патриоты, еще не решившие вопроса *«wo ist das Deutschen Vaterland?»*, вообразили себе, что национальная политика ставит себе задачей раскладывать это *«Vaterland»* как можно шире и прибирать себе к рукам все, что только лежит поблизости... Патриоты рыщут по карте всего земного шара и ищут, не говорит ли где кто на их родном языке или по крайней мере на языке, близком к нему... Спор Германии с Данией из-за эльбских герцогств представляет нам образец подобных попыток... поискать еще земли»¹.

Усиление среди немецкой буржуазии шовинистических настроений, завуалированных фразами о торжестве свободы и «принципа национальностей», вызвало резкий отпор со стороны «Современника» и определило его отношение к войне Австрии и Пруссии с Данией.

В противоположность немецким буржуазным деятелям, холопствовавшим перед Пруссией и приветствовавшим вместе с либералами и значительной частью консерваторов эту войну как «патриотическое дело», служащее «великим идеям», «великим целям» немецкого единства, «Современник» рассматривал ее как проявление агрессивных тенденций германской буржуазии и юнкерства и называл ее «вопиющей несправедливостью, вопиющим насилием сильного над слабым»². Торжество и ликование «упившегося кровью немецкого шовинизма»

¹ «Современник» № 12, 1863 г., стр. 271, 273—274.

² «Современник» № 6, 1864 г., стр. 241—242.

по случаю победы над неприятелем, «вчетверо слабейшим», «слишком отвратительны.., чтобы на них останавливаться»¹, — писал «Современник».

Точно так же в действиях пруссаков в занятых ими герцогствах, и особенно в Шлезвиге, «Современник» видел не осуществление «прав нации», а неистовую и беспощадную насильственную германизацию, которая «должна была доказать всему свету, что эта провинция действительно должна принадлежать Германии»². «Современник» зло критиковал измышления немецких националистов о «цивилизаторском» назначении немцев в отношении соседних народов, стоявших якобы на более низкой ступени развития, чем они, и показывал, что за этими фразами скрывались стремления расширить любезное отечество за счет чужих земель и онемечить чужие народы. Особенное возмущение вызывало требование немцев присоединения к Германии Шлезвига, населенного наполовину датчанами: «...немецкий патриот, — писал журнал, — ломается и кичится перед маленьким датским государством, кричит о неправде датчан и о благодущии немцев, еще более кричит о необразованности датчан и о цивилизационном назначении Германии, и во имя всего этого изъявляет твердое намерение свое отнять у Дании Шлезвиг и приобщить его к немецкой национальности»³. «Немецкие патриоты», писал журнал, изо всех сил стремятся обеспечить «торжество своих идей в герцогствах», т. е. «онемечить весь Шлезвиг и искоренить там все, что только носило следы датского происхождения»⁴.

Резко отрицательную позицию занял «Современник» в вопросе о возможности решения судьбы герцогств путем плебисцита. Считая в принципе опрос населения лучшим средством при выяснении его воли, журнал насмехался над «кукольной комедией», устроенной Наполеоном III в Савойе и Ницце, и считал, что опрос населения в герцогствах, «произведенный под покровительством немецких штыков», отнюдь не будет выражением воли населения⁵. По мнению журнала, это возможно лишь в том случае, если из герцогств будут уда-

¹ «Современник» № 6, 1864 г., стр. 245—246.

² Там же.

³ «Современник» № 12, 1863 г., стр. 275.

⁴ «Современник» № 6, 1864 г., стр. 246.

⁵ См. «Современник» № 6, 1864 г., стр. 258.

лены все немецкие войска, а также чиновники и агитаторы. «Современник» с самого начала сумел дать правильную оценку политики Пруссии и неоднократно подчеркивал ее агрессивную, феодально-реакционную сущность. Разоблачая агрессивную политику Бисмарка в войне с Данией, журнал срывал с него маску лицемерия и бичевал наглость, с которой Бисмарк обманывал всю Европу, уверяя, что Пруссия заняла Шлезвиг лишь с целью восстановления договора 1852 г. и противодействия революционному характеру шлезвиг-голштинского движения. Германские государства, писал «Современник», «посредством самого наглого обмана» отняли герцогства у Дании¹.

Наиболее сильной стороной статей «Современника» о Германии было острое разоблачение шовинизма и агрессивности немецких буржуазных либералов, проповедовавших на словах «торжество свободы» и «принцип национальностей», а на деле мечтавших о расширении «любезного отечества» и порабощении чужих народов. Уже во время войны 1864 г. стало очевидным, что немецкая либеральная буржуазия готова была отказаться от своих либеральных требований и пойти на компромисс с прусской юнкерской монархией ради создания мощной милитаристской Германской империи, способной не только удерживать народные массы от революции, но и осуществлять широкую агрессивную политику.

Немецкая буржуазно-либеральная «Националь цайтунг» была в набат по поводу необходимости «освобождения» герцогств и предоставления им полной независимости, а к концу 1864 г. открыто ратовала за полное присоединение их к Пруссии, включая и населенные датчанами области, причем проводилась мысль, «что государства отлично могли усилить Пруссию в военном и морском отношении»².

Эта сторона немецкого буржуазно-национального движения была подвергнута на страницах «Современника» уничтожающей критике.

Разоблачая агрессивность немецкой либеральной буржуазии и буржуазных демократов, «Современник» писал, что вся немецкая пресса и во главе ее «самые

¹ См. «Современник» № 6, 1864 г., стр. 241.

² «Современник» № 9, 1864 г., стр. 126.

либеральные и передовые органы», все немецкие либеральные деятели, включая и буржуазных демократов вроде «изгнанника Кинкеля», собиравшего в Лондоне патриотические митинги, с восторгом приветствовали не только занятие австро-пруссскими войсками герцогств, но и Ютландии, исконной датской территории. «Немецкие либералы и прогрессисты,— пишет журнал,— до того обрадовались этим блистательным подвигам австро-пруссских войск в Ютландии, что забыли даже свою постоянную вражду к Бисмарку и готовы были ради занятия Ютландии совершенно примириться с ним и простить ему все прежние его прегрешения». Они были очень довольны хозяйничаньем союзников в герцогствах и Ютландии и уверяли, что «в подобных грабительствах и насилиях заключается отличное средство наказать Данию за то, что она заставила Германию пролить столько драгоценной крови...»¹

«Современник» с презрением относился к немогности и краснбайству прусской буржуазной оппозиции и отмечал, что ««прогрессисты» с первыми победами прусского оружия забыли «о внутреннем неустройстве Пруссии, о внутренних недостатках своего любезного отечества, ради военной славы и внешнего увеличения своей родины... Они не менее правительства, не менее консерваторов и феодалов (а может быть, и более их) радовались блистательным успехам, одерживаемым пруссаками, да еще в союзе с австрийцами над вдесятеро и даже в двадцать раз слабейшим неприятелем». Партия «прогрессистов», писал «Современник», в течение десяти месяцев «как будто и не существовала», потому что в своих возгласах и рассуждениях она «совершенно сливалась с другими партиями...» Для прусских «прогрессистов» «изгнание» датчан из Шлезвига и Ютландии, взятие дюппельских укреплений, занятие о. Альзена и прочие «подвиги» прусских войск «были такими же неистощимыми источниками радости, как и для самых воинственных прусских юнкеров»².

Срывая маску лицемерия с немецких либералов и «прогрессистов», «Современник» показывал, что за внешними фразами о свободе, правах нации и т. п. скры-

¹ «Современник» № 6, 1864 г., стр. 254.

² «Современник» № 1, 1865 г., стр. 145.

вается действительная, реакционная сущность их политики, рассчитанной на полную поддержку Бисмарка и его планов относительно объединения Германии под прусским, реакционным господством. С иронией писал журнал о том, что в замене в герцогствах «сносного» датского управления прусским, реакционно-феодальным режимом немецкие либералы и «прогрессисты» видят торжество свободы и «принципа национальностей»¹.

Таким образом, «Современник» еще в 1864—1865 гг. предсказывал возможность полного примирения немецких либералов с правительством Бисмарка и властью юнкеров на базе осуществления их объединительных и агрессивных планов. Следует также отметить, что «Современник» правильно подходил к пониманию того, что соглашательство немецкой либеральной буржуазии дало Бисмарку возможность одержать победу в датской войне и обеспечило дальнейший успех его политики «железа и крови». Журнал писал в марте 1866 г., что прусское правительство, готовясь к войне с Австрией, не опасается сопротивления в среде либеральной партии, «которая из чувства патриотизма и из пламенного желания увидеть увеличение любезного отечества готова была поддерживать внешнюю политику Бисмарка»².

Правильность оценки политики немецких буржуазных либералов в вопросе объединения Германии, данной «Современником», выступает особенно рельефно в сопоставлении с гениальными высказываниями по этому вопросу классиков марксизма-ленинизма. Характеризуя положение в Германии в 60-х годах XIX в., В. И. Ленин писал, что «...немецкая либеральная буржуазия трусливо отворачивалась от нараставшей в Германии революции, торгуясь с правительством помещиков, примиряясь с королевским всевластием...»³ Уничтожающая характеристика немецким либералам дана В. И. Лениным также в статье «Подделка правительством думы и задачи социал-демократии»: «...немецкие кадеты, начиная от франкфуртских болтунов и кончая пресмыкающимися перед Бисмарком национал-либералами, на полвека с лишним после буржуазной революции укрепили государ-

¹ См. «Современник» № 6, 1864 г., стр. 250, 257, 258.

² «Современник» № 3, 1866 г., стр. 132.

³ В. И. Ленин, Соч., т. 17, стр. 69.

ственную власть в руках юнкеров... и в руках обшитого парламентскими формами военного абсолютизма»¹.

«Современник» был решительным противником объединения Германии «сверху», под властью реакционной Пруссии. Вместе с тем следует отметить, что на страницах «Современника» мы не находим прямых высказываний относительно возможности объединения Германии «снизу», революционным путем. Не отмечал журнал и того факта, что Голштиния и Южный Шлезвиг были населены немцами.

Отмечая оживление рабочего движения в Германии, выступая горячим защитником прав и интересов рабочих в их борьбе с капиталистами, журнал, однако, не связывал этих событий с проблемой немецкого единства и не ставил вопроса о необходимости объединения Германии на демократической основе, революционным путем. В этом отчасти сказалось влияние жестких условий царской цензуры, в которые была поставлена демократическая журналистика. Но главное было в том, что отсутствие четкой революционно-демократической программы «Современника» этого периода мешало журналу правильно понять сущность германских событий и осознать возможность революционного пути объединения Германии.

Другим крупным органом русской демократической печати 60-х годов был журнал «Русское слово», издававшийся с 1859 по 1866 г. Выступая с конца 1860 г. с демократических позиций, «Русское слово» в 1861—1863 гг., т. е. в период наивысшего подъема революционного движения, проводило линию, во многом близкую к боевому органу революционеров-демократов — «Современнику», возглавляемому Н. Г. Чернышевским и Н. А. Добролюбовым. Статьи «Русского слова» в защиту основных пунктов революционно-демократической программы «Современника» от нападок консервативной и либеральной печати определили место и значение этого журнала как демократического органа русской журналистики.

В последующие годы (1863—1866), в условиях подавления массового движения и усиления правительственной реакции, журнал «Русское слово» совместно с

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 11, стр. 350.

«Современником» вел борьбу с наступлением реакции в области идеологии, продолжая отстаивать демократические и материалистические принципы от нападок консервативной и либеральной прессы. В лице своих основных сотрудников — демократов-разночинцев Г. Е. Благодетель, Н. В. Шелгунова, Н. В. Соколова, В. А. Зайцева и особенно Д. И. Писарева, внесшего в журнал дух революционного просветительства и ставшего его идейным руководителем, — «Русское слово» стремилось обобщить опыт освободительной борьбы и дать идейную программу демократического движения¹.

Непримиримо относясь к отрицательным сторонам окружающей русской действительности, отстаивая интересы народных масс, стремясь ко всестороннему обновлению и коренному изменению экономического и политического строя России, «Русское слово» в поисках путей и средств для разрешения этого центрального вопроса допускало ряд ошибок и колебаний, явившихся следствием несбывшихся надежд на революционное выступление крестьянства в 1863 г. и разочарования в результате этого в революционных возможностях страны, в способности трудящихся масс самостоятельно решить дело своего освобождения.

Но, несмотря на непоследовательность и ошибки, журнал «Русское слово» был выразителем передовых, демократических идей в России и имел большое влияние на демократически настроенную часть русской молодежи 60-х годов XIX в.

Подобно «Современнику», «Русское слово» постоянно проявляло интерес к политическим событиям в Западной Европе, анализируя их с демократических позиций². Значительное место в содержании журнала за 1865 г. занимают статьи о положении рабочих на Западе и их борьбе против капиталистической эксплуатации и политического бесправия. «Русское слово» выступало в защиту интересов рабочего класса, разоблачало противоречия и фальшь буржуазной демократии.

¹ См. Т. Ионкина, «Русское слово» — демократический орган 60-х годов XIX века. Автореферат, М., 1950.

² Обозрения политических событий в «Русском слове» составлялись французским социалистом Э. Реклю (псевдоним — Жак Лефрен) и реже Г. Е. Благодетельным.

Проблема объединения Германии привлекла внимание журнала в связи с обострением шлезвиг-голштинского дела и назреванием войны Германии с Данией. Выступления «Русского слова» по этому вопросу представляют несомненный интерес.

В статьях «Русского слова» необходимость объединения Германии отождествлялась с неизбежностью осуществления там коренных политических и социальных преобразований и ликвидации Германского союза с его сеймом. Шлезвиг-голштинский вопрос журнал рассматривал как начало кризиса и отмечал, что «речь идет не столько о границе голштинской или шлезвигской, сколько о существовании самого сейма и о глубоком преобразовании, которому должна подвергнуться Германия»¹. По мнению журнала, потребность во внутреннем кризисе и преобразованиях в Германии настолько назрела, что, если они не наступят, то «надо отчаиваться в жизненной силе Германии»². Но, признавая национальное объединение очередной задачей страны, «Русское слово» не дошло до понимания глубоких внутренних экономических причин потребности Германии в единстве.

Статьи «Русского слова» показывают, что журнал подходил к осознанию возможности объединения Германии революционным путем и видел в немецком народе революционные силы. Однако «Русское слово» не заняло в этом вопросе четкой революционной позиции. Ему свойственны были колебания и отступления в сторону либерализма. Национальное единство и преобразования в Германии могли быть, отмечал журнал, достигнуты двумя способами: «...или путем мира, или через жестокие страдания, порождаемые гражданской войной», которая «неизбежно отступила бы от предназначенной ей цели и сделалась бы революционно... притом война, приняв революционный характер, сделалась бы всеобщей, и что из этого могло бы выйти?..»³

Свои высказывания о возможности революции в Германии автор статьи не случайно заканчивает многозначительным знаком вопроса. Здесь, конечно, в некоторой мере могли сказаться цензурные условия, ибо сколько-

¹ «Русское слово» № 3, 1864 г., стр. 18.

² Там же, стр. 19.

³ Там же.

нибудь открытого разъяснения способа осуществления революции царская цензура не допускала. Но дело было далеко не в этом. Совершенно очевидно, что характерное для журнала в эти годы скептическое отношение к самостоятельной революционной роли народных масс и увлечение чисто просветительскими задачами мешали ему правильно разобраться в сущности германских событий и стать на сторону революционного объединения Германии, «снизу». В этом вопросе журнал явно переходил на позиции либерализма.

Итак, неверие в силы и способности народных масс привело журнал к тому, что, желая кризиса и отмечая возможность революционного взрыва в Германии, он в то же время протестует «против гражданской войны, которая неизбежно сделалась бы революционной» и охватила бы не только всю Германию, но и распространилась бы вне ее¹. В начале 1865 г. «Русское слово» еще яснее высказалось против революции в Германии. Журнал писал, что политика Бисмарка ведет к междоусобной войне, которая «спустит с цепи революцию внутри и вне Германии, и тогда... О! г. Бисмарк, ради бога остановитесь»².

Высказывая, таким образом, отрицательное отношение к возможности объединения Германии «снизу», революционным путем, «Русское слово» в то же время резко выступало против объединения Германии «железом и кровью», под властью юнкерской Пруссии. Уже в самом начале войны с Данией «Русское слово» разгадало истинный смысл политики Бисмарка, рассчитанной на подчинение прусскому господству всей Германии, и понимало, что привлечение к шлезвиг-голштинскому делу Австрии было для прусского министра лишь удобным маневром. Журнал отмечал, что победа союзников в войне с Данией принесла плоды Бисмарку, который «загребает руками Австрии угольки и, при дележе добычи, оставляет ей одну золу...»³

«Русское слово» беспощадно разоблачало великодержавные замыслы Пруссии, ее стремления стать сильной морской державой, «присвоить себе... военные порты

¹ См. «Русское слово» № 3, 1864 г., стр. 18—19.

² «Русское слово» № 2, 1865 г., стр. 16.

³ «Русское слово» № 4, 1865 г., стр. 79.

в Северном и Балтийском морях», создать сильный военный флот с тем, чтобы осуществлять широкую агрессивную политику¹. Журнал стоял за решение вопроса о Шлезвиге и Голштинии по желанию их населения, а не по воле завоевателей.

«Русское слово» подчеркивало, что политика Бисмарка, направленная на создание мощной агрессивной Германии с реакционной Пруссией во главе, служит интересам «феодалов» и ничего общего не имеет с интересами германского народа. Журнал издевался над немецкими либералами, которые «трубили во всеуслышание, что интересы феодалов солидарны с интересами народов», высмеивал «союз германских государей с готскими либералами»², вскрывая тем самым пруссаческую, антинародную сущность их политики в вопросе объединения Германии.

С демократических позиций «Русское слово» оценивало реакционность и агрессивность немецких либералов. Журнал резко критиковал их за поддержку прусского правительства в шлезвиг-голштинском вопросе, за их агрессивные устремления. «Надо видеть этих немецких либералов, с каким они смирением краснеют, когда им говорят о победах при Альзене, Дюппеле и Миссунде, которые составляют торжество их врага Бисмарка»³, — с иронией писал журнал. «Русское слово» отмечало, что не только немецкие либералы, но и буржуазные демократы, так называемые «республиканцы», с восторгом приветствовали военные победы реакционных немецких держав. В особенности иронизировал журнал по поводу того, что германские демократы ратовали за воцарение в Голштинии принца Фридриха Августенбургского. «Немецкие демократы, — писал журнал, — восстают единодушно во имя права Августенбургского дома и с энтузиазмом восклицают: последний приют государей заключается в сердцах немецких республиканцев»⁴.

Презируя болтливую, но вместе с тем пассивную и бесплодную оппозицию прусских либералов, которые, «кроме бесчисленного множества фраз, ничего путного

¹ См. «Русское слово» № 1, 1865 г., стр. 14—15. См. также № 1, 1864 г., стр. 12.

² «Русское слово» № 2, 1864 г., стр. 6—7.

³ «Русское слово» № 7, 1864 г., стр. 36.

⁴ «Русское слово» № 2, 1864 г., стр. 7.

не сделали для Пруссии»¹, высмеивая пресмыкательство этих либералов перед насильственной политикой Бисмарка, «Русское слово» писало: ««Прогрессисты» фиолетового цвета забыли, что их оскорбляли и обманывали, забыли, что на деле их конституция оказалась изорванной,— они не помнят себя от радости по случаю завоевания Шлезвига и Лауэнбурга и блистательной перспективы захватить Голштинию и все остальное»².

Таким образом, «Русское слово», как и «Современник», уже во время войны Пруссии и Австрии с Данией предсказывало возможность полного отказа со стороны прусских либералов от своих оппозиционных требований и примирения их с правительством Бисмарка на базе осуществления их внешнеполитических планов.

Против завоевательной политики царизма на Востоке, а также против всякого сближения с Австрией или Пруссией и какого бы то ни было вмешательства в войну между ними выступал в 1864—1866 гг. сатирический журнал «Искра», издававшийся с 1859 по 1873 г. русским поэтом-демократом переводчиком песен Беранже В. С. Курочкиным. Журнал «Искра» стоял в основном на позициях революционной демократии и поддерживал программу «Современника». Это был орган боевой политической сатиры, откликавшийся на все злободневные вопросы. Журнал этот совершенно открыто издевался над архиреакционной «Вестью» и немецкими газетами в России. В. С. Курочкин, как и Н. П. Огарев, бичевал немецких капиталистов и всякого рода дельцов в России как жестоких эксплуататоров, самодовольных проходимцев и наживал³.

«Искра» выступала с разоблачительными статьями по поводу «прусского пути» объединения Германии, подчеркивая его реакционность и антидемократичность. Журнал глумился над Бисмарком и оценивал его политические приемы как методы драчливого немецкого корпоранта⁴.

¹ «Русское слово» № 7, 1865 г., стр. 90. См. также № 1, 1865 г., стр. 15—17.

² «Русское слово» № 8, 1865 г., стр. 106.

³ См. В. С. Курочкин, Собрание стихотворений, СПб., 1869, т. I, стр. 340; т. II, стр. 214—224; «Искра» № 24, 1865 г., стр. 340, а также Н. П. Огарев, Избр. произв., М., 1956, т. II, стр. 110.

⁴ «Искра» № 27, 1865 г., стр. 364—365.

Журнал не разделял тревогу помещичье-буржуазных кругов по поводу усиления Пруссии¹, разоблачал агрессивные устремления русских помещиков и буржуазии к господству на Балтийском море и Ближнем Востоке, издевался над агрессивными планами панславистов объединить славян «под сенью крыл русского орла». ««День» наш больно им оскомину набил», — писал он. «Искра» призывала направить все силы на внутреннее развитие России: «К черту иностранная политика — внутренние дела, вот зачем смотреть надо. Своя рубашка ближе к телу. Прежде, чем крыть чужую крышу, надо, чтобы своя не текла». Журнал призывал строить железные дороги, развивать реальное образование, обложить второе вино и кабаки и т. д.²

* *

*

Подводя итоги анализу отношения русских революционных демократов и демократической печати к буржуазно-национальным движениям и войнам 50—60-х годов в Западной Европе, и в частности к объединению Германии, можно сказать, что в лице Герцена, Чернышевского, Добролюбова, а также и демократических журналов середины 60-х годов, несмотря на их колебания и ошибки, нашла свое выражение точка зрения лучшей, передовой, демократической России, противостоявшей царизму, помещикам и капиталистам и представлявшей многомиллионные трудящиеся массы русского народа. Русские революционные демократы желали объединения Германии «снизу», революционным путем, на демократической основе, и резко осуждали прусскую политику объединения страны «железом и кровью», под властью прусских юнкеров и династии Гогенцоллернов.

Демократические журналы середины 60-х годов — «Современник», «Русское слово», «Искра» также разоблачали реакционную политику Пруссии и «прусский путь» объединения Германии, но, в отличие от великих революционных демократов, не занимали последовательно революционной позиции и делали уступки либерализму.

¹ См. «Искра» № 32, 1866 г., стр. 419.

² См. «Искра» № 11, 1866 г., стр. 139—140.

В вопросе об объединении Германии, как и в других вопросах буржуазно-национальных движений, великие русские революционные демократы вплотную подошли к позиции основоположников марксизма. Герцен, Чернышевский и Добролюбов принадлежали к тем замечательным русским деятелям, которые настойчивыми поисками революционной теории подготовили почву для появления в России социал-демократии. В. И. Ленин писал: «...роль передового борца может выполнить только партия, руководимая передовой теорией. А чтобы хоть сколько-нибудь конкретно представить себе, что это означает, пусть читатель вспомнит о таких предшественниках русской социал-демократии, как Герцен, Белинский, Чернышевский...»¹ Подойдя вплотную к историческому материализму, великие русские революционные демократы прокладывали в России путь к распространению марксизма, создавая для этого идейные предпосылки.

В. И. Ленин, определяя условия успеха большевизма в 1917—1920 гг. писал, что «...правильность этой — и только этой — революционной теории доказал не только всемирный опыт всего XIX в., но и в особенности опыт блужданий и шатаний, ошибок и разочарований революционной мысли в России». И далее: «Марксизм, как единственно правильную революционную теорию, Россия поистине *выстрадала* полувековой историей неслыханных мук и жертв, невиданного революционного героизма, невероятной энергии и беззаветности исканий, обучения, испытания на практике, разочарований, проверки, сопоставления опыта Европы»².

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 5, стр. 342.

² В. И. Ленин, Соч., т. 31, стр. 9.

Войны 1864 и 1866 гг. привели к огромному усилению милитаристской Пруссии. В итоге этих войн правительству Бисмарка удалось создать Северогерманский союз и подчинить всю Северную Германию прусскому господству. Австро-прусская борьба за гегемонию в Германии завершилась полным поражением Австрии.

Для ведения этих войн прусское правительство использовало разногласия между европейскими державами по восточному и польскому вопросам и англо-французские противоречия, обострившиеся вследствие притязаний империи Наполеона III на левый берег Рейна. Сотрудничество великих держав в целях сохранения Германского союза из 36 государств после Крымской войны стало невозможным.

Правительство Наполеона III надеялось на сговор с Бисмарком и на получение компенсаций на левом берегу Рейна за нейтралитет Франции. Наполеон III хотел использовать войны Пруссии в своих агрессивных целях. Вплоть до битвы у Садовой он поощрял политику Пруссии и даже после этого сражения продолжал рассчитывать на соглашение с ней, сближаясь одновременно с Австрией.

Лондонский кабинет видел в Пруссии противовес Франции и России. После некоторых колебаний английское правительство уже с 1864 г. стало содействовать усилению Пруссии в надежде использовать ее против наполеоновской Франции и царской России.

На позицию царского правительства решающее влияние оказало стремление империи Наполеона III, Англии

и Австрии увековечить тяжелые для России условия Парижского мира 1856 г. Царское правительство и помещичье-буржуазная печать считали невыгодными и опасными для России усиление Пруссии и изменение в ее пользу «политического равновесия» на Балтийском море и на материке Европы, но еще больше они боялись франко-прусского или австро-французского сближения против России. Политическая изолированность царской России, ослабление самостоятельной роли царизма в международных делах Европы после Крымской войны, экономическая отсталость и вытекавшая из нее финансовая и военная слабость, занятость проведением внутренних реформ и международная обстановка побуждали царское правительство к политике нейтралитета и сближению с Пруссией с целью облегчить в дальнейшем при ее поддержке пересмотр Парижского мира 1856 г.

Влиятельная часть правительственных кругов России, в том числе и князь А. М. Горчаков, и даже царь в принципе предпочитали сближение с Францией, но политика Второй французской империи исключала эту возможность.

Большое влияние на позицию великих держав оказал ход развития классовой борьбы в Германии. Капиталистическое развитие делало необходимым объединение Германии в буржуазно-национальное государство. Усиление борьбы за национальное единство сопровождалось в Германии подъемом рабочего и буржуазно-демократического движения и складыванием в 60-х годах революционной ситуации.

В противоположность царизму и западноевропейским реакционным правительствам, революционно-демократические силы Европы желали объединения Германии «снизу», в демократическое государство. На этой позиции стояли основоположники марксизма — К. Маркс и Ф. Энгельс. Передовые, демократические силы России в лице русских революционных демократов желали развития буржуазно-национальных движений по революционному пути. А. И. Герцен осудил прусские войны 1864—1866 гг. и желал поражения Пруссии и Австрии, приближаясь в этом вопросе к позиции основоположников марксизма и передовых деятелей рабочего класса Германии А. Бебеля и В. Либкнехта. Как известно, А. Бебель считал, что в 1866 г. поражение

Пруссии облегчило бы рабочему классу борьбу за объединение Германии «снизу»¹. Но слабость и незрелость германского рабочего класса, страх германской буржуазии перед революционным движением содействовали успеху и победе «прусского пути» объединения Германии.

Стремление не допустить объединения Германии «снизу» лежало в основе всей политики правительства Бисмарка, главная задача которого состояла в осуществлении этого объединения путем войн под властью прусской монархии и династии Гогенцоллернов.

В условиях нарастания в Европе буржуазно-демократического и рабочего движения реакционное царское правительство видело в прусской монархии один из сильнейших оплотов реакции и предпочитало успех прусской политики победе в Германии революционных и либеральных течений. Правительства Англии и Франции тоже боялись революционного движения в Германии, и это была одна из причин их поощрения великодержавных стремлений Пруссии. Господство реакционного царизма в России, реакционность западных буржуазных правительств и их взаимные противоречия содействовали созданию и укреплению милитаристского и агрессивного германского государства в центре Европы.

Все эти обстоятельства привели к тому, что прогрессивное дело объединения Германии осуществлялось самым реакционным способом, в виде создания юнкерско-буржуазного германского государства под гегемонией Пруссии. Реакционный путь объединения Германии в агрессивное и милитаристское государство неизбежно вел к трагическим последствиям для немецкого народа и других народов Европы.

После 1866 г. первый удар Пруссия нанесла Франции. Уже в 1866 г. многие проницательные дипломаты, и в том числе Горчаков, предвидели, что победа Пруссии над Австрией приведет к войне Пруссии с Францией. В 1866 г. объединение Германии не было закончено. Оно могло завершиться только в результате присоединения к Северогерманскому союзу южногерманских государств — Баварии, Бадена и Вюртемберга, но этому препятствовала империя Наполеона III. В полном объеди-

¹ W. Pieck, Reden und Aufsätze, Bd. I, Berlin, 1950, S. 450.

нении Германии правительство Наполеона III видело для себя величайшую опасность. Разгром Австрии в 1866 г. впервые открыл Наполеону III глаза на эту угрозу и был воспринят французской буржуазной печатью как полный крах французской политики. Поражение Австрии совершилось так быстро, что правительство Наполеона III не успело вмешаться в войну и извлечь из нее выгоду. Расчеты Наполеона III на сговор с Пруссией и на присоединение к Франции ряда земель по левому берегу Рейна были построены на предположении, что война Австрии с Пруссией будет затяжной и приведет к взаимному ослаблению этих государств. Французские газеты были вне себя от ярости по поводу падения престижа Франции и требовали немедленного реванша за Садовую.

Но попытки Наполеона III добиться от Бисмарка согласия на переход к Франции Ландау, Саарбрюкена, Люксембурга¹ и части Бельгии потерпели полную неудачу. Бисмарк только посмеивался над старанием французского императора «получить на чай». Он отклонил эти домогательства и дал знать о них южногерманским правительствам и лондонскому кабинету. Результатом этого было заключение южногерманскими государствами военного союза с Пруссией против Франции и дальнейшее сближение Пруссии с Англией. Весной 1867 г. английское правительство добивалось от французского кабинета заверения в том, что Франция в случае войны с Пруссией не будет посягать на территорию и независимость Бельгии².

В 1867 г., после ликвидации Германского союза, Наполеон III вступил в секретные переговоры с голландским королем о продаже Люксембурга Франции, но правительство Бисмарка заявило протест. По указке Бисмарка германская печать и партия национал-либералов в северогерманском рейхстаге подняла кампанию против притязаний Наполеона III. По предложению России и Англии в 1867 г. в Лондоне была созвана конференция по люксембургскому вопросу. Под давлением

¹ Люксембург представлял в то время самостоятельное государство, находившееся в личной унии с Голландией. С 1815 по 1867 г. Люксембург входил в Германский союз и там находился прусский гарнизон.

² W. Mosse, цит. соч., стр. 264—265.

этих держав был достигнут компромисс: Наполеон III отказался от претензий на Люксембург, а Бисмарк дал согласие на вывод из него прусских войск. Конференция закончилась подписанием Лондонского протокола о вечной гарантии нейтралитета Люксембурга великими державами.

Наполеон III мог убедиться в том, что его притязания на левый берег Рейна не найдут поддержки в Англии. Британское правительство было встревожено не только планами Наполеона III относительно левого берега Рейна. В не меньшей мере его беспокойство вызвала колониальная экспансия Франции на Востоке. В 1869 г. был открыт Суэцкий канал, находившийся в руках французских крупных капиталистов. Кратчайший путь в Индию оказался под контролем Франции, опутавшей своими займами правительство египетского хедива. Империя Наполеона III стремилась расширить свои колониальные захваты в Индо-Китае.

К концу 60-х годов Вторая империя переживала глубокий внутренний кризис. Моральное и политическое разложение правящей верхушки и обострение классовой борьбы в стране ослабляли бонапартистский режим. Подъем рабочего движения, рост недовольства мелкой буржуазии говорили о приближении революционного взрыва. Правящая верхушка Второй империи во главе с Наполеоном III стремилась отвлечь народные массы и оппозиционные круги буржуазии от внутренних вопросов в сторону внешних захватов и искала выхода из внутренних затруднений в новых военных авантюрах.

Дряхлеющий император и окружавшие его политические ничтожества не отдавали себе отчета в трудностях и опасностях войны с Пруссией и ее южногерманскими союзниками. Бездарность генералов и казнокрадство привели к упадку армии, несмотря на хвастливые уверения военного министра Лебефа в том, что к войне «все готово», вплоть «до последней пуговицы на гетрах последнего солдата».

Если учесть, что численность населения Франции была значительно ниже, чем Германии, и что правительство Наполеона III могло выставить гораздо меньшее количество войск, чем Пруссия и ее союзники, то авантюризм правящей верхушки Второй империи станет еще более очевидным. Единственный способ избежать пора-

жения для Франции заключался в том, чтобы найти союзников. Этими союзниками могли стать Италия, Австро-Венгрия и Россия, но правительство Наполеона III делало все для того, чтобы сделать невозможной помощь со стороны этих государств. Оно удерживало французский гарнизон в Риме и мешало присоединению Папской области к Итальянскому королевству. В отношении России оно продолжало свою политику, не допускавшую пересмотра Парижского мира 1856 г. Наполеон III надеялся на союз с Австро-Венгрией и поощрял ее притязания на Боснию и Герцеговину, но не учитывал, что политика Австрии во время будущей войны будет зависеть от позиции России.

Даже австрийское правительство считало позицию Наполеона III в отношении России опасной и авантюристической. В 1866—1867 гг. во главе венского кабинета находился Бейст, стоявший за подготовку войны против Пруссии и союз с Францией и Россией. Бейст хотел обеспечить и согласие России на захват Австрией Герцеговины, Албании и других областей на северо-западе Балканского полуострова, принадлежавших Турции. Через австрийского посла в Петербурге он еще в ноябре 1866 г. пытался выяснить точку зрения царского правительства на эти притязания Австрии. Горчаков ответил австрийскому послу, что Россия желает лишь «возврата потерянного по Парижскому миру», а Герцеговину и Албанию лучше всего было бы превратить в «автономные государства»¹.

В январе 1867 г. Бейст дал знать Горчакову о согласии австрийского правительства на отмену статей Парижского мира 1856 г., ограничивавших права России на Черном море, и предложил созвать конференцию европейских держав для обсуждения восточного вопроса². Через австрийского посла в Париже Меттерниха Бейст предложил французскому правительству пойти на уступки России в этом вопросе, но Мустье ответил решительным отказом. Визит царя и Горчакова в Париж летом 1867 г. не дал никаких результатов: Наполеон III и

¹ Горчаков царю, 7 декабря (25 ноября) 1866 г., ЦГАДА, р. XXX, д. 9/33, стр. 333—335.

² Горчаков царю, 16 (4) января 1867 г., ЦГАДА, р. XXX, д. 9/34, стр. 127.

на этот раз уклонился от деловых переговоров¹. Царь был раздражен и тем, что французское правительство допускало деятельность польских эмигрантов в Париже.

Сотрудничество России и Франции на Ближнем Востоке ограничилось совместным давлением на турецкое правительство по вопросу о выводе турецких войск из Белграда. Турецкие гарнизоны в 1867 г. были выведены из Сербии, но Наполеон III не поддержал русских предложений о присоединении Крита к Греции и даже не особенно настаивал на предоставлении Криту автономии. В результате турецкое правительство в 1868 г. отвергло требования России в отношении реформ на Крите и ограничилось туманным обещанием амнистии повстанцам.

Непримиримая позиция правительства Наполеона III содействовала дальнейшему сближению царской России с Пруссией. В апреле 1867 г. директор Азиатского департамента сказал прусскому послу Рейсу, что в случае заключения франко-австрийского союза Россия могла бы выдвинуть обсервационный корпус к австрийской границе, если бы Пруссия снова гарантировала свою поддержку в отношении отмены статей Парижского договора 1856 г. о Черном море и дала бы заверение, что она не согласится на присоединение Боснии и Герцеговины к Австрии². Бисмарк предписал Рейсу возобновить этот разговор. Он обещал поддержку Пруссии по вопросу о восстановлении права России иметь военный флот на Черном море, но лицемерно отрицал возможность притязаний Австрии на Боснию и Герцеговину³.

В феврале 1868 г. царь пообещал Рейсу продвинуть свою армию к границам Австрии в случае франко-прусской войны и в марте того же года обещал прусскому военному агенту в России Швейницу, что использует для этой цели армию в 100 тыс. чел. 20 марта русский посол в Берлине Убри официально предложил это и получил заверение, что Пруссия сделает то же самое, если Авст-

¹ W. Mosse, цит. соч., стр. 260, 272; F. Charles — Roux, цит. соч., стр. 399—405.

² Рейс Бисмарку, 1 апреля 1867 г., APP, Bd. VIII, № 380, S. 555—556.

³ Бисмарк Рейсу, 6 апреля 1867 г., APP, Bd. VIII, № 436, S. 611.

рия будет угрожать России¹. Царское правительство желало поражения империи Наполеона III в будущей войне. Оно рассчитывало, что эта война примет затяжной характер и приведет в конечном итоге к взаимному ослаблению Франции и Пруссии. Такие же надежды питало и английское правительство.

Переговоры с царским правительством и заявления английских министров давали Бисмарку уверенность в том, что Франция окажется в полном одиночестве. В 1870 г. военные приготовления Пруссии были закончены. Желанный предлог для войны тоже не приходилось искать: им послужил вопрос о кандидатуре принца Леопольда Гогенцоллерна на испанский престол после революции в Испании. К величайшей радости Бисмарка и прусских генералов, Наполеон III предъявил протест против этой кандидатуры. Не удовлетворившись заявлением Вильгельма I, что он не одобряет эту кандидатуру, Наполеон III явно вел дело к разрыву: он предписал своему послу Бенедетти потребовать, чтобы прусский король дал письменное обязательство за себя и за своих преемников, что они никогда не допустят воцарения в Испании ни одного из отпрысков дома Гогенцоллернов. Король отказался выполнить столь унижительное требование и еще раз принять Бенедетти, но обещал продолжить переговоры в Берлине. Телеграмма об этом была получена Бисмарком из Эмса. Отрезав строки, смягчавшие ответ короля, канцлер придал этой «эмской депеше» самый оскорбительный для французского правительства характер и немедленно передал ее в печать. Провокационный акт Бисмарка достиг цели: французская палата и министры были приведены в ярость и дошли до полного ослепления. 20 июля 1870 г. они приняли декларацию об объявлении войны Пруссии, поставившую Францию в положение нападающей стороны перед буржуазным общественным мнением Европы.

Дальнейшие события стремительно привели Францию к военной катастрофе. После первых поражений главные силы французской армии были окружены прусскими войсками в Седане и капитулировали. Взятие в плен в Седане огромной французской армии во главе с самим Наполеоном III ускорило революцию 4 сентября

¹ W. Mosse, цит. соч., стр. 283—288.

1870 г. в Париже и низвержение режима Второй империи.

Если до этого момента война со стороны Германии имела главной целью завершение объединения страны в национальное государство, то после 4 сентября Пруссия и другие германские государства преследовали чисто завоевательные цели — захват Эльзаса и Лотарингии, задуманный Бисмарком и прусским генеральным штабом еще в 60-х годах. Лучшие деятели германского рабочего движения, стоявшие во главе германской социал-демократической партии, — Бебель и Либкнехт осудили эту агрессивную политику Пруссии. Германскую агрессию сурово осудили основоположники марксизма. Маркс, стоявший во главе Генерального совета I Интернационала, в обращениях Генерального совета с предельной ясностью вскрыл сущность происходившей войны.

Со стороны Франции именно бонапартистский режим придавал войне завоевательный характер. После событий 4 сентября 1870 г. война стала для нее оборонительной, в ней постепенно стали принимать участие народные массы, и развернулось партизанское движение. Но предательская, антинародная политика французской буржуазии привела к тому, что новое французское правительство Тьера скорее готово было на капитуляцию перед Пруссией, чем на уступки своему рабочему классу. Прусские войска осадили Париж. Правительство национальной обороны, или, как писал Маркс, «национальной измены», не хотело защищать столицу с ее революционными рабочими массами. Генералы боялись парижского народа и постарались истощить его силы бесполезными, но кровопролитными вылазками. 28 января 1871 г. капитуляция Парижа была подписана. За несколько дней до этого, 19 января, в Версале было провозглашено создание Германской империи во главе с прусским королем Вильгельмом I, принявшим императорский титул. Объединение Германии «железом и кровью» закончилось.

Весной 1871 г. правительство Бисмарка вступило в сотрудничество с «версальцами» против Парижской коммуны и отпустило из плена 80 тыс. французских солдат для того, чтобы их бросили против революционного Парижа. За это Бисмарк добился от Тьера согласия на сокращение сроков уплаты контрибуции. Национальное предательство французской буржуазии завершилось ее

кровавым союзом с бисмарковской Германией против парижских рабочих и удушением Парижской коммуны — первой пролетарской революции.

Захватническая политика Второй империи содействовала тому, что правительства, которые могли бы стать ее союзниками, радовались ее поражению и падению. Итальянские войска 20 сентября 1870 г. заняли Рим, поспешно оставленный французским гарнизоном. Папская область была присоединена к Итальянскому королевству. Английское правительство предоставило Пруссии полную свободу действий в отношении Франции и ограничилось лишь тем, что 9 и 11 августа 1870 г. добилось подписания соглашений с Пруссией и Францией, подтвердивших нейтралитет и неприкосновенность Бельгии. Но размеры катастрофы, постигшей Францию, и возрастание мощи Германии превзошли все ожидания и уже в ходе войны вызвали в Англии и России серьезные опасения относительно последствий германского преобладания в Европе.

Царское правительство желало ослабления Второй империи потому, что Наполеон III и его министры мешали пересмотру Парижского мира 1856 г. Царь и Горчаков опасались, что в случае победы Наполеона III Вторая империя в союзе с Австро-Венгрией надолго закрепит условия Парижского мира и при содействии папского двора вновь выдвинет вопрос о превращении Польши в зависимое от Франции помещичье-буржуазное государство¹.

Царь 23 июля 1870 г. дал знать австрийскому императору, что Россия гарантирует Австро-Венгрии ее границы, если венское правительство не будет вести приготовлений к войне, а в противном случае русское правительство само приступит к вооружениям².

После начала войны на правительство Наполеона III нашло некоторое просветление. Французский министр иностранных дел Грамон изъявил согласие на пересмотр Парижского мира, если Россия не будет мешать Австро-Венгрии вступить в войну на стороне Франции, но уже первые поражения французской армии отбили у австрий-

¹ См. А. Л. Нарочницкий, *Международные отношения от Парижского до Франкфуртского мира (1856—1871 гг.)*, М., 1946, стр. 78—79.

² W. Mosse, *цит. соч.*, стр. 308—309.

ского правительства всякое желание ввязываться в войну. Маневр Грамона был запоздалым и не мог иметь каких-либо последствий.

Но в расчеты царского правительства совершенно не входил полный разгром Франции и непомерное усиление в центре Европы огромной милитаристской Германской империи. Лишь наиболее реакционные круги при петербургском дворе после седанской катастрофы питали сочувствие к Пруссии. Царь надеялся на свои родственные связи с королем прусским. Наместник царства Польского граф Берг боялся вспышки волнений в Польше. Князь Горчаков и особенно наследник престола великий князь Александр Александрович были крайне встревожены разгромом Франции. Седанскую катастрофу наследник расценивал как «ужасную новость» и писал, что «Россия рано или поздно узнает прусскую дружбу». Большинство русских газет и журналов видело в усилении Пруссии грозную опасность для России, и, несмотря на свое резкое осуждение политики Наполеона III, русская печать открыто выражала сочувствие Франции. Циркуляр Бисмарка от 13 сентября 1870 г. о том, что присоединение Эльзаса и Лотарингии — необходимое условие мира, вызвал недовольство царского правительства, но прежде всего оно позаботилось об отмене статей Парижского мира, ограничивавших права России на Черном море.

31 октября 1871 г. Горчаков уведомил европейские правительства, что Россия после появления броненосных флотов у Англии и Франции и неоднократных нарушений статей Парижского мирного договора относительно дунайских княжеств не может больше признавать обязательным для себя и для Турции запрещение иметь военный флот на Черном море. Бисмарку пришлось поддержать это требование царского правительства, так как от позиции России зависел ход предстоящих переговоров с Францией о мире. Английский кабинет пытался протестовать против этого шага русской дипломатии, но конференция послов великих держав в Лондоне в начале 1871 г. вынуждена была примириться с восстановлением прав России на Черном море.

Французское правительство еще в 1870 г. послало в европейские столицы Тьера для переговоров о дипломатическом вмешательстве других держав в пользу Фран-

ции. В Лондоне Тьер получил любезный отказ, а в Петербурге царское правительство дало ему совет поскорее заключить мир с Пруссией. В отношении Эльзаса и Лотарингии царь написал Вильгельму I письмо с изъявлением надежды, что Пруссия не потребует аннексии французской территории, и добавил, что это — дружеский совет¹. Франция все же получила некоторую поддержку царя по вопросу о контрибуции: под давлением России² и Англии³ она была снижена с 6 млрд. до 5 млрд. франков. Прелиминарный мир был подписан представителями Германской империи и Франции уже 26 февраля 1871 г., а 10 мая того же года последовало подписание Франкфуртского мирного договора на условиях аннексии Германией Эльзаса и Лотарингии и уплаты Францией 5 млрд. франков контрибуции.

Уже в 1875 г. германское правительство готовилось начать новую войну с Францией, но предостережения со стороны России сорвали эти планы.

Пруссия использовала для объединения Германии под своим господством противоречия между реакционными правительствами Европы. История войн Пруссии 60-х годов показывает неправильность мнения ряда немецких историков, считавших, что все европейские державы были враждебны объединению Германии. В 60-х годах положение было совершенно иным.

Неверным является и взгляд ряда французских авторов (Сорель, Шарль-Ру и др.), что причиной побед Пруссии в 1864—1871 гг. была позиция царской России. В действительности правительство Наполеона III само содействовало усилению Пруссии и внешнеполитической изоляции Франции.

Исторические последствия франко-прусской войны далеко выходят за рамки условий Франкфуртского мира. Эта война завершила создание агрессивной юнкерско-буржуазной Германской империи, ставшей опасной угрозой для мира и всех народов Европы. Остатки «системы 1815 г.» в Германии, заключавшиеся в политической раздробленности этой страны, были ликвидированы. В центре Европы сложилась крупная военная держава,

¹ См. С. С. Татищев, цит. соч., т. II, стр. 70—71.

² См. там же.

³ A. Sorel, Histoire diplomatique de la guerre franco-allemande, Paris, 1875, t. 2, p. 245.

сохранившая устои прусской юнкерской реакции. Объединение Германии по «прусскому пути» создало основу для развития крайне агрессивного юнкерско-буржуазного германского империализма, что содействовало возникновению новых кровопролитных войн. Военная опасность и гонка вооружений с 1871 г. стали постоянным явлением в международной жизни Европы. Влияние России, Англии и Франции на материке Европы было ослаблено, и Германия постепенно стала самым опасным потенциальным противником этих государств. Маркс и Энгельс уже в 1870—1871 гг. предсказывали, что последствия франко-прусской войны рано или поздно приведут к вооруженному столкновению Германии с Россией и Францией. После объединения Германии вокруг Пруссии германский милитаризм «дважды ввергал человечество в опустошительные войны»¹. Современные покровители германских реваншистов как видно забыли эти уроки истории.

Путь к светлому будущему для германского народа лежит через его объединение в миролюбивое и демократическое государство «под руководством прогрессивных демократических сил»². К демократическому объединению Германии призывали в XIX в. К. Маркс и Ф. Энгельс, деятели германского рабочего движения А. Бебель и В. Либкнехт. К этому пути развития, хотя не осознавая еще исторической роли рабочего класса, звали русские революционные демократы. По пути демократического и мирного развития идут теперь прогрессивные силы немецкого народа при дружеской поддержке СССР и всех стран народной демократии. В таком развитии Германии заинтересованы народы всего мира.

¹ «Правда», 10 марта 1959 г. Речь тов. Н. С. Хрущева.

² W. Pieck, Reden und Auisätze, Berlin, 1950, Bd. II, S. 29.

Документальную основу данной работы составляют архивные источники и опубликованная дипломатическая переписка. Большой материал содержат доклады императору и депеши царского министра иностранных дел князя А. М. Горчакова, хранящиеся в Центральном государственном архиве древних актов, и документы Архива внешней политики России. В журнале «Красный архив» (т. 93, 1939 г.) опубликованы русские дипломатические документы 1864—1865 гг. по шлезвиг-голштинскому вопросу. Все эти документы позволяют вскрыть теснейшую связь внешней политики царского правительства с внутренним положением в стране и международной обстановкой во время войн Пруссии за объединение Германии «сверху». Сближению царского правительства с Пруссией в огромной степени способствовала непримиримая позиция Франции по вопросу о пересмотре Парижского мира 1856 г. Нежелание правительства Наполеона III допустить этот пересмотр затрудняло возможность русско-французского сотрудничества в делах Западной Европы во время войн Пруссии за объединение Германии в юнкерско-буржуазное милитаристское государство. Из русских документов видно, что Горчаков и даже царь Александр II в принципе стремились к сближению и сотрудничеству с Францией, но главной предпосылкой такого сближения считали согласие правительства Наполеона III на отмену условий Парижского мира 1856 г. Откровенные переговоры по этому вопросу не могли иметь места в силу явного нежелания правительства Наполеона III идти на уступки России по вопросу о Парижском мире и взаимного недоверия. Как показывают русские архивные документы, царь и Горчаков знали, что Наполеон III желал сговора с Пруссией, и опасались сближения Французской империи с другими западными державами. В то же время русские документы проливают свет и на политику Англии. Они говорят о страхе царского правительства и других правительств Европы перед революционным движением.

Прусская дипломатическая переписка 1864—1866 гг. частично была напечатана в собрании сочинений Бисмарка в 1927—1930 гг. и в других сборниках. В 1930 г. появилась обширная публикация

¹ О произведениях основоположников марксизма-ленинизма см. выше, особенно в предисловии.

под названием «Внешняя политика Пруссии», подготовленная под руководством столпов германской буржуазной историографии Э. Бранденбурга и Г. Онкена. В это издание включены документы из архивов ряда европейских столиц, в том числе и некоторые материалы из Архива внешней политики России. Общая тенденция издателей имеет целью восхваление и возвеличение вероломной и агрессивной прусской дипломатии. Ряд прусских документов приведен в этом издании в сокращенном виде.

Французские документы, проливающие свет на отношения между Францией, Россией и Пруссией в 1864—1866 гг., собраны в многотомной публикации «Дипломатическая подготовка войны 1870—1871 гг.» Издание это было предпринято французским министерством иностранных дел незадолго до первой мировой войны с целью освещения агрессивной политики прусского правительства и содержит много материала о заигрываниях Наполеона III с Пруссией. Подбор документов о франко-русских отношениях в этом издании имеет тенденцию смягчить враждебность правительства Наполеона III к России и изобразить его в качестве друга и покровителя польского национально-освободительного движения, хотя факты говорят о совершенно противоположном. Однако в целом публикация эта подтверждает агрессивность и реакционность дипломатии Второй французской империи, ее стремление к сговору с Пруссией, изоляции России и увековечению Парижского мира 1856 г.

Еще более важные разоблачения по этому вопросу содержит собрание дипломатических документов, изданное Г. Онкеном под названием «Рейнская политика императора Наполеона III с 1863 по 1870 г. и возникновение войны 1870/71 г.» Это собрание документов с полной ясностью показывает, что в 1864—1866 гг. правительство Наполеона III на первое место ставило сговор с Пруссией, а вскоре после битвы у Садовой стало искать сближения с Австрией. Наполеон III заигрывал с царским правительством лишь с целью расстроить Пруссию и Россию, сделать Бисмарка и царя более сговорчивыми. Переговоры с царской Россией на основе учета взаимных интересов со стороны Франции в то время совершенно не предусматривались.

Позиция британского кабинета во время войн 1864 и 1866 гг. в той или иной мере отражена в указанных выше изданиях и особенно в «Синих книгах» по шлезвиг-голштинскому вопросу, переписке Пальмерстона и сборниках писем королевы Виктории.

Важные сведения о русско-прусских отношениях и политике правительства Бисмарка содержат «Мысли и воспоминания» О. Бисмарка. В своих воспоминаниях Бисмарк откровенно пишет о том, что с самого начала он ставил своей целью присоединение Шлезвига и Голштинии к Пруссии и что вся его политика имела целью предотвращение революции и далеко идущих либеральных реформ в Германии. Бисмарк пытается представить свою деятельность как политику, будто бы отвечавшую национальным интересам Германии, и затушевывать ее классово ограниченный, юнкерско-буржуазный характер.

Для характеристики настроений в правительственных сферах Петербурга и Берлина много интересных фактов дают воспоминания прусского военного агента, а впоследствии посла при царском дворе Г. Швейница, находившегося в курсе политических настроений разных придворных группировок в Петербурге и Берлине.

Отношение различных классов и политических течений русского общества к буржуазно-национальным движениям на Западе и к войнам Пруссии за объединение Германии «сверху» отразилось в русской прессе и публицистике. Настроения помещичье-буржуазного лагеря выражала консервативная и либеральная пресса, сочинения славянофилов и других общественных деятелей этого периода. Громадный интерес представляют с этой точки зрения произведения русских великих революционных демократов и русская революционно-демократическая и демократическая печать — газета «Колокол», журналы «Современник» и «Русское слово». Эти источники отражают позицию передовых прогрессивных и демократических сил России, выдвигавших идею революционно-демократического объединения Германии, «снизу», выступавших в защиту польского освободительного движения и показавших себя подлинными сторонниками свободы русского, немецкого, польского и других народов.

С позиций германского социал-демократического движения идею революционно-демократического объединения Германии, «снизу» горячо отстаивали вожди германских рабочих А. Бебель и В. Либкнехт. Воспоминания А. Бебеля являются драгоценным источником для изучения борьбы передовых немецких рабочих за демократический путь объединения Германии, тогда как сочинения Ф. Лассалья отражают поддержку лассальянцами войн Пруссии за объединение Германии «сверху».

В советской историографии не существует работ, специально освещающих политику России по отношению к войнам Пруссии и германской проблеме в 1864 и 1866 гг. Диссертация Л. Шнеерсона «Франко-прусская война и общественное мнение России» лишь бегло касается настроений русской периодической печати во время австро-прусской войны 1866 г. и в основном посвящена позднему периоду.

Отношение русских революционных демократов к германской проблеме мало освещается в работах советских авторов о Герцене, Добролюбове и Чернышевском. В диссертации О. Л. Геккер «Вопросы западноевропейской политики и внешней политики России в освещении Герцена» (Гос. публ. б-ка им. В. И. Ленина) уделено внимание позиции Герцена по отношению к прусскому пути объединения Германии.

В книге Л. К. Роотс «Шлезвиг-гольштейнский вопрос и политика европейских держав в 1863—1864 гг.» (Таллин, 1957 г.) по опубликованным источникам и литературе излагается главным образом внутренняя сторона шлезвиг-гольштинского вопроса и значение его в политике германских и других западных государств с 1848 г. и даже с более раннего времени. Политике России в книге Л. К. Роотс отведено незначительное место, и русские архивные источники не были использованы. Политика России почти не рассматривается и в книге акад. Ф. А. Ротштейна «Две прусские войны» (М., 1950 г.). Из трудов советских авторов на близкие темы необходимо указать исследование П. А. Зайончковского «Военные реформы 1870-х годов в России» (МГУ, 1952 г.) и его же предисловие к изданию первого тома «Дневника» Д. А. Милютина, которые содержат новые данные о вооруженных силах России в 1864—1866 гг. По так называемому остзейскому вопросу были опубликованы статьи Я. Зутиса и других авторов.

Среди работ германских историков необходимо прежде всего отметить обширные труды Ф. Меринга по истории германской социал-демократии. Несмотря на ошибочную идеализацию лассальянства, эта книга и другие работы Ф. Меринга содержат ценнейший фактический материал о разногласиях в германском рабочем движении по вопросу об объединении Германии.

Современные прогрессивные историки в Германской Демократической Республике с позиций марксизма-ленинизма дают в своих трудах оценку значения войн Пруссии и объединения Германии. Такова работа А. Нордена «Уроки германской истории» (М., 1948 г.) и книга Л. Шрайнера «К истории германской внешней политики 1871—1945 гг.» (Берлин, 1952 г., т. I), первая глава которой содержит характеристику прусского пути объединения Германии, причинившего неисчислимые несчастья германскому народу. Германские прогрессивные историки с полным основанием подчеркивают огромное значение уроков борьбы за объединение Германии в 60-х годах прошлого века для германского народа в настоящее время, когда ему снова угрожает возрождение милитаризма в Западной Германии при поддержке империалистических держав.

В русской дореволюционной литературе внешней политики царского правительства в 1864 и 1866 гг. касался автор панегирической биографии Александра II единомышленник М. Н. Каткова С. С. Татищев, освещавший политику царизма с дворянско-монархических позиций. С. С. Татищев не имел доступа к русской архивной дипломатической переписке 1864 и 1866 гг. по германским делам и заимствовал свое изложение этих вопросов у германского историка Г. Зибеля — автора многотомной «Истории основания Германской империи Вильгельмом I».

Г. Зибель был учеником Л. Ранке и панегиристом Бисмарка, восхвалявшим прусский путь объединения Германии. По политическим воззрениям Зибель примыкал к национал-либералам, выражавшим великодержавные, агрессивные и националистические стремления крупной германской буржуазии, главным образом Западной Германии. Союз германской буржуазии с юнкерством под господством прусской монархии нашел яркое отражение в исторических и политических воззрениях Зибеля, который долгое время редактировал журнал «Хисторише цайтшрифт» и занимал ведущее положение в германской официозной историографии. Он был допущен к изучению прусских архивов и развивал в своих книгах те же идеи, какие мы находим в «Мыслях и воспоминаниях», в речах и переписке О. Бисмарка.

Бисмарка Зибель пытался выставить в своих книгах в качестве «друга» и «благодетеля» России. Именно из воспоминаний Бисмарка и из книги Зибеля распространилась легенда о том, что нейтралитет России во время войн Пруссии 1864 и 1866 гг. был будто бы всецело обусловлен субъективными чувствами царя Александра II по отношению к прусскому королю, и прежде всего «благодарностью», которую царское правительство, по мнению Зибеля, должно было отплатить Пруссии за ее «бескорыстную» поддержку во время польского восстания 1863 г. Основу русско-прусского сближения 60-х годов Зибель усматривает именно в этой благодарности Александра II и в династических связях царя с прусским двором.

Таким же образом освещал позицию России и другой видный представитель германской империалистической историографии —

последователь Зибеля Э. Бранденбург. В своих книгах Э. Бранденбург вовлек в научный оборот много неизвестных ранее документов, особенно о франко-прусских отношениях, и показал, какое важное значение в 1864—1865 гг. имела для прусского правительства благоприятная позиция Наполеона III. Однако русско-прусские отношения не получили ясного освещения и в работах Э. Бранденбурга, если не считать некоторых скудных данных о дипломатической миссии прусского генерал-адъютанта Мантейфеля в Петербург летом 1866 г. В годы фашистской диктатуры в Германии, а также и после второй мировой войны германские реакционные историки, как, например, Г. Риттер¹, восхваляли и продолжают превозносить политику объединения Германии под господством Пруссии, проводившуюся Бисмарком, но не дали новых исследований о русско-прусских отношениях 60-х годов XIX в.

Основные вопросы русско-прусских отношений 1864—1866 гг. не получили решения и в работах французских буржуазных ученых. Первым из них коснулся этой темы консервативный историк А. Сорель, автор известной книги «Дипломатическая история франко-германской войны». В первом томе этого труда А. Сорель касается событий 1864 и 1866 гг., но при этом всячески замалчивает политику Второй империи Наполеона III, направленную против царской России, и старается изобразить сближение царского правительства с Пруссией исключительно как результат родственных династических связей царя Александра II с прусским королевским домом². Критически оценивая дипломатию правительства Наполеона III, Сорель все же идеализирует политику Второй империи в целом, особенно выступление против «трактатов 1815 г.», неправильно старается выставить Наполеона III другом польского народа и т. д.

Политики царской России касается либеральный французский историк А. Дебидур, близкий к французским буржуазным радикалам. Вся совокупность внутренних и внешних причин, обусловивших нейтралитет царского правительства во время прусских войн 1864—1866 гг. осталась совершенно неясной для Дебидура, не отличавшегося особенно глубокими познаниями по истории России. Дебидур отрицательно относился к бонапартистскому режиму, но он замалчивает враждебность правительства Наполеона III к намерению России добиться пересмотра Парижского мира 1856 г. и не вскрывает реакционность политики Второй империи. В своей книге Дебидур ошибочно уделяет главное внимание польскому вопросу в русско-французских отношениях, хотя после 1863 г. значение этого вопроса ослабло.

Изложенная версия в освещении франко-русских отношений имеет целью снять с французского правительства лежащую на нем долю ответственности за внешнеполитическую изоляцию Франции накануне и во время франко-прусской войны 1870—1871 гг. Дебидур преувеличивает влияние на политику России династических связей царя и короля Вильгельма I. Сходные взгляды развил в своей книге и французский историк Шарль Ру, внесший в освещение франко-русских отношений много новых фактических деталей.

¹ G. Ritter, *Europa und die deutsche Frage*, München, 1946, S. 79 etc.

² A. Sorel, *Histoire diplomatique de la guerre franco-allemande*, T. I, P., 1875. p. 28, 45.

После второй мировой войны французский консервативный историк академик Ж. Барду выпустил книгу «Происхождение несчастий Европы, содействие Англии и Франции установлению прусской гегемонии». В этой книге нет новых фактов, но она интересна по своей тенденции. Под влиянием катастрофы, постигшей Францию в 1940 г., и последствий фашистской оккупации Барду обращается к истории объединения Германии в 1864—1871 гг. и пишет, что Бисмарк не достиг бы успеха в своем деле объединения и господства без сотрудничества викторианской Англии и наполеоновской Франции. Он заявляет, что надо избегать в будущем возобновления таких ошибок и повторения той же катастрофы. «Единственное средство помешать установлению господства Пруссии в Германии и поражению Франции в 1870—1871 гг.» заключалось, по мнению Барду, во «франко-русском вмешательстве с участием или без участия Великобритании». О позиции России Барду не дает новых сведений.

Следует отметить, что в книге американского историка Стифеля о шлезвиг-голштинском вопросе 1863—1865 гг. освещению политики России отведено всего лишь несколько страниц. Данные, приводимые Стифелем на основании британских «Синих книг» и других вопросов, подробно характеризуют политику датского и английского правительств во время войны Австрии и Пруссии с Данией. Недавно появилась в свет книга английского историка У. Моссе «Европейские державы и германский вопрос. 1848—1871». Автор этого труда поставил своей целью наиболее подробно осветить позицию в этом вопросе Англии и России и, в частности, использовал публикации «Красного архива». Однако У. Моссе не располагал русскими архивными документами. Он имел доступ к материалам, главным образом, венских архивов, королевского архива в Виндзоре и к некоторым документам из «Паблик рекорд оффиса». Однако ему удалось показать мотивы, определившие политику поощрения великодержавных стремлений Пруссии, проводившуюся британским правительством в 1863—1871 гг. Политику правящих кругов Великобритании в германском вопросе Моссе несколько идеализирует, преувеличивая влияние на нее общих либерально-буржуазных взглядов английских политических деятелей. Моссе мало касается англо-русских противоречий и не выясняет влияния позиции Франции на политику царского правительства в германском вопросе.

Из всего сказанного видно, что политика царского правительства и отношение различных течений в русском обществе к войнам Пруссии за объединение Германии «сверху» еще мало изучены и заслуживают внимания.

ИСПОЛЬЗОВАННЫЕ ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

К. Маркс и Ф. Энгельс — Манифест Коммунистической партии. Госполитиздат, 1953.

К. Маркс и Ф. Энгельс — Требования Коммунистической партии Германии. Соч., т. 5, изд. второе.

Ф. Энгельс — Революция и контрреволюция в Германии. *К. Маркс и Ф. Энгельс*. Соч., т. 8.

Ф. Энгельс — Перемирие с Данией. *К. Маркс и Ф. Энгельс*. Соч., т. 5.

К. Маркс и Ф. Энгельс — Подвиги Гогенцоллернов. Соч., т. 6.

К. Маркс и Ф. Энгельс — Новый Священный союз. Соч., т. 7.

К. Маркс — Лорд Пальмерстон. *К. Маркс и Ф. Энгельс*. Соч., т. 9.

К. Маркс — Лорд Джон Россель. *К. Маркс и Ф. Энгельс*. Соч., т. 11.

Ф. Энгельс — Положение в Пруссии. *К. Маркс и Ф. Энгельс*. Соч., т. 12.

Ф. Энгельс — Прусская точка зрения на войну. *К. Маркс и Ф. Энгельс*. Соч., т. 13.

К. Маркс — Вопрос об объединении Италии. *К. Маркс и Ф. Энгельс*. Соч., т. 13.

Ф. Энгельс — Савойя, Ницца и Рейн. *К. Маркс и Ф. Энгельс*. Соч., т. 13.

Ф. Энгельс — По и Рейн. *К. Маркс и Ф. Энгельс*. Соч., т. 13.

Ф. Энгельс — Военные силы Англии против Германии. *К. Маркс и Ф. Энгельс*. Соч., т. XII, ч. II, изд. первое.

К. Маркс — Лондонский «Times» и лорд Пальмерстон. *К. Маркс и Ф. Энгельс*. Соч., т. XII, ч. II.

Ф. Энгельс — Приготовления к будущей войне Наполеона на Рейне. *К. Маркс и Ф. Энгельс*. Соч., т. XII, ч. II.

К. Маркс и Ф. Энгельс — Учредительный манифест Международного товарищества рабочих. *К. Маркс и Ф. Энгельс*. Соч., т. XIII, ч. I.

Ф. Энгельс — Численность армий в Шлезвиге. *К. Маркс и Ф. Энгельс*. Соч., т. XIII, ч. I.

Ф. Энгельс — Заметки о войне в Германии (1866 г.). *К. Маркс и Ф. Энгельс*. Соч., т. XIII, ч. I.

- Ф. Энгельс — Военный вопрос в Пруссии и немецкая рабочая партия. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XIII, ч. I.
- Ф. Энгельс — К роспуску Лассальянского рабочего союза. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XIII, ч. I.
- К. Маркс — Гражданская война во Франции. Госполитиздат, 1953.
- К. Маркс — Критика Готской программы. Госполитиздат, 1953.
- Ф. Энгельс — «Кризис» в Пруссии. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XV.
- Ф. Энгельс — Социализм г-на Бисмарка. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XV.
- Ф. Энгельс — Роль насилия в истории. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XVI, ч. I.
- Ф. Энгельс — Социализм в Германии. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XVI, ч. II.
- К. Маркс и Ф. Энгельс — Переписка. Соч., т. XXIII—XXV.
- К. Маркс и Ф. Энгельс — Переписка К. Маркса и Ф. Энгельса с русскими политическими деятелями. Госполитиздат, 1947.
- К. Маркс и Ф. Энгельс — Письма. Соцэкгиз, 1931.
- В. И. Ленин — Развитие капитализма в России. Соч., т. 3.
- В. И. Ленин — Гонители земства и Аннибалы либерализма. Соч., т. 5.
- В. И. Ленин — Шаг вперед, два шага назад. Соч., т. 7.
- В. И. Ленин — Самодержавие и пролетариат. Соч., т. 8.
- В. И. Ленин — Две тактики социал-демократии в демократической революции. Соч., т. 9.
- В. И. Ленин — Чего хотят и чего боятся наши либеральные буржуа. Соч., т. 9.
- В. И. Ленин — Мелкобуржуазный и пролетарский социализм. Соч. т. 9.
- В. И. Ленин — Аграрная программа социал-демократии в первой русской революции 1905—1907 гг. Соч., т. 13.
- В. И. Ленин — Об оценке текущего момента. Соч., т. 15.
- В. И. Ленин — Заметки публициста. Соч., т. 16.
- В. И. Ленин — Павел Зингер. Соч., т. 17.
- В. И. Ленин — Пятидесятилетие падения крепостного права. Соч., т. 17.
- В. И. Ленин — Манифест либеральной рабочей партии. Соч., т. 17.
- В. И. Ленин — Реформизм в русской социал-демократии. Соч., т. 17.
- В. И. Ленин — Памяти Герцена. Соч., т. 18.
- В. И. Ленин — Либералы в роли защитников IV Думы. Соч., т. 19.
- В. И. Ленин — Заметки публициста. Соч., т. 19.
- В. И. Ленин — Спорные вопросы. Соч., т. 19.
- В. И. Ленин — Август Бебель. Соч., т. 19.
- В. И. Ленин — О праве наций на самоопределение. Соч., т. 20.
- В. И. Ленин — Критические заметки по национальному вопросу. Соч., т. 20.
- В. И. Ленин — О национальной гордости великороссов. Соч., т. 21.
- В. И. Ленин — Под чужим флагом. Соч., т. 21.
- В. И. Ленин — Русские Зюдекумы. Соч., т. 21.
- В. И. Ленин — Крах II Интернационала. Соч., т. 21.

- В. И. Ленин* — Социализм и война. Соч., т. 21.
В. И. Ленин — Социалистическая революция и право наций на самоопределение. Соч., т. 22.
В. И. Ленин — О брошюре Юниуса. Соч., т. 22.
В. И. Ленин — О карикатуре на марксизм и об «империалистическом экономизме». Соч., т. 23.
В. И. Ленин — О сепаратном мире. Соч., т. 23.
В. И. Ленин — Война и революция. Соч., т. 24.
Н. С. Хрущев — О контрольных цифрах развития народного хозяйства СССР на 1959—1965 гг. Доклад на внеочередном XXI съезде Коммунистической партии Советского Союза 27 января 1959 г., М., 1959.
Э. Тельман — Боевые статьи и речи. «Московский рабочий», 1935.
W. Pieck — Reden und Aufsätze, Bd. I—II, Berlin, 1950.
O. Grotewohl — Im Kampf um Deutschland. Reden und Aufsätze, Bd. I, Berlin, 1948.

Неопубликованные (архивные) источники

- Центральный Государственный Архив Древних Актов (ЦГАДА). Разряд XXX. № 9. Переписка кн. А. М. Горчакова за 1863—1866 гг., тома 9/22, 9/23, 9/24, 9/25, 9/26, 9/27, 9/28, 9/29, 9/30, 9/31, 9/32, 9/33, 9/34, 9/35, 9/36, 9/37, 9/38, 9/39, 9/40.
 Архив внешней политики России (АВПР). Фонд Министерства иностранных дел. Канцелярия. 1866. № 30, 31, 33, 66, 80, 169, 171, 172, 173, 174 и отчет по министерству за 1866 г.
 Отдел рукописей Государственной публичной библиотеки им. В. И. Ленина. Фонд Д. А. Милютина, дела 7840, 7842, 7845, 7846, 7848, 8011, 8012, 8020, 8025, 8027, 8030, 8032, 7889, 7981, 10509, 10510/1, 15011/1, 10532/22, 10533/2.

Издания дипломатических документов

- «К истории франко-русского соглашения 1859 г. (докум.)». «Красный архив», т. 88, М., 1938.
 «Шлезвиг-голштинский вопрос и Россия в 1864 г.» «Красный архив», т. 93, М., 1939.
 «Письма О. Бисмарка А. М. Горчакову». «Красный архив», т. 61, М., 1933.
Мартенс Ф. Ф. — Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россией с иностранными государствами, т. III, VIII, XII, XV, СПб.
Серебренников А. Г. — Туркестанский край. Сборник материалов для истории его завоевания. 1864—1866 гг. № 17—22, Ташкент, 1914—1916.
Auswärtige Politik Preussens (APP), Bd. IV—VI, VIII, Oldenburg, 1935—1939.
Bismark O. — Die Gesammelten Werke, Bd. 4—6, Berlin, 1927—1930.
Brandenburg E. — Untersuchungen und Aktenstücke zur Geschichte der Reichsgründung, Leipzig, 1916.
Hähnsen F. (Hrsg.) — Ursprung und Geschichte des Artikels V des Prager Friedens, Bd. I—II, (1863—1879), Breslau, 1929.

«Les origines diplomatiques de la guerre de 1870—1871. Recueil de documents publiés par le ministère des affaires étrangères», Paris, T.1—13, P. 1910—1921.

Onken H. (Hrsg.) — Die Rheinpolitik Kaiser Napoleons III von 1863 bis 1870 und der Ursprung des Krieges von 1870/71, Bd. 1—3, Berlin und Leipzig, 1926.

Palmerston (Lord) — Sa correspondance intime, Paris, 1879.

Victoria (Queen) — The Letters of Queen Victoria. Second series. Vol. I, 1862—1869, London, 1926.

Мемуары и дневники

Бебель А. — Из моей жизни. Госиздат, 1925.

Бисмарк О. — Мысли и воспоминания, т. I—II, М., 1940.

Лебедев К. Н. — Записки сенатора К. Н. Лебедева (Русский архив, 1911, кн. II).

Никитенко А. В. — Дневник, т. 2—3, 1955—1956.

Тютчева А. Ф. — При дворе двух императоров. Воспоминания — дневник, т. I—II, изд. М. и С. Сабашниковых, 1928.

Феоктистов Е. М. — За кулисами политики и литературы, 1848—1896, Ленинград, 1929.

Издания публицистических сочинений и переписки

Аксаков И. С. — Полное собрание сочинений, т. I, VI, VII, М., 1886—1887.

Герцен А. И. — Былое и думы. В пяти томах. ГИХЛ, М., 1937—1939.

Герцен А. И. — Полное собрание сочинений и писем под редакцией М. К. Лемке, т. I—XXII, П., 1919—1925.

Герцен А. И. — Письма из Франции и Италии. С того берега, М.—Л., 1931.

Герцен А. И. — Новые материалы, М., 1927.

Добролюбов Н. А. — Собрание сочинений, т. III, V, М., 1941, 1952.

Долгоруков П. В. — Петербургские очерки. 1860—1867, М., 1934.

Катков М. Н. — Собрание передовых статей из «Московских ведомостей» за 1864—1866 гг.

Куручкин В. С. — Собрание стихотворений, т. 1—2, М., 1869.

Лассаль Ф. — Сочинения, т. I—III, изд-во «Круг».

Пигарев Ф. И. — Тютчев и проблемы внешней политики царской России. «Литературное наследство», 1935, т. 19—21.

Писарев Д. И. — Сочинения, т. I, 1909.

Самарин Ю. Ф. — Сочинения, т. 7—10, М., 1889—1896.

Тютчев Ф. И. — Сочинения, вып. 2, СПб., 1913.

Чернышевский Н. Г. — Полное собрание сочинений, т. I—XI, 1939—1951.

Чернышевский Н. Г. — Литературное наследие, т. II, М.—Л., 1928.

Русские периодические издания (газеты и журналы)

- «Колокол», 1858—1866 гг.
- «Общее вече», прибавление к «Колоколу», 1864 г.
- «Русское слово», 1864—1866 гг.
- «Современник», 1864—1866 гг.
- «Биржевые ведомости», 1864—1866 гг.
- «Вестник Европы», 1866 г.
- «Весть», 1864—1866 гг.
- «Военный сборник», 1864—1866 гг.
- «Голос», 1864—1866 гг.
- «День», 1864—1865 гг.
- «Заграничный вестник», 1864 г.
- «Искра», 1864—1866 гг.
- «Москва», 1867 г.
- «Московские ведомости», 1864—1866 гг.
- «Отечественные записки», 1864—1866 гг.
- «Русская корреспонденция», 1866 г.
- «Русские ведомости», 1864—1866 гг.
- «Русский вестник», 1864—1866 гг.
- «Русский инвалид», 1864 г.
- «С.-Петербургские ведомости», 1864—1866 гг.
- «Эпоха», 1864 г.
- «Journal de Saint-Petersbourg», 1864—1866.
- «Petersburger Zeitung», 1864.

Разные материалы о внутреннем положении и внешней торговле России в 1864—1866 гг.

Гулишамбаров С.—Всемирная торговля в XIX в. и роль в ней России, СПб., 1898.

Блюх И. С.—Финансы России XIX столетия, т. II, СПб., 1882.
«Крестьянское движение 1827—1869 гг.», вып. 2. Подгот. к печати Е. А. Мороховец, М.—Л., 1931.

Куломзин А. Н.—Рейтерн В. Г., барон Нолькен. «М. Х. Рейтерн. Биограф. очерк», СПб., 1910.

«Сборник сведений по истории и статистике внешней торговли России». Под ред. В. И. Покровского, т. I, СПб., 1902.

Исторические исследования

Адамов Е. В.—К истории германского «Drang nach Osten» (1848—1866). «Исторический журнал» № 7, 1943 г.

Блюм Ф.—Война 1864 г. в Дании, 1895.

Витчевский В.—Торговля, таможенная и промышленная политика России во времена Петра Великого до наших дней, СПб., 1909.

Галкин И. С.—Объединение Германии, М., 1951.

Горяинов С. С.—Босфор и Дарданеллы, СПб., 1907.

Геккер О. Л.—Проблемы европейской политики и внешней политики России середины XIX в. в освещении Герцена. Канд. дисс., М., 1951 (Гос. публ. б-ка им. В. И. Ленина).

Дебидур А.— Дипломатическая история Европы, т. II, Госполитиздат, 1948.

Духанов М.— Бисмарк и балтийский вопрос в 60-х гг. XIX в. «Ученые записки Латвийского государственного университета», т. XVI, Рига, 1957.

Жигарев С.— Русская политика в восточном вопросе, т. II, М., 1896.

Зайончковский П. А.— Д. А. Милютин. Биографический очерк (в кн. «Дневник Д. А. Милютина. 1873—1875», т. I, М., 1947).

Зайончковский П. А.— Военные реформы 1860—1870 годов в России, изд. МГУ, 1952.

Зутис Я. Я.— Остзейский вопрос в 60-х гг. XIX в. (в сб. «Из истории общественных идей и международных отношений. В память акад. Е. В. Тарле», М., 1957).

Ионкина Т.— «Русское слово» — демократический орган 60-х годов XIX в. Канд. дисс., М., 1950 (Гос. публ. б-ка им. В. И. Ленина).

«История Румынии». Под ред. М. Роллера, М., 1950.

Ладыженский К.— История русского таможенного тарифа. СПб., 1886.

Лященко П. И.— История народного хозяйства СССР, т. II, Госполитиздат, 1956.

Майский В.— Германия и война, М., 1916.

Меринг Ф.— История германской социал-демократии, т. 1—3, Госиздат, 1923.

Меринг Ф.— Рабочее движение 1862—1867 гг. в Лейпциге, СПб., 1906.

Нарочницкий А. Л.— Международные отношения от Парижского до Франкфуртского мира (1856—1871), М., 1946.

Нольде В. Э.— Внешняя политика. Исторические очерки, Пгр., 1915.

Норден А.— Уроки германской истории, М., 1948.

Покровский С. А.— Политические и правовые взгляды Чернышевского и Добролюбова, М., 1952.

Ревуненков В. Г.— Приход Бисмарка к власти, Л., 1941.

Ревуненков В. Г.— Польское восстание 1863 г. и европейская дипломатия, Л., 1957.

Роотс Л.— К вопросу о позиции Швеции в 1863—1864 гг. (в кн. «Скандинавский сборник», I, Тарту, 1957).

Роотс Л.— Шлезвиг-гольштейнский вопрос и политика европейских держав в 1863—1864 гг., Таллин, 1957.

Ротштейн Ф. А.— Две прусские войны, М., 1950.

Тарле Е. В.— Запад и Россия, изд. «Былое», Пгр., 1918.

Татищев С. С.— Император Александр II, т. I—II, СПб., 1903.

Шнеерсон Л.— Франко-прусская война и общественное мнение России, 1949. Канд. дисс. (Гос. публ. б-ка им. В. И. Ленина). См. также отрывки из этой работы, опубликованные в «Ученых записках Белорусского государственного университета», вып. 10, 16, 1950, 1954.

Чудовский В.— Война за Шлезвиг-Гольштейн. 1864 г., СПб., 1866.

Эльсберг Я.— А. И. Герцен. Жизнь и творчество, М., 1948.

Bardoux J. — Les origines du malheur européen. L'aide anglo-français à la domination prussienne, Paris, 1947.

Brandenburg E. — Die Reichsgründung, Bd. II, Leipzig, 1916.

Charles — Roux F — Alexandre II, Gortchakoff et Napoleon III, Paris, 1913.

Clark Ch. W. — Prince Gorchakov and the Black Sea Question 1866 (The American Historical Review. Oktober, 1942 (vol. XVIII, №1). «Handbuch zur schleswigschen Frage», Bd. 1—2, 1922.

Mosse W. E. — The Crown and foreign Policy. Queen Victoria and the austro-prussian Conflict. March — May, 1866. («The Cambridge Historical Journal». Vol. X, № 2, London and New York, 1951.)

Mosse W. E. — The European Powers and the German Question 1848—1871, Cambridge, 1958.

Rheindorff K. — Die Schwarze-Meer (Pontus) Frage 1856—1871, Berlin, 1925.

Sorel A. — Histoire diplomatique de la guerre franco-allemande, T. I, Paris, 1875.

Steefel L. D. — The Shleswig-Holstein Question. Cambridge. Harvard University Press, 1932.

Sybel H. — Die Begründung des deutschen Reiches durch Wilhelm I. Bd. IV—V, München und Leipzig, 1890.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	3
 Глава I. ПОЛИТИКА ЦАРСКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА В ШЛЕЗВИГ-ГОЛШТИНСКОМ ВОПРОСЕ В 1863—1865 гг.	
1. Внутреннее и международное положение России накануне и во время войны Пруссии и Австрии с Данией	—
2. Царское правительство и подготовка войны Австрии и Пруссии с Данией	31
3. Царская дипломатия и шлезвиг-голштинский вопрос во время войны 1864 г.	51
 Глава II. ЦАРСКОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО И АВСТРО-ПРУССКАЯ ВОЙНА 1866 г.	
1. Царская дипломатия и подготовка войны 1866 г.	—
2. Укрепление русско-пруских отношений после битвы у Садовой. Миссия Мантейфеля	114
 Глава III. РУССКАЯ ПОМЕЩИЧЬЕ-БУРЖУАЗНАЯ ПЕЧАТЬ И ВОЙНЫ ПРУССИИ ЗА ОБЪЕДИНЕНИЕ ГЕРМАНИИ «СВЕРХУ» В 1864—1866 гг.	
1. Позиция помещичье-буржуазной печати в общих вопросах внешней политики России в 1864—1866 гг.	—
2. Прусские войны и германская проблема в оценке русской помещичье-буржуазной печати в 1864—1866 гг.	170
 Глава IV. РУССКИЕ РЕВОЛЮЦИОННЫЕ ДЕМОКРАТЫ И ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ ПЕЧАТЬ 60-х ГОДОВ О ПРОБЛЕМЕ ОБЪЕДИНЕНИЯ ГЕРМАНИИ И ВОЙНАХ ПРУССИИ	
1. А. И. Герцен о прусских войнах и проблеме объединения Германии в 60-х годах XIX в.	—

2. Н. Г. Чернышевский и Н. А. Добролюбов о буржуазно-национальных движениях и войнах 50—60-х годов в Западной Европе	229
3. Демократическая печать середины 60-х годов о проблеме объединения Германии и войнах Пруссии . . .	243
Послесловие	260
К историографии вопроса	273
Использованные источники и литература . .	279

Нарочницкая Лидия Ивановна
 Россия и войны Пруссии
 в 60-х годах XIX в. за объединение
 Германии «сверху»

Редактор *И. Динерштейн*
 Художник *Н. Митрохин*
 Художественный редактор *Н. Симагин*
 Технический редактор *А. Данилина*

Сдано в набор 22 сентября 1959 г. Подписано в печать 10 декабря 1959 г.
 Формат 84 × 108¹/₃₂. Физ. печ. л. 9. Условн. печ. л. 14,76. Учетно-изд. л. 15,94.
 Тираж 3 тыс. экз. А 11105. Заказ 867. Цена 9 руб.

Госполитиздат, Москва, Д-47, Миусская пл., 7.

Типография «Красный пролетарий» Госполитиздата
 Министерства культуры СССР. Москва, Краснопролетарская, 16.

9 руб.

1000000